НОВАЯ ПОЛЬША

№12(114) 2009

СУД НАД СТАНИСЛАВОМ АВГУСТОМ

БЕСЕДА С СУДЬЕЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА МАРЕКОМ САФЬЯНОМ

Стефан Братковский о ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

Славомир Поповский о книге Стефана Братковского

Яцек Бохенский ИМПЕРАТОР ТИБЕРИЙ

Новый взгляд на восприятие Чехова в Польше

РОД КУЛЕРСКИХ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Поздравляем всех наших читателей
и сотрудников с Рождеством Христовым,
желаем счастья, мира и взаимопонимания
в Новом году.
Редакция

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 12(114)
2009
декабрь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Станислав Закрочимский 3
СУД НАД СТАНИСЛАВОМ АВГУСТОМ ПОНЯТОВСКИМ

Павел Яблонский 14
ПАВЕЛ I ХОТЕЛ БЫТЬ ЕГО СЫНОМ

ПОЛЬША УЧИТСЯ ПРАВУ 16
Беседа с Мареком Сафьяном

Виктор Кулерский 21
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Збигнев Вежбицкий 31
СЛАВНА ЛИ ПОЛЬША СВОИМИ ДИНАСТИЯМИ?

Славомир Поповский 34
СЛАВЯНСКАЯ АТЛАНТИДА

Стефан Братковский 37
ЧУДО ВСЕОБЩЕЙ ГРАМОТНОСТИ

Яцек Бохенский 44
ИМПЕРАТОР ТИБЕРИЙ

Лешек Шаруга 49
ИСТИНА, ТО ЕСТЬ ПРОДУКТ

Анна Пивковская 51
СТИХОТВОРЕНИЯ

Александр Вирпша 56
ПРОСТРАНСТВО (КАЖУЩЕЙСЯ) ЛЕГКОСТИ

Ирина Лаппо 58
ЧЕХОВСКАЯ ТОСКА И БЕЗВОЛИЕ

Эльжбета Савицкая 67
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Ев гений Соболь 71
КАК ПОЛЯКИ ОПИСЫВАЮТ РОССИЮ

Лешек Шаруга 72
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ИЗ-ПОД СПУДА

Я ОЧЕНЬ НЕ ЛЮБЛЮ ОБ ЭТОМ ГОВОРИТЬ… 75
Беседа с Натальей Горбаневской

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
BIBLIOTEKA NARODOWA
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**

Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается под патронатом Национальной Библиотеки по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
Тираж 4700 экз.

Переводчики: Е. Гендель, Н. Кузнецов, М. Курганская, С. Политыко, Е. Соколова, Е. Шиманская.
Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 20, 49), E. Lempp (стр. 56), Archiwum Wiktora Kulerskiego (стр. 31-33), P. Zielona (стр. 15, 84).

Станислав Закрочимский

СУД НАД СТАНИСЛАВОМ АВГУСТОМ ПОНЯТОВСКИМ

Мы публикуем необычный текст, сенсационность которого заключается не только в возрасте его автора, но и в самой идее, положенной в его основу. Автору 15 лет, он — ученик 2-го [предпоследнего] класса гимназии. Мы проверили — это действительно он, и он действительно гимназист. Никто в его взрослом окружении не интересуется тематикой представленного им текста. Мы специально отмечаем это, потому что сами не могли поверить... [Вступление — от ред. Интернет-портала]

Исторический фон (литературный вымысел)

Представим себе, что по какому-то невероятно счастливому стечению обстоятельств восстание Костюшко одерживает победу. Русская армия разгромлена под Мацеёвицами, а царь, напуганный растущей мощью поляков, которых поддерживают несметные крестьянские массы, идет на мировую и отдает Речи Посполитой все земли, захваченные во время второго раздела. Схожие договоры подписаны также с Пруссией и Австрией — с той лишь разницей, что земли, захваченные ими в 1772 г., делятся между обоими государствами на две более или менее равные половины. Вдобавок подписан пакт о вековечном союзе с Австрийской империей, которая на партнерских условиях соглашается поддерживать Речь Посполитую в деле ее восстановления, а перепуганные русские и пруссаки сидят себе тихо и, занимаясь собственными проблемами, радуются приобретениям, полученным во время первого раздела Польши...

Внешнеполитическое положение представляется нормализованным. Правда, Польша платит серьезную цену за годы летаргии: вне границ нашего государства находятся, в частности, Гданьск, Львов и Витебск, однако же страна выходит из стагнации и сохраняет свою государственность. Экономика тоже начинает развиваться, подстегиваемая и раскручиваемая трудом освободившихся от барщины и полных энтузиазма крестьян, которые на основании заново принятой конституции, значительно расширяющей реформы, введенные «Правительственным постановлением» от 3 мая, получили также личную неприкосновенность и право участвовать в принятии решений о судьбах государства, чьими полноправными гражданами они стали. Дворянское, или шляхетское сословие, хотя отнюдь не единогласно и не сразу, в конце концов понимает ошибки прошлого. Реальная угроза потерять государство, которая существовала еще несколько месяцев назад, наложила отчетливый отпечаток на психологию шляхтичей, породив в них значительно большее уважение к общему благу — отечеству.

В государстве, через которое только что прокатился вихрь восстания Костюшко, по-прежнему правит Чрезвычайное временное правительство, в состав которого входят бывшие члены патриотической партии времен Великого сейма, дополненные героями последних сражений, а также представителями мещанства и крестьянства. Во главе его по-прежнему стоит главнокомандующий Тадеуш Костюшко, не без оснований называемый избавителем народа. Положение благоприятствует сведению счетов с прошлым. Царящие вокруг патриотические настроения, поддержанные немалой ноткой радикализма, и сознание того, что в недалеком прошлом независимость висела на волоске, заставляют честных и благородных граждан сделать соответствующие выводы и привлечь к ответственности тех, кто еще недавно со всем фальшивым обаянием, какое только способен вообразить человек, выслуживались перед несостоявшимся захватчиком. Умелый вождь следит, чтобы дело в стране не доходило до дальнейших самосудов, и благодаря своему авторитету добивается создания специального Государственного трибунала, перед которым с соблюдением всех законов проходит суд над участниками Тарговицкой конфедерации и другими лицами, подозреваемыми в государственной измене.

Самым ожидаемым и самым многообещающим процессом должен стать суд над бывшим королем Станиславом Августом Понятовским, свергнутым Сеймом с престола. Когда после нескольких месяцев подготовительных работ обвинительный акт наконец готов, зал трибунала на Краковском Предместье в

Варшаве заполняется до отказа — так же, как некогда, в один из майских дней, заполнилась галерея Сеймового зала в Королевском замке. На сей раз, однако, Понятовского приветствовали не возгласы обожания и здравицы, а оскорбления и брань толпы, которая ощущала себя преданной бывшим монархом.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ТРИБУНАЛЕ

(Обвинительный акт и защитительная речь Станислава Августа)

Судья *(бесстрастным, официальным тоном)*: Прошу всех присутствующих сдерживать эмоции и проявлять уважение к суду. Начинаем запланированное на сегодня заседание. В соответствии с ходатайством общественного обвинителя рассматривается дело гражданина Станислава Понятовского. Прошу стороны занять свои места. Присутствует ли господин обвинитель?

Обвинитель *(чрезвычайно самоуверенным голосом)*: Да, ваша честь, я готов предъявить обвинения.

Судья: Присутствует ли обвиняемый?

Понятовский *(величаво и неспешно поднимаясь со стула; говорит веско, но без всякой нервозности):* Я здесь, ваша честь.

Судья: Выразили ли вы желание защищаться с помощью адвоката?

Понятовский *(с вызывающей удивление самоуверенностью, среди враждебного ропота, раздающегося с галереи)*: Нет, ваша честь. Я отдаю себе отчет, что те действия, за которые меня сегодня должны судить, и так уже получили оценку во многих польских умах. А также сознаю, что приговор, который сегодня вынесут, не может быть никаким иным, кроме обвинительного. Этого в данный момент требует от суда ускоряющая свой бег история, и я, лишенный монаршего достоинства и высокого сана, не имею в связи с этим никаких претензий к суду. Напротив, я даже доволен, что мне пришлось предстать перед судом. Это станет для меня удобным случаем объяснить многие вещи самому себе, суду, отечеству и истории. Тем не менее я, как уже говорилось, не представляю себе, что меня оправдают, ибо на мне тоже лежит вина. В связи с этим я не нуждаюсь в адвокате. Не нуждаюсь я сегодня ни в судебном фарсе, ни в хитроумной линии защиты. Мои действия будет судить история. И защищать мои действия будет та же история, а она в судебных ловкачах не нуждается.

Судья: Понятно. В связи с этим перейдем к зачтению обвинительного акта. Убедительно прошу господина обвинителя взять слово.

Обвинитель *(встает, отвешивает любезный поклон в сторону трибунала, вставляет монокль в левый глаз, поднимает с письменного стола целый ворох записей и без заминки, с полной убежденностью начинает свою речь):* Ваша честь, сегодня в этом зале мы рассматриваем дело большой важности. Сейчас у нас есть возможность свершить акт правосудия по отношению к лицу, быть может, более всех виновному в тех трагических обстоятельствах, в которых наше отечество находилось еще совсем недавно. Лицу, которое воплощает несбывшиеся мечты многих патриотов, воплощает бессилие в деле принятия трудных решений, столь характерное, как известно, для предшествующей Речи Посполитой, чью историю раз и навсегда закрыла Тарговицкая конфедерация. Лицу, которое, наконец, служит живым примером трусости, ничтожества и отсутствия ответственности за бремя, сознательно возложенное им на свои плечи. Ваша честь, когда я как гордый поляк, который никогда не опозорил себя никаким сотрудничеством с захватчиком и был готов до последней капли крови защищать погибающее отечество, смотрю сегодня на сидящего напротив меня Станислава Августа Понятовского, то у меня возникает желание подойти к нему и плюнуть ему в лицо со словами: «О, изменник, понимаешь ли ты, что содеял?» Однако я знаю, что как общественный обвинитель должен смирить личные чувства и что на мне лежит обязанность в согласии с буквой закона доказать моему бывшему монарху настолько убедительно, насколько удастся, в чем именно тот виновен. А виновен он в ужасающих преступлениях.

Итак, я обвиняю гражданина Понятовского.

Во-первых, в том, что в 1764 г., пользуясь чужеземными силами, с помощью войск, недоброжелательных к дальнейшему существованию сильной Речи Посполитой, он захватил польскую корону, лишив выборщиков, которые собрались под Варшавой, возможности сделать выбор, соответствующий их совести.

Во-вторых, в том, что в 1768 г. он помог навеки прóклятому послу Репнину в жестоком деле похищения предводителей Радомской конфедерации Каэтана Солтыка и Юзефа Анджея Залусского, а также Вацлава и Северина Ржевусских.

В-третьих, в том, что в 1768 г. он подписал позорный «Договор о вечной дружбе» с Российской империей, приговорив Речь Посполитую безропотно подчиняться русским.

В-четвертых, в том, что в 1768 г. он вопреки воле Сената призвал русские войска против справедливо взбунтовавшейся шляхты, которая объединилась в Барскую конфедерацию против всё более ненасытной агрессивности соседней Российской империи.

В-пятых, в том, что, не умея самостоятельно и в полной мере выполнять королевские обязанности, которые ему предоставил всемогущий Господь и нация, он, забыв о необходимости защищать суверенность нации и Речи Посполитой, допустил русского посла к соучастию в решении судеб Пресветлой Речи Посполитой, что неизбежно способствовало дальнейшему усугублению ее зависимости от Российской империи.

В-шестых, в том, что в 1792 г., будучи неспособен сохранить достоинство и проявить хотя бы малую заботу о вверенной его опеке Речи Посполитой, он струсил и, предательски изменив прежним обещаниям поддержать майскую конституцию, присоединился к Тарговицкой конфедерации, окончательно погубив страну, в которой жили его подданные.

В-седьмых, в том, что, видя пылкое устремление польской нации к защите дорогой ей независимости, он особым универсалом воспротивился восстанию, которое поднял Тадеуш Костюшко.

Ваша честь, через весь этот достаточно подробный, хотя и подготовленный в изрядной спешке обвинительный акт постоянно проходит одно-единственное слово — измена. Каждое из семи деяний, в которых обвиняется бывший монарх Речи Посполитой, можно свести к тому, что оно ослабляло наше государство и всё больше отдавало его во власть России. Всякая измена — ужасное преступление, и оно еще ужаснее, когда субъектом измены становится отечество. Не бывает, однако, измены худшей и более страшной, нежели измена, совершаемая отцом, каковым должен быть монарх, по отношению к своему дитяти, каковым должна для него быть страна, отданная ему во владение. Такую-то измену, в наихудшем из возможных ее вариантов, и совершил сидящий сегодня напротив меня гражданин Понятовский.

Обвинительный акт, который я только что зачитал, охватывает по сути дела весь почти тридцатилетний период правления Понятовского. От его избрания, происшедшего под властью насилия и страха перед русскими войсками, через целый ряд трусливых, покорных решений, вплоть до позорного факта присоединения к Тарговице, наш, к счастью, бывший король не делал по существу ничего, чтобы сдержать экспансию нашего могущественного восточного соседа на территории нашего государства, а когда он все-таки проделал один-единственный шаг в правильном направлении: присягнул на верность конституции 3 мая (хотя известно, что не без критических выпадов и под влиянием настойчивых уговоров патриотов), — то внезапно год спустя окончательно погубил всякие шансы на ее вступление в силу, совершив вышеупомянутый акт позорного присоединения к лагерю изменников.

Возможно, кто-нибудь из его благодушных защитников скажет, что у обвиняемого не было выбора, что в обстоятельствах, в которых он оказался, этот человек был вынужден сотрудничать с Московией и Екатериной. Это неправда. Во-первых, с того самого момента, как он решился стать претендентом на польский трон, обвиняемый знал, каково положение страны, и мог не соглашаться на выдвижение своей кандидатуры. Знал он также, что его кандидатуру усиленно поддерживает Екатерина II и что эта поддержка заведомо не бескорыстна. К умственным фантазиям можно отнести и предположение, будто он мог думать, что выбор короля под прицелом чужеземных винтовок вписывается в широко понимаемые польские государственные интересы. Нет, подсудимый с самого начала знал, на что решается. Не с сегодняшнего дня известно, что господа Михал Фридерик и Александр Август Чарторыйские, выдвигая его кандидатом на престол, обратились к царице с просьбой о военной помощи. И не с сегодняшнего дня известно, что Екатерина поддержала кандидатуру обвиняемого на наш трон не потому, что тот был наилучшим вариантом для Польши, но по той причине, что своею покорностью он гарантировал интересы Российской империи на территории Речи Посполитой. Сама Екатерина в 1764 г. писала, что следует возвести на престол Пястов того, кто полезен для российских интересов и кто был бы обязан

своим возвышением исключительно ей, и что такового она нашла в лице графа Понятовского, стольника литовского. Нужны ли нам дополнительные доказательства в пользу утверждения, что первый пункт обвинительного акта соответствует фактическому состоянию дел?

Продвигаясь далее, согласно очередности обвинений, выдвинутых в представленном мною акте, и поясняя, почему Станислава Августа нельзя воспринимать как несчастного властелина, который, хоть и желал спасти отчизну, неизбежно ввергал ее в пучину русского всемогущества, мы приходим к одному из самых отвратительных эпизодов в ходе и без того неумелого, бездарного правления обвиняемого. Я знаю, что употребил сильное слово, однако мне трудно найти другое определение для деяния, которое позволил себе совершить обвиняемый по отношению к предводителям Радомской конфедерации во время позорного «репнинского» Сейма 1768 года. У меня есть свидетели, которые способны подтвердить, что подсудимый помог закоренелому врагу нашего отечества похитить поименованных в акте руководителей Радомской конфедерации. Конечно, можно задумываться над нравственной оценкой действий конфедератов тех дней, можно обоснованно упрекать их в косности и консерватизме. Известно, что Северин Ржевусский, который в тот период, будучи юношей, уже принимал участие в деятельности этой конфедерации, тоже предстанет перед судом. Я никоим образом этого не отрицаю. Однако же нравственная оценка действий Станислава Августа по отношению к тем, кто объединился в ту конфедерацию, не подлежит ни малейшему сомнению. Подсудимый вел себя просто как Иуда. Он предал граждан того государства, судьбы которого были вверены ему Богом и народом. Позор, господин Понятовский! Сегодня свидетельствовать против вас здесь будет тот самый Ржевусский, вместе с которым вы двадцать пять лет спустя пытались продать Польшу Екатерине!

Следующий пункт — это унизительный договор о «вечной дружбе», которая якобы должна была связать нашу прекрасную страну с мерзостной империей, нарушающей в половине мира права народов на самостоятельное государственное существование. Хотелось бы в этом месте едко пошутить, утверждая, что дружба, возможно, и связывала, но только обвиняемого с царицей, и эта дружба, пожалуй, уж никак не была вечной *(раскаты громкого смеха на галерее)*.

Понятовский: Ваша честь, прошу прощения, что перебиваю, но такие высказывания из уст общественного обвинителя недопустимы и подрывают ваш авторитет и авторитет суда.

Голос с галереи: Авторитет государства подорван тем, что твоя мерзкая башка всё еще болтается на шее!

Судья: Прошу вывести из здания трибунала того, кто произвел эти дерзкие выкрики. Будет начато расследование по делу о нарушении вами порядка судопроизводства. Подобные слова недопустимы не только в этом трибунале. Что же касается замечания обвиняемого, то я, разумеется, отношусь к нему положительно и прошу господина обвинителя сдерживать эмоции и сосредоточиться на конкретных обвинениях. Прошу продолжать.

Обвинитель: Убедительно прошу извинить меня, ваша честь. Эмоции в самом деле захлестывают меня, но было бы тяжело рассчитывать на иное, ибо в подготовку этого процесса, у которого есть шанс восстановить веру в существование исторической справедливости, я вложил все свои силы без остатка.

Вернемся, однако, к делу. В 1768 г. обвиняемый подписал упомянутый договор, который послужил своего рода основанием для того, чтобы на добрые двадцать лет поставить нашу любимую Родину в зависимость от милости и немилости российского посла. Одновременно обвиняемый струсил и, воспользовавшись случаем, отказался почти от всех реформ, которые он ранее, хоть и весьма робко, но все-таки пытался проводить. Этот пример наилучшим образом дает характеристику правления обвиняемого. А изменять хоть что-нибудь он пробовал только в тех случаях, когда знал, что это ни в малейшей степени не создаст угрозы его трону. Если в какой-либо запланированной реформе обвиняемый видел противоречие с собственными интересами и опасность недовольства своей бывший любовницы, к которой он по-прежнему явно питал слабость... *(Понятовский вскакивает.)*

Судья *(опережая Понятовского)*: Господин обвинитель, вынужден наложить на вас штраф в размере пятисот польских злотых за несоблюдение просьб трибунала.

Обвинитель: Я подам апелляцию. Вернемся к делу. Когда перемены могли каким-либо образом уязвить Екатерину, подсудимый, словно пугливый заяц, отказывался от них. В этом было много заботы о своей корысти и мало — о благе государства.

Так уж складывается, ваша честь, что по мере чтения обвинительного акта постепенно нарастает позорный характер тех деяний, которые ставятся в вину подсудимому. Дело в том, что теперь мы переходим уже не к насильственным нарушениям неприкосновенности отдельных шляхтичей, уже не к политике в сфере общественно-государственного устройства, проводившейся им в высшей степени пагубно, но к очевидному использованию чужеземного насилия в целях защиты собственных интересов. Я, конечно же, имею в виду беззаконную и предпринятую вопреки воле большинства высоких сановников, составлявших сенаторскую палату, просьбу об использовании царской армии против шляхты, которая в праведном гневе отказалась подчиняться обвиняемому и объединилась в Барскую конфедерацию. Здесь я снова буду оценивать не позицию конфедератов, а позицию обвиняемого. Как и в случае образованной годом раньше Радомской конфедерации, Понятовский прибег к русской помощи. На сей раз уже не «ограничиваясь» преступлением, совершённым против предводителей движения, но призвав целую армию, дабы та разбила собратьев-шляхтичей! *(Возвышает голос.)* Тех собратьев, которые всего лишь за четыре года до этого избирали его королем! Какой же это позор, какая вероломная измена закону, призванию и всяческим принципам! Скажу честно, ваша честь, мне не хватает слов, чтобы описать все преступления против собственного народа, какие позволил себе совершить сидящий напротив меня обвиняемый.

Пятое обвинение — как бы производное от третьего и дополняет его. Договор о «вечной дружбе» создавал надлежащие условия для того, чтобы главная власть в Речи Посполитой досталась не королю и не кому-либо из назначенных им чиновников, а русскому послу. Вероятно, никому не надо объяснять, что такая система была попросту больной и не могла привести ни к чему другому, кроме как к остановке реформ и застою в политической жизни государства. Почему я вынес это обвинение в отдельный пункт? Почему не посчитал, что хватит того пункта, где предметом обвинения выступает сам факт подписания договора? А потому, что у обвиняемого еще существовал шанс исправиться. Он мог после какого-то очередного случая предотвратить вмешательство [русского посланника] Штакельберга в те или иные польские внутренние дела. Мог упрямиться и проявлять строптивость, мог стремиться к денонсации договора, согласно которому Россия выступала гарантом сохранения того больного строя, с каким мы в то время имели дело в нашем государстве. Но он не сделал ничего этого. Безучастно и пассивно ждал он, подписывая в 1773 г. договор о разделе страны и потом на протяжении пятнадцати лет не предпринимая никаких инициатив на политическом поле. Потребовалось патриотическое потрясение, исходившее отнюдь не от обвиняемого, чтобы наконец стронуть с места прогнившую и больную политическую систему и получить от него милостивую, частичную поддержку.

Продвигаясь далее по обвинительному акту, мы постепенно приближаемся к концу Речи Посполитой. Начнем рассматривать пункты, относящиеся к изменам и слабостям обвиняемого в столь недавние критические времена. Последние два пункта касаются событий, которые имели место в течение последних неполных четырех лет. Вернемся, однако, к последовательному рассмотрению акта. В шестом пункте я представил обвинение, касающееся события, которое в польском языке и традиции уже начинает символизировать позор и национальное предательство. Тарговица... Это слово по-прежнему вызывает страх и ужас не только в мужественных сердцах польских патриотов. А почему? Потому что принадлежавшие к этой конфедерации поляки, хотя хотелось бы сказать «антиполяки», были людьми, представляющими собой безусловно наихудшую разновидность человека, какая только имеет несчастье существовать. Эта разновидность характеризуется абсолютным невежеством, если говорить о делах, касающихся всеобщего блага, если говорить о патриотизме, о «святой любви к дорогому отечеству», как хотелось бы повторить вслед за князем поэтов [Игнацием Красицким]. Однако это отнюдь не та человеческая разновидность, которая характеризуется невежеством в прочих областях. О нет, ничего подобного! Люди этого покроя не знают себе равных в битве за собственные интересы, причем любыми средствами, включая погибель своего государства. Такого рода люди не знают также равных себе в жестокости и хитроумном ловкачестве. Такие люди — навеки про́клятые прислужники благосклонных к ним владык. В подобных людях присутствуют практически все наихудшие черты, какие только можно приписать представителям рода человеческого. А посему ничуть не странно, что в добропорядочных польских умах уже сама мысль о таких людях вызывает отвращение.

Но к чему я клоню? А к тому, чтобы высказать нечто очевидное. Подсудимый, Станислав Август Понятовский, по-видимому, не удовлетворял и не удовлетворяет всем тем чудовищным «требованиям», которые позволяли бы назвать его представителем той человеческой разновидности, чью характеристику я набросал чуть раньше, но, примкнув к союзу людей такого покроя, он сам отождествил себя с ними. И потому, следовательно, нет никакого нравственного объяснения тому позорному присоединению [к тарговичанам], которое в августе 1792 г. осуществил наш бывший монарх.

Последний пункт моего обвинения говорит о временах, уже целиком и полностью современных нам. Полтора года назад наш спаситель и вождь [Тадеуш Костюшко] на краковском рынке клялся «перед Богом всей польской нации», что всеми своими силами будет стремиться к «защите нерушимости границ, восстановлению самовластия нации и упрочению всеобщей свободы». Этот факт известен в Польше каждому маленькому ребенку, и он будет вписан в учебники нашей национальной истории как беспримерный акт героической заботы о нации. Заботы, проявленной вовсе не тем, кто обещал таковую на протяжении почти тридцати лет, не монархом, которому были вверены судьбы этого народа, но великим польским патриотом, осмелившимся в акте отчаяния встать против трех иноземных властителей и мобилизовать нацию на борьбу, принесшую ей победу. Что же делал в это время тот самый монарх, который сегодня в позоре сидит напротив меня? Издавал в Варшаве универсал против восстания! Чем можно оправдать такого рода акт полнейшей компрометации в глазах соотечественников и всего мира? Счастье, что в ту пору его декреты уже имели примерно такую же цену, как бумага, в которую мы завертываем колбасу на субботней ярмарке. Счастье, что ему не удалось еще раз навредить измученному отечеству. Счастье, что сила гнева, поднявшегося в поляках, привела этого изменника к полному поражению и на то место, где он сегодня столь справедливо восседает. Благодарю.

Судья: Какого наказания вы требуете, господин обвинитель?

Обвинитель: Хотя подсудимый уже несет наказание, каковым является публичная ненависть к его особе и тот общественный остракизм, которому он подвергается как личность, но для того, чтобы справедливость восторжествовала, суд должен вынести ему настоящее правомочное наказание, имеющее законную силу. С моей стороны не может быть другого вывода и предложения, чем ходатайство о смертной казни для Станислава Августа Понятовского.

(Оживление в зале. Слышны возгласы: «Правильно, повесить изменника».)

Судья: Прошу зал умерить эмоции. Предложение обвиняющей стороны принимается к сведению.

(...)

(В этот момент происходят многочисленные вызовы свидетелей, битвы с помощью аргументов, столкновения сторон. [...] Принимая во внимание слишком большой объем их обширных показаний и то обстоятельство, что на самом деле они внесли в ход судебного процесса совсем немного, мы перейдем сразу к заключительной речи Станислава Августа Понятовского, который только теперь по-настоящему раскрыл линию своей защиты, обратился непосредственно к обвинениям и постарался защитить свою честь. Если в его речи возникали темы, затронутые во время допросов свидетелей, то они всегда разъяснялись, так что читатель, незнакомый с содержанием этих показаний, не должен испытывать неудобств.)

(...)

Судья: На этом мы завершили список свидетелей и переходим к заключительной части судебного заседания. Прошу обвиняемого взять слово с целью представить последнюю защитительную речь.

(Напряжение в зале достигает апогея, слышен шум и обрывки нервного обмена мнениями между зрителями. Всем передается атмосфера ожидания.)

Понятовский: Ваша честь! Это мое последнее слово на процессе. Кто знает, не последние ли это слова, которые мне будет дано произнести публично, прежде чем я положу свою голову на плаху. Посему разрешите мне, ваша честь, перед тем как перейти к опровержению конкретных упреков и претензий, выдвинутых общественным обвинением, постараться представить аргументы, которые свидетельствуют о том, что я не был только и исключительно плохим, своенравным монархом, подкарауливавшим любой случай, дабы урвать у своего отечества какую-нибудь частицу земли, чести или достоинства. Прошу заметить, что весь без исключения обвинительный акт, представленный утром в этом зале, опирается только и исключительно на обвинения из сферы политики. Не знаю, осознаёт ли суд, а также вы, глубо-

коуважаемые дамы и господа, время от времени потчующие нас весьма милыми возгласами из амфитеатра, что управление государством не заключается в одном лишь подписании договоров, объявлении войн и проведении или непроведении в жизнь политических реформ. Государство, а уж в особенности наша Речь Посполитая — это организм, бесконечно более сложный, чем можно себе вообразить. Помимо политики, понимаемой в только что представленном мною контексте, властителю надлежит также осуществлять надзор за культурой, просвещением, религией, внутренней безопасностью, казначейскими делами и многими более мелкими аспектами перечисленных мною сфер. А в этих, по странной превратности судьбы опущенных господином обвинителем, но весьма важных частицах жизни государства и народа я как правитель достиг — буду здесь нескромным — немалых успехов. Собственно говоря, таких, которые в нашей стране никому и не снились со времен едва ли не ягеллонских. В этой связи меня не удивляет, что господин обвинитель не нашел для них места в своем уважаемом акте. В конце концов, не такова его роль, и у меня нет к нему претензий на сей счет. Однако я удивлен его однозначным и категорическим диагнозом, будто бы мое правление было исключительно чередой поражений, измен и национального позора. Мне же представляется, что господин обвинитель в своем деструктивном творении всё-таки, пожалуй, перебрал ту меру, каковой должен служить здравый смысл. Я сознаю, что дела, о которых я говорю сейчас и буду говорить чуть позже, не относятся непосредственно к тематике сегодняшнего процесса, навязанной нам упомянутым актом, однако же рассчитываю на снисходительность суда и всех, кто здесь собрался. Что ни говори, но этот процесс — не мелкий суд над заурядным коноводом, а историческое явление, и по этой причине есть смысл, чтобы история получила полную картину моего правления, а не какую-то намалеванную черной краской мазню, вдобавок нарисованную сквозь призму от природы необъективных и пристрастных интересов общественного обвинения. Мне хочется, чтобы история помнила всё, что каким-то образом соотносится с моим правлением, а вовсе не отдельные факты, отобранные произвольно и вырванные из контекста.

Судья: Мне понятны намерения подсудимого, и я разрешаю затрагивать тематику, более широкую, чем та, которая содержится в обвинительном акте, однако прошу подсудимого всё излагать настолько кратко и ясно, насколько это возможно.

Понятовский: Разумеется, я сделаю всё, что в моих силах, дабы так оно и произошло, но некоторые факты невозможно обойти.

Начнем, может быть, с экономики. Когда в 1764 г. я вступал на престол Пресветлой Речи Посполитой, она была в полном развале. Разоренная внутренними битвами и еще помнящая времена шведских нашествий, а вдобавок ограниченная всемогуществом себялюбивых магнатов, она находилась в кошмарном состоянии и взывала к небесам. Почти сразу после коронации я принялся за восстановление хозяйства. Мне удалось, например, ввести одну генеральную таможенную пошлину для всей страны, отменив похожие частные подати, которые назначались магнатами. Я унифицировал денежную систему, установив ясный образец для всего государства и изъяв из обращения ходившие до этого деньги, в том числе прусские фальшивки, а учреждаемые по всему государству комиссии добропорядочных нравов следили, чтобы везде наконец-то применялась единообразная система мер и весов. Помимо того, я поддерживал частные хозяйственные начинания, в частности мануфактуры, и самолично требовал развития такой инфраструктуры, как каналы и мосты. Каков достигнутый эффект? В настоящий момент временное правительство должно беспокоиться по поводу всего, но только не экономики, которая, несмотря на освобождение крестьян, чувствует себя превосходно. И все это — благодаря тому самому ужасному и опозоренному изменнику. *(С иронией в голосе, которую невозможно не заметить.)* Прямо стыдно признать это — не правда ли, господин обвинитель?

Следующий аспект — образование. Для начала риторический вопрос: где вы, господин судья, где вы, господин обвинитель, получали образование, которое вы теперь используете в таком святом деле, как вынесение мне смертного приговора? Не происходило ли это случайно в Рыцарской школе? Или, случайно, не в других ли школах, основанных Комиссией национального образования? Может быть, в университетах, реформированных в мое время? Я не лишаю суд права судить меня, равно как не лишаю господина обвинителя права произносить полные яда инвективы или речи, но прошу проявить хотя бы минимум благодарности. Не в приговоре, не в обвинительном заключении, а в простом человеческом «спасибо». Ваша честь, одним из первых моих решений после восшествия на престол было создание

независимой государственной системы образования, ибо я исходил из того принципа, что только такого рода система, преподающая объективные и самые современные знания, может исправить катастрофическое состояние той негодной, бросовой образованности, которая в тогдашнем, 1764 году характеризовала большинство наших граждан. До чего ж неслыханный парадокс, ваша честь! Если бы не мои энергичные действия с целью всеобщего просвещения, то в 1794 г. не было бы против чего издавать универсал, потому что не было бы никакой инсуррекции. Что, если не эти школы, учрежденные мною и моими советниками, пробудило в таких людях, как вы, господин обвинитель, как вы, господин судья, или как вождь и главнокомандующий Костюшко, уже, к сожалению, отсутствующий в этом зале *(Костюшко удалился сразу же после того, как дал краткие показания, даже на мгновение не обратив свой взор на обвиняемого)*, тот дух патриотизма, в котором вы мне сегодня битый час отказывали, господин обвинитель? *(Голос Понятовского снова приобретает ироническую окраску.)* Ах, этот изменник и продажный тип — как мы видим, не столь уж однозначно чудовищная личность.

А теперь культура. Обилие журналов, которые начали выходить; издательства и книгопечатни, выраставшие, словно грибы после дождя; меценатство, которое покровительствует живописи и музыке; обеды по четвергам — разве все это ничего не значит, ваша честь? Неужто это ничего не значит, господин обвинитель? Красицкий, Конарский, Сташиц, Баччиарелли, Немцевич и целая вереница последующих фигур ничего бы не достигли, если бы не меценатство монарха. Меценатство, исходившее от этого врага всего польского, который на самом деле несомненно питал подлинное пристрастие к польскому языку, культуре и искусству. Очередной парадокс, не правда ли, ваша честь?

Такие примеры можно было бы множить и множить, приведя в качестве иллюстраций непрекращающиеся баталии за отмену «либерум вето» в экономических делах, что, заметим, завершилось успехом, либо заботу о памятниках старины, в том числе о Королевском замке в Варшаве. Наконец, значительное улучшение внутригосударственной безопасности. Обо всем этом я мог бы говорить часами, но, соблюдая просьбу суда, ограничусь лишь приведенными краткими упоминаниями.

Словом, надеюсь, мне удалось хотя бы в малой степени показать, что целью моего правления было не исключительное стремление полностью загубить Речь Посполитую, но совершенно напротив — ее восстановление, которое я проводил по мере возможности. Полагаю, что проводил разумно, применяя тактику «работы над основами шляхетской нации». Однако теперь я постепенно перейду к конкретным обвинениям, которые предъявил мне в этом процессе господин обличитель. Прошу суд позволить мне привести в порядок мои записи *(примерно полминуты перелистывает и раскладывает многочисленные бумаги, лежащие на пюпитре);* одну минуточку... готово. Итак, я начинаю.

В первом пункте обвинения мой оппонент соизволил поставить мне в вину, что я «насилием захватил польскую корону, лишив выборщиков, собравшихся под Варшавой, возможности сделать выбор, соответствующий их совести». Что ж, это правда, мой выбор на престол проводился не в полном согласии с традицией и буквой закона. Искренне признаюсь, что по этой причине я на протяжении значительной части моего правления испытывал угрызения совести. Господин обвинитель упрекнул меня в том, что, решаясь занять трон, я знал, что делаю. Это правда. Я знал, что Екатерина будет сильно стеснять и ограничивать мои действия, а также знал, что мне потребуется чрезвычайно ловко лавировать, дабы поднять страну и вывести ее из состояния упадка, в чем и состояла моя цель с самого начала усилий по обретению короны. Я признаю свою вину в рамках этого обвинения, но не соглашаюсь с диагнозом моей деятельности, поставленным в резкой и суровой речи господина обвинителя. Прежде всего, хотел бы заявить, что содержания упомянутой записки, составленной Екатериной II, я не знал. Я отдавал себе отчет, что по причине сугубо приватных происшествий и отношений, которые существовали между нами в прошлом, Екатерина будет оказывать на меня давление. И догадывался, что она рассматривает меня как кандидата слабого, но — здесь я наверняка удивлю господина обвинителя — именно в этом я видел свою силу! И именно в этом видел неповторимый шанс для Польши! Я исходил из предположения, что мне как лицу, когда-то очень близкому к Екатерине, легче будет заставить услышать себя и выговорить у нее такие условия сотрудничества с нашей страной, дабы Польша могла спокойно и без докучливого вмешательства развиваться шаг за шагом, а в конечном итоге вновь добиться своей цели — всей полноты независимости. Итак, мое решение выдвинуть свою кандидатуру, которое — это я признаю без всякого давления — означало согласие на избрание, было для меня лично решением труд-

ным и болезненным. Я знал, что меня избирают по причине не заслуг моих, но слабостей и мелких пристрастий. А также знал, что отчасти я, быть может, унижаю себя, но — парафразируя евангелиста — порой надо, чтобы один человек страдал за нацию. И я страдаю по сей день, думая, что скорее всего буду приговорен к смерти воспитанниками учрежденных мною школ. А потому я полагаю, что обстоятельства, изложенные сейчас мною, будут признаны смягчающими.

Второе обвинение — едва ли не единственное целиком и полностью ложное. Сторона обвинения не представила для него никаких разумных доказательств, равно как не вызвала никаких надежных свидетелей, которые бы подтвердили, что я действительно помог Репнину арестовать и вывезти предводителей радомцев. Дело в том, что Северин Ржевусский для меня ни в коем случае не надежный и достоверный свидетель — не только по причине своей биографии, которую даже глубокоуважаемый господин обвинитель не отважился сравнить с моей, но еще и потому, что в 1768 г. он был самым обычным неоперившимся мальчишкой, подвергшимся необычайно сильной пропагандистской накачке ксенофобов покроя своего отца. Кроме того, разве господину обвинителю не пришло в голову, не пытается ли случайно Ржевусский спасать собственную шкуру, когда отягчает меня всем, чем только можно? Но оставим этого человека в покое. Таким образом, заявляю следующее. Первое: я не сознавал, что русский посол планирует насильно утвердить свои замыслы в Сейме Речи Посполитой; второе: я не сознавал, что он хочет похитить предводителей Радомской конфедерации; третье: посему я не мог принимать и не принимал участия в похищении, хотя и правда, что действия указанной конфедерации наталкивались на мое сопротивление, ибо вели к очередному ослаблению государства за счет укрепления шляхты, а это полностью противоречило той философии управления, которую я исповедовал. И вполне очевидно, что я не признаю себя виновным в совершении действия, вменяемого мне во втором пункте обвинительного акта, — по правде говоря, я не знаю, почему этот пункт там очутился, но это уже не мое дело, а господина обвинителя.

Третье обвинение относится к договору о вечной дружбе между Речью Посполитой и Российской империей, заключенному на сессии упомянутого варшавского Сейма в 1768 году. В этом месте, ваша честь, мне бы хотелось немного обрисовать те политические обстоятельства, которые тогда сложились в лоне Речи Посполитой, и тем самым исправить оценку господина обвинителя — неопределенную, слишком общую, несправедливую и подогнанную им под его собственные нужды. Так вот, лета Господня 1768-го мы оказались в действительно трагическом положении. Это был год, когда наше поступательное движение к реформам и модернизации страны оказалось грубо прерванным. Репнин был всемогущ, это правда. Но, может быть, стоит задать себе вопрос: почему Репнин был всемогущ? А потому, что он так ловко перессорил шляхту под предлогом религиозного равноправия, сколачивая одновременно разные конфедерации — и иноверческие, и в защиту святой католической веры (тут примером может, кстати, служить та самая Радомская конфедерация, позже разогнанная им лично, в результате чего она уже была неспособна ни на какое усилие, имеющее целью улучшить жизнь государства). Я был беспомощен. Шляхта в Сейме боролась в равной мере против самой себя, против Репнина и сильного государства. В такой ситуации я был вынужден прибегнуть к самым крайним шагам. Именно таким шагом был тот самый, как уже изволил выразиться господин обвинитель, «унизительный» договор. Но присмотримся к нему повнимательнее: это правда, он ограничивал суверенитет, и как раз поэтому у меня дрожала рука, когда мне пришлось его подписать. Мы попадали под фактический российский протекторат, однако вместе с тем мне удалось благодаря — здесь я не буду скромным — ловкому лавированию в кулуарах Сейма и дворца спасти значительную часть проведенных ранее реформ. Например, ограничение «либерум вето» сословной тематикой, сохранение при голосовании в сеймиках принципа большинства или — внимание — сохранение границ, гарантированных договором 1686 года! Если это ничто, если господин обвинитель называет это только и исключительно позором, а также изменой Польше, то мне трудно отыскать подходящие аргументы, дабы убедить господина обвинителя в правоте своих убеждений. Да, договор был крупной уступкой русским, уступкой, значительно сбавившей наш реформаторский тон. К сожалению, договор был неизбежным злом, которое мне все-таки удалось смягчить до границ возможного.

Далее обвинение вменяет мне вызов иностранных войск для расправы с барскими конфедератами. С юридической точки зрения я наверняка совершил тут преступление и отмечаю это уже в самом начале. У указанного деяния, как и у всех прочих, также есть свое второе дно. Вероятно, вот-вот здесь

раздадутся раскаты грубоватого смеха, однако и это деяние было для меня хотя и трудным, но необходимым, если принять во внимание мою философию правления. Я хотел государства, внутренне сильного и внешне независимого. Независимость была утрачена на репнинском Сейме, и свои объяснения на сей счет я уже представил. К чему я клоню? Так вот, я считал — и, как впоследствии оказалось, правильно, — что рано или поздно наступит момент, когда Россия ослабеет. Однако, пока она была сильной и могла при помощи своей армии безраздельно править на нашей территории, следовало по меньшей мере использовать ее для достижения целей, совпадающих с нашими государственными интересами. *(На галерее раздаются взрывы грубоватого смеха.)* К таковым интересам, как я уже сказал, принадлежала, помимо внешней независимости, также сила и внутренняя стабильность государства, а Барская конфедерация была просто квинтэссенцией шляхетской вольницы и недисциплинированности, целью которой было максимально ослабить такую стабильность. В связи с этим я решил лукаво воспользоваться отсутствием внешней независимости (см. присутствие русских) с целью обеспечить внутреннюю стабильность (см. Барская конфедерация). С точки зрения закона это наверняка измена. С точки зрения политики тех времен — меньшее зло. От суда я, однако, не требую ничего, кроме как судить меня в соответствии с буквой закона.

Судья: Подсудимый, ни вы, ни кто-либо другой не имеют права требовать от трибунала ничего, кроме справедливого процесса, который как раз и ведется. Прошу следить за тоном своих высказываний.

Понятовский: Убедительно прошу извинить меня, ваша честь. Вы не были, однако, в течение тридцати лет монархом, и прошу мне поверить: перестроиться трудно.

Возвращаясь к обвинительному акту, мы наталкиваемся там на довольно интересный пункт, где мне ставится в вину выполнение международного договора, который я подписал. Здесь мы, пожалуй, меняемся с господином обвинителем ролями, поскольку в этом месте закон явно стоит на моей стороне, тогда как на стороне господина обвинителя стоит разве что мораль, хотя и это весьма сомнительно. Но ведь работа общественного обвинителя направлена, надо думать, не на это? Неважно. На самом деле я без малого пятнадцать лет не предпринимал почти никаких политических действий. Это соответствовало моей тактике, о которой я рассказал при обсуждении предыдущего пункта. Не оставалось ничего другого, кроме как дожидаться минуты слабости москалей. А такая слабость не проявлялась даже в самой малой степени на протяжении пятнадцати лет. Не подскажете ли вы мне, господин обвинитель, что я должен был сделать? Броситься с горсткой сабелек на всю мощь царицы? Я постоянно был под шахом, под политическим шахом. Есть, однако, смысл заметить, что как раз на период этого политического застоя приходятся годы развития образования, культуры и искусства в нашем государстве! Я не мог делать ничего, что оказало бы непосредственное и немедленное влияние на функционирование государственных институтов, и в связи с этим целиком сосредоточился на проведении культурно-просветительской работы, на обучении новых поколений, которые в последние годы настолько прекрасно сдали экзамен, что привели меня на то место, где я сегодня стою. Но об этом парадоксе, помнится, я уже говорил где-то в начале своей речи. Мне понятно, что вы, господин обвинитель, не обязаны быть большим почитателем культуры, но всё же оцените ее влияние на формирование политического сознания нации! Что, как не культура и всяческое творчество, вдохновляло реформаторов в те времена, когда эта желанная слабость москалей наступила? Остальное я предоставляю обдумать и взвесить суду.

Теперь перехожу к обсуждению самых трудных и самых неприятных для меня пунктов обвинения. Да, это правда, что если в течение 28 первых лет своего правления я старался делать всё на благо моего государства — и мне кажется, что различными способами и с многочисленными ошибками я действовал ради этого блага, причем, глядя на свои действия с перспективы сегодняшнего дня, я вижу, что они были правильными, так как именно благодаря им мы сегодня по-прежнему находимся на территории свободной Речи Посполитой, — то вынужден признать, что в последние годы я запутался в расчетах, плохо оценивал положение и утратил политический инстинкт, едва не спровоцировав трагедию.

Начнем, однако, с отправной точки, каковой в тот период окончания моего правления стала конституция 3 мая и другие реформы так называемого Великого сейма. Я принимал активное участие в разработке этих эпохальных изменений, выступал в многочисленных дебатах и обсуждениях их проектов, старался хладнокровно смотреть на их цели, и — взвешивая все возможности — мне это удалось совместно с присутствующими здесь великими поляками, которых я хочу с этого места, которое может

казаться позорным столбом, еще раз премного поблагодарить за их мужество, труд и работу на благо отечества. Лишь бы история отнеслась к вам мягче, нежели ко мне! Потом разгорелся пожар войны, наступили поражения Юзефа Понятовского и Тадеуша Костюшко, а также Тарговица... Решение присоединиться к этой — здесь я в порядке исключения соглашусь с господином обвинителем — постыдной конфедерации было, пожалуй, самым трудным из десятков, а может быть, сотен архитрудных решений, принимавшихся мною в ходе моего правления. Согласен с господином обвинителем, оно было лишено всяких принципов морали и нравственности. Я принял его, подгоняемый нажимом «Стражи законов», которая восемью голосами против четырех высказалась за капитуляцию, принял его, рассчитывая, что, может быть, этим вымолю у царицы распоряжение отвести российские войска с наших земель. Да, я был наивен, но ничего другого мне тогда не оставалось. Вы снова удивитесь, господа...

Судья: Делаю обвиняемому замечание и напоминаю, дабы он обращался к суду.

Понятовский *(явно раздраженный)*: В таком случае, ваша честь, вы снова удивитесь, если только вам будет угодно не прерывать меня...

Судья: Прошу не проявлять пренебрежения к суду. И советую принять во внимание, что вы здесь подсудимый.

Понятовский: Меня не заботит этикет, не заботит приговор — интересует меня только то, что останется после меня. Какое свидетельство запомнит история. Вы, ваша честь, можете налагать на меня даже штрафы за нарушение порядка, но я выражаю сомнение в том, сумеет ли хотя бы и самый лучший судебный исполнитель взыскать штраф с отрубленной головы.

Итак, вы снова удивитесь, гос... Итак, вы, ваша честь, снова чрезвычайно удивитесь, когда я заявлю, что сам не в состоянии успокоить свою совесть после этого решения. Быть может, оно позволило Польше продолжить дальнейшее существование и потом способствовало тому, что все-таки удалось поднять инсуррекцию, — не знаю. У меня лично в голове всё время теплится мысль: нельзя ли было поступить иначе? И здесь я снова обращаюсь к суду истории.

В заключение — то обвинение, против которого я не намерен высказывать слов защиты. Признаю себя виновным. Я мог не подписывать тот универсал, меня подвела политическая интуиция, это была ошибка, последствия которой могли стать трагическими. Точка.

Больше мне нечего добавить. Рассчитываю на холодное, чисто юридическое суждение. И считаюсь с тем, что в его результате прозвучит такой приговор, которого требовал господин обвинитель. Я знаю одно: легко судить, труднее править во времена, когда хорошо править не удается, ибо какие бы хорошие решения ни принимались, как бы ты ни старался послужить национальным интересам, тебя всё равно заподозрят в измене. Я придерживался своей философии правления: без радикализма, с благоразумной осмотрительностью балансировал на грани независимости и аннексии, счастья и несчастья, героизма и предательства. Я не сожалею ни о каких своих деяниях, кроме того, которое вошло в последний пункт обвинительного акта. Если мне суждено умереть, то я умру с достоинством. Умру с сознанием того, что взял на себя миссию, за которую мало кто отважился бы взяться, и победил. Отечество живет, и в этом моя победа *(произносит это взволнованным голосом)*. Судите меня, приговаривайте. А истинный приговор пусть вынесет история. Аминь.

Судья: Закрываю судебное заседание. Приговор пусть вынесет читатель.

КОНЕЦ

Текст взят с портала «Studio opinii» («Студия мнений»)

Павел Яблонский

ПАВЕЛ I ХОТЕЛ БЫТЬ ЕГО СЫНОМ

Последний польский король в Петербурге

В Петербурге в серии «Полоника Петрополитана» вышла очень интересная книга польского ученого Станислава Дзедзица ««Золотая тюрьма» Станислава Августа Понятовского».

В книге рассказывается о весьма необычной и драматической судьбе последнего короля Польши, который после раздела Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией (1795) последний год своей жизни (с начала 1797 г. до дня своей смерти 12 февраля 1798-го) провел в Петербурге, в роскошном Мраморном дворце. Туда его поселил и принимал у себя со всеми почестями взошедший на трон после внезапной смерти Екатерины II император Павел I. А еще при Екатерине, после ликвидации польского государства, король, согласно ее воле, какое-то время жил со своим двором в ссылке в гродненском замке.

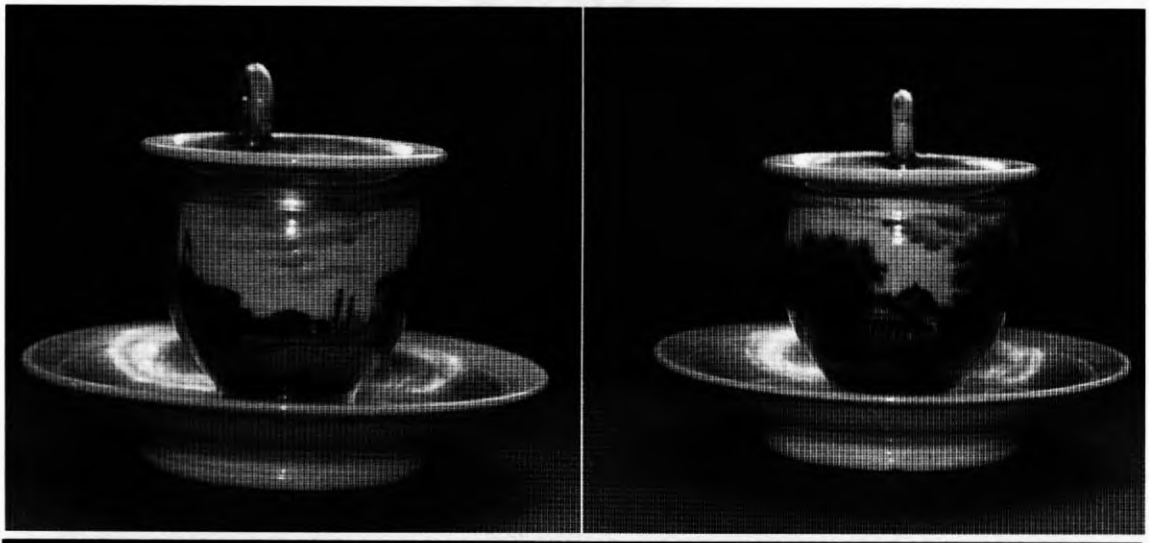
Павел предложил Понятовскому на выбор три дворца, и тот выбрал Мраморный, подаренный, кстати, в свое время Екатериной ее любовнику Григорию Орлову, главному действующему лицу в убийстве императора Петра III.

Впоследствии Павел торжественно похоронил Станислава Августа со всеми королевскими почестями, возложив ему на голову золотую корону. Торжественная церемония прощания и погребения прошла в католическом храме св. Екатерины на Невском проспекте, который сейчас реставрируется после почти полного разорения и пожара. Лишь в прошлом году, при помощи польского и российского правительств, был восстановлен склеп, где до 1938 г. покоился прах Станислава Августа, вывезенный затем в Польшу (в городок Волчин под Брестом, в склеп местного костела, где Понятовский был крещен в 1732 г.). А в Польше судьба последнего короля — полная событий эпопея. Там до сих пор спорят о личности Станислава Августа и его роли в судьбе страны.

С.Дзедзиц изучал в петербургских архивах документы, письма Павла I. Некоторые из них дают основания утверждать: Павел очень тяготился тем, что он незаконнорожденный сын Екатерины, и даже не раз настойчиво просил Станислава Августа признать себя его отцом. Когда Понятовский, имевший репутацию благородного, порядочного и изысканно воспитанного человека, ответил российскому императору, что дата его рождения не сходится с периодом, когда Екатерина Великая, чьим возлюбленным был высокий красавец Станислав Август, могла бы зачать Павла, царь настаивал еще более.

О том, что Павел I вообще всячески старался возвеличить Станислава Августа и многозначительно продемонстрировать его королевское достоинство, говорит и тот факт, что он приглашал его на всевозможные царские приемы и тот всегда сидел между императором и императрицей Марией Федоровной. А двор С.А.Понятовского в Петербурге насчитывал 160 человек.

«Счетоводы» от истории говорят, что Павел родился на год раньше, чем Понятовский стал любовником Екатерины. Их связь с тогда еще великой княгиней Екатериной началась в 1755 и длилась до 1758 года.



Чашки Императорского фарфорового завода, конец XVIII в. Зимний и Павловский дворцы. Частное собрание.

По сути, подчеркивает С.Дзедзиц, династия Романовых в России при Екатерине II пресеклась, когда наследник оказался ребенком от любовника Екатерины графа Сергея Васильевича Салтыкова (правда, не все историки с таким предположением согласны). Сама же Екатерина, как известно, по крови ничего общего с Романовыми не имела.

В свою очередь со Станиславом Августом закончилась монархическая эпоха Польши.

По мнению польского исследователя, в тот своеобразный период истории могло случиться так, что Екатерина и Станислав Август, которым она была очень увлечена, вступили бы в брак, и возник бы некий российско-польский союз, вроде польско-литовской унии. В этом случае никакого раздела Польши не было бы. И это могло бы коренным образом изменить российскую, польскую и вообще европейскую историю. Хотя у истории нет сослагательного наклонения.

Павел вообще ненавидел мать и считал раздел Польши, совершенный при ее активном участии, большой политической ошибкой, о чем, конечно, говорил и Станиславу Августу. По мнению ряда историков, впоследствии такая политика Екатерины в отношении Польши повлекла за собой много проблем для России. Павел же, по просьбе Станислава Августа, освободил из заключения в Петропавловской крепости Тадеуша Костюшко и прочих участников польского восстания против России.

Вот такая душераздирающая польско-российская история.

Кстати, склеп Понятовского в петербургском храме св. Екатерины открыт для посещения, и многие поляки стремятся побывать в этом месте. Впрочем, не только поляки.

ПОЛЬША УЧИТСЯ ПРАВУ

Беседа с Мареком Сафьяном

— Господин профессор, почему вы согласились стать судьей Конституционного суда?

— Я посчитал, что это огромный вызов мне как юристу. Это был шанс использовать на практике мои прежние замыслы, связанные с функционированием права и всей его системы. В 1997 г. я был полностью уверен, что Конституционный суд на данном этапе правовой реформы в Польше — важнейший, ключевой институт, ответственный за демократизацию общественной жизни и формирование конституционных стандартов. То есть за то, чего нам в тот период еще очень недоставало. Польша через несколько лет после падения коммунизма еще не имела устоявшихся демократических принципов, гражданское общество было слабым, слабо было развито и правовое сознание. А в ближайшее время нас ожидали европейская интеграция, дальнейшие глубокие системные преобразования, налаживание механизмов демократизации общественной жизни. Конституционный суд играл во всем этом ключевую роль.

— Правовая система строилась с основ. И об этом вы говорите в прошедшем времени. То есть нам уже удалось создать гражданское общество, осознающее право и его механизмы?

— Я считаю, что мы добились огромных успехов. Я далек от того, чтобы считать это апогеем наших возможностей. Скорее напротив. Наша демократия пока очень несовершенна. В чем главный недостаток? Сегодня нельзя сказать, что он в правовой системе, что конституция в целом плоха или законодательство ущербно. Мешает нам прежде всего слабость гражданского общества. Люди в Польше всё еще в огромной мере пассивны и не умеют эффективно добиваться своих прав и влиять на преобразование общественной жизни. Их не интересует то, что выходит за пределы собственных интересов. Во-вторых, я считаю, что мы всё еще не создали — на основе в целом неплохой правовой системы — подлинно демократическую культуру. Я говорю о практике поведения, способах решения конфликтов, стиле поведения чиновника «в окошке», полицейских, прокуроров, которые так, а не иначе выполняют свои функции и ведут дела. Всё, из чего складывается демократическая правовая культура, вырастает из позиций и навыков. Мы же, увы, всё еще соглашаемся с тем, чтобы полиция нами помыкала, чтобы прокуроры были крайне политизированы, а политики допускали уже не только промахи, но и, весьма мягко говоря, бестактности, за которые им в нормальной демократической стране пришлось бы попросту исчезнуть из общественной жизни.

— Как вы сказали, у нас уже достаточное количество правовых инструментов, но их становится всё больше и больше — обновляются кодексы, создаются новые законы. В общественном восприятии это плохое право. Создается множество бессмысленных предписаний...

— Качество права я не стал бы слишком хвалить. То, что я говорил, относится к более общему положению, что право в Польше защищает личность от злоупотреблений. Оно дает ей инструменты, с помощью которых можно защищаться. А вот качество права в Польше — это уже другая тема. Скажем так: здесь нечем особенно гордиться. Но еще большей проблемой, чем качество права, становится практика его применения и правовая культура. Даже нелепый закон, даже плохое законодательство может быть применено мудро. В Польше же наоборот: даже разумный закон, случается, применяется глупо, бездумно, формально — как догма, без воображения. Люди не отдают себе в этом отчета. К сожалению, даже мы, судьи, не утруждаем себя тем, чтобы согласовать букву закона с его целью, функцией, принципами рациональности и здравого смысла. Мы применяем право по принципу доведения до абсурда. Человек не должен быть против человека. Право должно быть инструментом, который позволяет человеку функционировать в обществе и гарантирует ему свободу. А мы закон всё

еще понимаем как источник принуждения и ограничения, в то время как право должно быть гарантией нашей свободы и инструментом борьбы с произволом власти. Взгляд на право как репрессивный инструмент — пережиток коммунизма.

— В вашей книге «Правовая Польша» есть тезис о том, что судьи должны выполнять роль посредников между законом и гражданином. Книга вышла в 2005 году. Удалось ли что-нибудь из этого постулата воплотить в жизнь?

— Шаг за шагом улучшения происходят. Но скажу откровенно: я бы хотел более динамичных изменений. В том числе и в позиции судей, и в уровне правосудия. В числе моих претензий к судьям еще и низкая «производительность» судов в Польше. Правосудия приходится слишком долго ждать. Судебные решения, вынесенные через десять лет, — это уже за пределами правосудия. С другой стороны, можно сказать и нечто оптимистическое. Если проанализировать позиции молодых судей, которые получили образование уже в Третьей Речи Посполитой и имеют за собой иного типа опыт, иные университеты, иной взгляд на перспективы, — разница заметна. Эти молодые люди — об этом свидетельствует мой опыт в Конституционном суде — лучше понимают аксиологию права. Они видят право не технически-догматично, но скорее как иерархически построенную систему, в которой есть конституция, есть европейские конвенции, есть еще что-то, кроме чистой техники. Они обращаются в Конституционный суд с очень толковыми запросами, прекрасно понимают суть проблем. Это положительное проявление перемены позиций.

— Вопрос смены поколений. Много ли судей из ПНР продолжают сегодня работать?

— Думаю, что таких судей не больше 10-20%. Но я за дифференцированный подход к этой проблеме. В своей книге Адам Стшембош, судья и крепко связанный с оппозицией человек, провел прекрасное исследование на тему поведения судей ПНР в период военного положения. Он показывает, насколько разными были подходы варшавских судей. Преобладающая среди них группа — это те, кто любой ценой пытался помочь репрессированным. Да, они применяли декрет о военном положении, но только затем, чтобы по возможности смягчить его действие. Стшембош убедительно показывает то, что очень трудно понять, особенно молодому поколению: судье было значительно проще смягчить приговор, чем провести сложнейшую интеллектуальную работу, чтобы найти в том отвратительном коммунистическом праве лазейку, позволяющую спасти человека. Дать за распространение листовок не десять лет, а символический условный срок. Таких судей было много. Мы помним, что право в ПНР было страшным, проникнутым духом марксизма. Отдушиной было частное право. Сравнивая частное право в Польше в 80-х и 70-х годах с правом в Чехословакии, Венгрии или в ГДР, можно убедиться, что только мы были цивилизованной страной. У нас была система гражданского права, вполне достойные гражданские кодексы. Вспомним, что в ПНР действовал торговый кодекс 1934 года, действовал довоенный закон о недобросовестной конкуренции, существовало, между прочим, вексельное и чековое право, основанное на Женевской конвенции. Мы в целом формировались в хороших юридических традициях.

Ничуть не собираюсь защищать ПНР — я всегда был в оппозиции. Я не выносил той системы и каждый день радуюсь, что живу в свободной Польше. Но я вижу и оттенки.

— Если все-таки проблема не в поколениях, то почему же судебная система так неповоротлива, так неважно действует? Почему процессы тянутся так долго?

— Это связано не столько с коммунистическим наследием — проблема скорее вытекает из двух параллельно развивающихся в Польше ситуаций. С одной стороны — огромное увеличение нагрузки на суды. Сразу после крушения коммунизма мы в Польше узнали, что эффективная защита гражданских прав требует реального доступа к суду. Поэтому чрезвычайно увеличилось число дел, которые попадали в суд. Параллельная ситуация — специфически польская. Я считаю, что нельзя судей (или, по крайней мере, только судей) упрекать в недостаточной эффективности работы. Мы должны прежде всего предъявить претензии польскому государству за то, что оно не решилось на радикальные административные шаги, которые изменили бы картину распределения юридических функций. Судей в Польше должно быть сегодня, как ни парадоксально, меньше, но они должны иметь совершенный вспомогательный аппарат: помощников, компьютерные системы, хороший секретариат. Тогда всё действовало бы иначе. Без этого судья не в состоянии эффективно работать, и это проблема более техническая, чем философская или даже идеологическая.

— А вот политическое вмешательство...

— Попытки политизации правового пространства — это патология. Мы имеем дело с неслыханно политизированной прокуратурой, которая часто действует по политическому заказу: возбуждает или закрывает дела. Это опасное явление, которое может быть свидетельством глубокой патологии. Это надо менять. Идея разделить посты генерального прокурора и министра юстиции — наверное, хорошая идея, хотя здесь есть и определенный риск, что прокуратура выйдет из-под гражданского контроля правительства. Мы в какой-то мере вернемся к советской модели прокурора Вышинского, хотя, конечно, живем в демократическом государстве, — и едва ли будет так, как когда-то. Тем не менее такой генеральный прокурор, независимый от премьер-министра, назначаемый президентом при согласии Всепольского судебного совета, получит огромную власть. И всегда есть угроза, что такая власть может вступать в альянсы и стать, таким образом, опасной. Примером политического давления на суды, постановки перед ними определенных политических задач может служить известное высказывание бывшего премьер-министра Ярослава Качинского: «Верховный суд не защищает национальные интересы Республики Польша». Оно прозвучало, когда Верховный суд вынес решение по иску выселенной жительницы Мазурии о возврате недвижимости. Суд признал юридическую правоту этой женщины, и первый председатель Верховного суда дал тогда хороший ответ: «Судебные решения имеют целью не защиту национальных интересов, а защиту закона, защиту норм права». Хороший, резкий ответ. Так и должно быть — мы не можем руководствоваться политическими интересами в вопросе прав, отстаивать, вопреки закону, какой-то мнимый национальный интерес.

Наша цель — защита закона. Мы не можем выносить приговоры с учетом того, насколько это понравится обществу. Мы даже должны выносить приговоры вопреки общественному мнению. Конституционный суд находился под очень сильным давлением и критикой правительства и президента. Во время моего председательства Конституционный суд постоянно подвергался нападкам. Мы сумели этому противостоять, но едва ли это была приятная ситуация.

— Высказывание Ярослава Качинского укладывается в существующее представление, что право, словно бы по определению, не вполне справедливо. Я недавно спросил моего знакомого студента-правоведа, что он во время учебы узнал о справедливости. Он, похоже, даже не понял меня. А что такое справедливость? Какая связь между ней и национальным интересом, интересом отдельной личности?

— Начать надо с банальности: нет справедливости человеческой, а только Божия. Наивно было бы считать, что мы можем достичь полной справедливости. Мы можем только к ней приближаться, стремиться к какой-то модели справедливости. Не существует единственного определения справедливости. Быть может, удастся ее кратко определить, исходя из известной латинской сентенции: «Справедливость — это дать каждому то, что ему принадлежит». А правоведы в то же время повторяют: «Совершенное соответствие закону ведет к совершенной несправедливости». Это парадокс, но юристы его хорошо понимают. Закон может, даже вопреки намерениям его создателей, стать источником несправедливости. Есть такое известное исследование, выполненное доцентом Эльжбетой Лойко и касающееся отношения судей к праву и юристам. Судей спрашивали, считают ли они вынесенные ими приговоры справедливыми. 57% ответили «нет».

— Если так много судей считают вынесенные ими приговоры несправедливыми, значит ли это, что у нас плохое законодательство? Насколько судьи в современной Польше имеют возможность, как в США, влиять на закон и создавать его?

— В современном мире, в сфере нашей цивилизации, две правовые системы сближаются друг с другом, что особенно заметно на уровне общеевропейского законодательства — объединительного, где наличествует, с одной стороны, континентальное право со своими традициями, а с другой стороны — англосаксонское право с британским опытом. Они смешиваются, и возникает новое качество. Я бы не сказал, что англосаксонское право более справедливо, чем континентальное, ибо там действует прецедент, а здесь — общее правило. Мы можем более гибко применять собственное право — с большей осторожностью, вниманием и воображением. У меня, однако, возникает впечатление, что англосаксы в рамках common law бывают более связаны ригоризмом имеющихся прецедентов, чем

мы в рамках континентального права. Я знаю ряд приговоров, которые не считаю справедливыми и которые вынесены на основе системы common law. Справедливость связана с принципом единообразной трактовки. Это формальный принцип, но он, безусловно, важен для понимания роли права: нарушение единообразия — это всегда и безусловно нарушение всякой справедливости.

— Вы упомянули об исследовании, согласно которому получалось, что судьи не считают свои приговоры справедливыми, и одновременно говорите, что польское право дает судье возможность гибко подходить к существующим законоположениям — с тем, чтобы приговор был справедлив. Почему же этого не происходит?

— Да, поле маневра судьи расширяется благодаря гибкому истолкованию закона, но несмотря ни на что мы связаны действующим правом. Определенных барьеров не преодолеть, мы не заменим законодателя. Мы можем исправить глупый закон, но в определенных границах. Второй ответ на ваш вопрос связан с имманентной коллизией интересов отдельной личности и общества. То, что справедливо в масштабе личности, может быть несправедливым в общественном масштабе — и наоборот. Мы часто должны выбирать, и это драматический выбор. В философии есть дилемма: Гоббс или Локк. Или мы за общество людей, поступающих по отношению друг другу агрессивно, которых нужно «взять на поводок», то есть выполнять по отношению к ним репрессивные функции, или, по Локку, в большей мере полагать, что общество будет руководствоваться определенными договорами, соглашениями и добровольным самоограничением по отношению к совокупности определенных «естественных прав». Дилемма существует, и в ней постоянный источник напряжения. Марксистский тезис о том, что нет противоречия между интересами личности и общества, — это, безусловно, жуткое ханжество. И тезис этот опасен, он приводил к патологическим искривлениям и страшным последствиям.

— Предпринимаются попытки улучшить правовую систему — например, предложение бывшего министра юстиции Зёбро. Мой вопрос касается, однако, не этого случая. Если уж исправлять имеющееся, то в каком направлении? Упрощать или, например, импортировать всё больше элементов европейского права?

— Вся беда в том, что в современном мире, глобальном и техницизированном, мы должны смириться с тем, что право будет запутанным. И я, критикуя правоведов и парламент за то, что создаются совершенно непонятные нормы, должен, однако, признать, что нельзя положения о налоге на добавленную стоимость записать абсолютно прозрачно. Но должно соблюдаться, в том числе и на уровне европейского законодателя, требование в максимальной мере рассматривать право как инструмент в какой-то мере субсидиарный по отношению к другим нормам и механизмам общественной жизни. Право не должно всё до конца точно и детально нормировать. Это опасно. Могут существовать стандарты, касающиеся размера бананов, которые разрешается импортировать в Европу... *(Смеется)* И этого нельзя до конца обусловить ни интересами единого рынка, ни свободой товарообмена.

Возникают и требования ограничения законотворчества, в основном адресованные Евросоюзу. То же происходит и у нас. Отсюда и претензии к нашему законодателю, который очень часто изменяет положения права только затем, чтобы что-то изменить или достичь каких-то сиюминутных политических целей, ибо политику для укрепления своих позиций нужно издать свой собственный закон. Мы должны делать большее ударение на разумном применении существующих законов, чем на создании новых. Зададим вопрос: почему та или иная норма не функционирует хорошо? Может быть, дело не в ее качестве, а в качестве практики? Часто создаются нормы, которые заведомо не будут выполняться. Скажите честно, вы по всем улицам Варшавы ездите со скоростью 50 километров в час? *(Смеется)* Все с самого начала понимали, что никто этого ограничения не станет придерживаться. Оно было принято символически, что небезопасно, ибо может вести к пренебрежению законом.

— А что дальше? Ждать или действовать?

— Я думаю, действовать. Наша демократия все еще дефективная. Мы не изменим этот мир и нашу страну, если будем отворачиваться от действительности. У нас доминирует своего рода эскапизм: «Это всё так грязно, публичная сфера отвратительна, вызывает омерзение, я этим не занимаюсь». Но это исключительно неразумно — думать, что кто-то должен за нас что-то сделать.

Если говорить о Польше, я оптимист. Да, мы страна еще со многими изъянами, в которой еще многое надо сделать, но я с удовлетворением отмечаю, что поляки — невероятно динамичный народ. Польша почти не затронута кризисом. Наше общество — невероятно работящее, энергично стремящееся улучшить свою судьбу. У меня особое уважение к людям, которые трудятся в малом бизнесе. Я недавно был в Ястшембей-Гуре и видел очень тяжело работающих людей, держащих киоски, открытые с 7 утра до 12 ночи. Так нигде не работают. В Европе магазины чаще всего закрывают в 6 вечера, а с 2 до 4 — перерыв. Так вот, возвращаясь к главному: наш успех в общественной жизни и государственных реформах зависит от того, сможет ли быть преодолена пассивность общества по отношению к публичной сфере жизни; удастся ли нам построить подлинную базу для территориального самоуправления.

Мы так сейчас переживаем, что надломлена этика польской интеллигенции. Интеллигенция как слой существует, причем неплохо. И она довольно многочисленна. Но, по моему мнению, она устранилась, стоит на обочине, и ее выдавливают в маргинальность не слишком умные СМИ, задающие тон в публичной дискуссии. А интеллигенты, которым есть что сказать, пассивно на это смотрят. Я не понимаю, почему столько групп остается пассивными по отношению к разным глупостям, на которые следовало бы реагировать. Почему, например, университетская интеллигенция не предпринимает действий вне сферы собственных интересов, не смотрит дальше собственного носа? Научное сообщество очень резко протестовало против люстрации — и это хорошо. Но почему только тогда, когда это коснулось научного сообщества, почему оно не высказалось на тему стандартов правового, демократического государства? Вот главная проблема, стоящая перед нами.

— А что может обычный, серый человечек? Читать конституцию на сон грядущий?

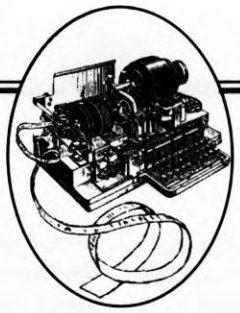
— Поляки должны, несомненно, повысить свое правосознание. Мы не используем тех инструментов, которыми располагаем. А можем — причем не фиктивно, не виртуально. Например, небезызвестный Яцек Бомбка — студент, который выиграл несколько важных дел в Конституционном суде на основе конституционной жалобы и добился изменения законов. Инструменты существуют, и мощные. Это мы сами неэффективны, часто не отдаем себе отчета в имеющихся возможностях. Пишем жалобы в Страсбург — в этом мы преуспели. И почти безрезультатно, потому что никто не хочет дать себе труд понять, что до того, как попасть в Страсбург, жалоба должна пройти все внутренние инстанции. У нас больше всего отклоненных жалоб в Европейский суд по правам человека, потому что мы некомпетентны. Мы не умеем эффективно пользоваться инструментами, нашими гражданскими правами, эффективно добиваться своих прав в судах. Наше общество довольно легко «закипает», но это касается не слишком умных и важных дел. А когда возникает и в самом деле серьезная проблема, мы пассивны. Мы будем склочничать с соседом, который нам нагрубил, однако не вмешаемся в дела, которые касаются охраны окружающей среды, дома культуры или какого-нибудь важного события в общественной жизни.

— Так что будем надеяться на какие-то постепенные перемены?

— Перемены будут, я надеюсь.

Беседу вел Мартин Мицнер

Марек Сафьян (род. 1949, Варшава) — профессор права, в 1998-2006 председатель Конституционного суда, с 2009 — судья Европейского суда.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» 11 ноября — День Независимости. «Спор о том, какое событие стало решающим для обретения независимости, не утихал в течение почти всего межвоенного периода (...) Разрешился он лишь 25 апреля 1937 г., когда вышел закон о Празднике Независимости: «День 11 ноября, годовщина обретения Польской Нацией государственной независимости, навеки связанная с великим именем Юзефа Пилсудского, победоносного Вождя Нации в борьбе за свободу Отчизны, объявляется торжественным Праздником Независимости». (...) Связь 11 ноября с личностью Юзефа Пилсудского (...) вовсе не очевидна. Передача Регентским советом военной власти бригадиру Пилсудскому 11 ноября 1918 г. была не слишком значительным событием (...) Для мечтающих о независимости демократических левых (социалистов) днем независимости, днем возрождения Польши было 7 ноября 1918 года. В ночь с 6 на 7 ноября в Люблине был создано (...) Временное народное правительство Польской Республики во главе с Игнацием Дашинским. Изданный в тот же день манифест был обращен к «польскому народу» (нация ассоциировалась с высшими слоями общества, в то время как слово «народ» означало прежде всего крестьян и рабочих) и провозглашал необходимость крупных политических (...) и общественных реформ (...) Манифест тесно связывал идею независимости с идеей демократии (...) Хотя правительство Дашинского уже 12 ноября подчинилось Пилсудскому, признав его авторитет, на протяжении всех 20 [межвоенных] лет Польская социалистическая партия, а также левые крестьянские группировки праздновали обретение независимости 7 ноября (...) Увязывая дату обретения независимости с именем уже покойного Пилсудского (...) правительство хотело сдержать критику господствовавшего в Польше порядка». *(Кшиштоф Пилявский, «Пшеглёнд», 15 ноября)*

» **«Последнее двадцатилетие было для Польши огромным успехом, — подчеркивали участники конференции, организованной в вашингтонской штаб-квартире Всемирного банка (...) «Системные преобразования, переход от социализма к капитализму — свидетельство большой смелости польских политиков», — сказал президент Всемирного банка Роберт Целлик. «Польский пример оказался для реформ в России самым важным, — констатировал бывший российский премьер-министр Егор Гайдар. — Польский путь был единственной приемлемой стратегией, позволившей России избежать катастрофы». На все лады склонялось имя Бальцеровича. «В 1989 г. никто не был уверен в успехе преобразований. Нужен был сильный лидер, каким и стал Бальцерович», — подчеркнул бывший президент центрального банка Израиля Яков Френкель (...) Каковы результаты реформ? «Эти 20 лет были лучшими в истории Польши», — считает проф. Марек Белька, бывший премьер-министр, в настоящее время директор Европейского департамента Международного валютного фонда. Как утверждали, в частности, бывший советник по национальной безопасности президента США Збигнев Бжезинский и Роберт Целлик, благодаря своей здоровой финансовой системе Польша принадлежит к числу стран, которые лучше других справились с последствиями мирового кризиса».** ***(Мартин Пясецкий, «Дзенник — Газета правна», 5 ноября)***

» «Польская помощь развитию направляется прежде всего на Украину, в Белоруссию, Грузию, Афганистан, Молдавию. В списке приоритетных стран есть также Палестинская автономия, Ангола и Танзания. Кроме того, проекты помощи осуществляются на Западных Балканах, в государствах Средней Азии и Южного Кавказа. Все они направлены на поддержку развития предпринимательства, экономических преобразований, развития сельскохозяйственного сектора, а также государственного и местного управления. С момента вступления в ЕС до 2010 г. Польша планировала выделить на помощь беднейшим странам 0,17% ВВП, т.е. почти 2 млрд. злотых. До 2015 г. эта сумма должна вырасти до 0,33% ВВП (...) Пока мы тратим на это меньше 0,1% ВВП. В 2008 г. польская помощь развитию составила 110 млн. злотых». *(«Дзенник — Газета правна», 29 ноября)*

» По подсчетам Института исследований рыночной экономики, в третьем квартале польский ВВП вырос на 1,8%. ***(«Впрост», 8 ноября)***

» «Согласно опросу «Общественный диагноз-2009», за последние три года доходы среднестатистической семьи выросли приблизительно на 20%. Однако это не привело к росту сбережений — весной они были лишь у каждой третьей польской семьи. Долги или кредиты были более чем у 40% домашних хозяйств. В среднем поляки откладывают около 4,8% месячных доходов. В то же время средний уровень задолженности — более 6,5% ежемесячных доходов семьи. В этом году объем сбережений семьи по сравнению с доходами вырос приблизительно на 10%, а сумма задолженности по отношению к доходам — в среднем на 50%». *(«Жечпосполита», 14 ноября)*

» «Согласно сентябрьскому опросу «Пентора», 66% поляков знают, что откладывать деньги выгодно (...) Однако регулярно откладывают средства лишь 6% (...) Более половины (58%) тратят всё на текущие расходы (...) Целых 57% поляков не черпают информацию о накоплении сбережений из профессиональных источников, руководствуясь интуицией, а 39% никому не доверяют (...) Более трети опрошенных (33%) не планируют своих расходов (...), 36% планируют расходы на месяц вперед, а 9% — на неделю вперед. Однако текущие расходы у нас под контролем: 38% поляков сообщили, что они контролируют даже самые мелкие ежедневные траты (...) 31% утверждает, что следит лишь за крупными расходами (квартплатой, оплатой коммунальных услуг, покупкой одежды, обуви). 11% респондентов контролируют лишь особо крупные покупки — вроде бытовой техники, отпусков и т.п. ». ***(«Ньюсуик-Польша», 8 ноября)***

» «Лишь 61% поляков боится обеднения — это самый низкий показатель в Европе (...) По данным «Евробарометра», каждый пятый поляк уверен, что за последний год уровень его жизни улучшился. Сравнимый уровень оптимизма наблюдается лишь у 10% жителей ЕС, а в таких богатых странах, как Франция или Германия, оптимистов еще меньше (...) Всего 12% поляков опасаются, что кризис негативно повлияет на их жизнь. Во всем Евросоюзе такого рода опасения высказывает каждый пятый житель». *(«Дзенник — Газета правна», 30 ноября)*

» Согласно опросу «Общественный диагноз-2009», «28% поляков утверждают, что им не хватает на текущие расходы, в то время как 16 лет назад такие проблемы испытывали три четверти общества». ***(«Дзенник — Газета правна», 8 окт.)***

» «По данным Главного статистического управления (ГСУ), в 320 поветах средний заработок ниже, чем в среднем по стране. В 2008 г. меньше всего платили в Бжезинском повете: средняя начисленная зарплата составляла 1992 злотых, т.е. на руки люди получали в среднем около 1440 злотых. Больше всего зарабатывали на предприятиях Люблинского повета — 5432,4 злотых, т.е. около 3800 злотых на руки. Столь высокий заработок обусловлен тем, что в Люблине находится штаб-квартира Горнометаллургического медного концерна (KGHM) (...) Столица, несмотря на свой статус центра финансов и услуг, заняла лишь третье место». *(«Жечпосполита», 24-25 окт.)*

» Януш Чапинский, профессор Варшавского университета: «Уже много лет норма отдачи образования в Польше значительно выше, чем в странах того же уровня развития. Норма отдачи для получения степени бакалавра составляет сейчас 19% прибавки. Диплом магистра в три раза более окупаем (57%), а кандидатская степень увеличивает норму отдачи по сравнению с магистерской еще на 19% (...) Выгоднее всего изучать медицину, а наименее выгодно — сельскохозяйственные науки. Поэтому утверждение, что в Польше нужно учиться — отнюдь не миф». ***(«Политика», 17 окт.)***

» Клаус Бахман, профессор Вроцлавского университета: «В провинции появилась целая масса слабых частных вузов, продающих дипломы (...) Профессора делают вид, что проводят исследования, студенты делают вид, что эти исследования читают (и относятся к ним серьезно), а потом профессора ставят им за это хорошие оценки (...) Министр высшего образования радуется, что доля студентов неуклонно растет (...) Не вмешиваясь в автономию вузов, не удастся провести реформы. Автономия, которая в ПНР защищала вузы от политического вмешательства, сегодня защищает от реформ (...) Частные и государственные вузы перед лицом демографического спада занижают критерии отбора, чтобы финансировать имеющиеся штатные места». *(«Газета выборча», 20 окт.)*

» Наталья Мазур, Михал Копинский, Мартин Концкий, Эва Микулец, Иоанна Лесневская, Александра Пшибыльская: «Академия социальной коммуникации предлагает получить диплом магистра за четыре семестра. На пять меньше, чем полагается по закону. Ее осаждают

кандидаты, ею интересуются ученые. Звезда шоу-бизнеса может стать лицом вуза, а СМИ охотно разрекламируют его за хорошее вознаграждение. Этот вуз не существует. Даже на бумаге (...) Академию социальной коммуникации создали наши журналисты (...) Мы основали академию, которая не имеет права существовать, так как незаконно присваивает степень магистра после всего двух лет обучения. С нами связалась тысяча желающих, половина хотела у нас учиться, многие уже требовали номер счета. Более пяти тысяч человек со всего мира зашло на сайт этого фиктивного вуза. Наши студенты не стремились к знаниям. Им нужна была бумажка». *(«Газета выборча», 23 окт.)*

» «В сентябре инфляция составила 3,4%. (...) Продукты питания подорожали на 0,3% (...) Топливо было дешевле на 1,3%». *(«Дзенник — Газета правна», 15 окт.)*

» «Польша — четвертая в списке самых дешевых стран ЕС (...) В Польше средний уровень цен соответствовал в среднем 69% средней по ЕС (ЕС-27). В самой дешевой, Болгарии, этот показатель составил 51%». *(«Жечпосполита», 3 ноября)*

» Вот уже несколько лет растет число иностранцев, заинтересованных работой в Польше. Граждане некоторых государств из-за нашей восточной границы должны получить для этого разрешение воеводы. (…) В 2007 г. их было 12,1 тыс., в 2008 г. — 18 тыс., а в первом полугодии 2009 г. — 14,5 тысяч. С 1 февраля 2008 г. граждане Украины, России и Белоруссии могут работать без разрешения, но не дольше 6 месяцев. Работодатели обязаны лишь зарегистрировать (бесплатно) заявление о намерении принять на работу иностранца. Во второй половине 2007 г. польские предприятия зарегистрировали 23 тыс. таких заявлений, в 2008 г. — 156 тыс., а в первой половине 2009 г. — 124 тысячи. Граждан бывшего СССР можно трудоустраивать без разрешения, если они получили в польском консульстве карту поляка и визу. *(«Дзенник — Газета правна», 15 окт.)*

» «По оценке министерства труда, каждый четвертый из более чем 1,71 млн. зарегистрированных безработных не ищет работу, а регистрируется ради бесплатного медицинского обслуживания. В сентябре в центрах занятости зарегистрировались почти 299 тыс. новых безработных. Большинство — уже не в первый раз. По данным ГСУ, безработица за месяц выросла незначительно — на 0,1%, до уровня 10,9% (...) Воспользовавшись методом изучения экономической активности населения (ИЭАН), аналогичным тем, что используются в других европейских странах, можно рассчитать, что реальная безработица в Польше составляет 8% при средней по ЕС 9,1% — т.е. у нас она немного ниже средней». *(«Жечпосполита», 24-25 окт.)*

» «В мае работники Щецинской и Гдыньской судоверфей были уволены. Предприятия закрылись, но внутри остались сотни кошек — без еды, без присмотра. Скоро там выключат даже отопление (...) Кошки, отчаявшись, решили искать еду и немного тепла в городе. Кроме голода и холода кошек мучают болезни. На территорию Щецинской судоверфи проникают лисы и куницы. Они охотятся на маленьких котят, а кошки бросаются защищать свое потомство, поэтому многие из них изранены. В Гдыне состояние кошек ужасающе. Многие из них болеют (...) Многие ослаблены или искалечены. Они выклянчивают еду. Без нашей помощи они погибнут. В Щецине уже появилась гражданская инициатива, объединившая людей, которые хотят помочь этим животным. В Гдыне к брошенным на произвол судьбы кошкам приходят только немногочисленные кормильцы, неспособные прокормить всех нуждающихся в этом животных. Лишь недавно там начались такие же акции, как ранее в Щецине». *(Анна Зелинская, «Кот. Фелинологический ежемесячный журнал», ноябрь)*

» «С января по июнь этого года хозяйственную деятельность начали 250 тыс. человек. Центры занятости, где можно получить дотацию на собственное предприятие, осаждены желающими (...) В первом полугодии прибавилась 121 тыс. человек, которых ГСУ определяет как работодателей и индивидуальных предпринимателей. Именно благодаря им уровень безработицы не вырос — а ведь за это время было ликвидировано 250 тыс. штатных мест (...) Предприятий становится всё больше. По данным Управления социального страхования, в декабре 2006 г. в Польше было 1,05 млн. предпринимателей, а в августе 2009 г. — уже 2,25 миллиона». *(«Дзенник — Газета правна», 3 ноября)*

» «Польша всё лучше справляется с использованием европейских денег (...) К концу третьего квартала мы потратили более 8 млрд. злотых из выделенных нам на 2007-2013 гг. европейских средств. Вместе с приложенными счетами-фактурами, которые в ближайшее время должны быть высланы в Брюссель, эта сумма вырастет почти до 14 млрд. злотых. Это 80% годового плана, предусматривающего исполь-

зование почти 17 миллиардов. До конца этого года общий объем инвестиций, использующих европейские дотации, может превысить 100 млрд. злотых». *(«Дзенник — Газета правна», 14 окт.)*

» **«До вступления в ЕС, в 2003 г., объем помощи сельскому хозяйству составлял 1,8 млрд. злотых (...) В 2007 г. деревня получила 47,5 млрд. злотых (...) В 2008 г. общая сумма выросла до 57,1 млрд., а в 2009 г. она будет еще больше. Почти половину (46%) государственной помощи министр финансов должен направлять в деревню (в Швеции — 12%, в Дании — 10%, в Германии — 20%) (...) В среднем доходы польских крестьян на 67% состоят из субсидий (...) Больше всего (422,6 тыс.) крестьян возделывают участки площадью 1-2 га. Хозяйств площадью более 100 га всего 0,5% (...) Товары на рынок поставляют лишь 750 тыс. хозяйств, производящих 90% продуктов питания. Целых 88% средств, направляемых в деревню, приходится на самые маленькие хозяйства в качестве социальной помощи (...) За пять лет нашего членства в ЕС экспорт сельхозпродуктов увеличился с 4 до 11,3 млрд. евро. Постоянный профицит во внешней торговле продуктами питания составляет около 1,5 млрд. евро (...) Экспортным успехам мы обязаны не 1,8 млн. крестьянских хозяйств, а пищевой и сельскохозяйственной промышленности (...) Сегодня ей грозит нехватка сырья, потому что крупных, специализированных товарных хозяйств слишком мало (...) Благодаря ЕС и деньгам налогоплательщиков жителям деревни живется всё лучше, но сельское хозяйство не развивается. (...) Большие средства, перетекающие в деревню, должны были сделать наше сельское хозяйство более конкурентоспособным. Наши политики выбрали себе другую цель: они предпочли предназначить их на преодоление деревенской нищеты». *(Иоанна Сольская, «Политика», 24 окт.)***

» «Сжигание зерна может помочь энергетике. Вскоре на рынок производства электроэнергии может попасть 3-4 млн. тонн зерна (...) Обосновывая разрешение сжигать зерно, министерство экономики подчеркивает, что благодаря этому Польше будет легче достичь к 2020 г. 15-процентной доли энергии из возобновляемых источников (...) Когда зерно будет продаваться производителям электроэнергии на сжигание, цена одной тонны может вырасти до 300-350 зл., что обеспечит крестьянам окупаемость его производства». *(Иренеуш Хойнацкий, «Дзенник — Газета правна», 22 окт.)*

» **«По данным Государственной трудовой инспекции, за три квартала текущего года вдвое (до 63,9 тыс. человек) выросло число работников, не получивших вовремя зарплату. В конце сентября сумма задолженности превысила 100 млн. злотых (...) Такой рост объясняется плохой формой польских предприятий и отсутствием финансовых резервов, которые помогли бы пережить период кризиса». *(«Жечпосполита», 10-11 окт.)***

» «Впервые в Польше предприниматель был приговорен к полутора годам заключения за задолженность по зарплатам (...) Суд несколько раз обязывал его выплатить задолженность, но выносил условные приговоры (...) Предприниматель не выплатил зарплату полутора десяткам сотрудников — каждому от нескольких до нескольких десятков тысяч злотых. Наконец, в марте 2009 г. суд приговорил Ежи Г. к четырем месяцам лишения свободы за злостное уклонение от уплаты задолженности одному из сотрудников. Приговор вступил в силу (...) Кроме того, ввиду рецидива вступили в силу и предыдущие приговоры». *(«Жечпосполита», 22 окт.)*

» **«Согласно исследованиям консалтинговой фирмы «Euler Hermes», польские работники повсеместно обманывают своих работодателей. Они выносят ценные данные о клиентах, продают информацию об условиях тендеров или крадут оборудование. С начала кризиса число такого рода случаев резко выросло. В настоящий момент на это жалуются уже 92% предприятий, а более четверти понесли из-за этого ущерб на сумму более 100 тыс. злотых каждое. Еще год назад проблемы с нечестными сотрудниками испытывала половина польских предприятий, сейчас — 9 из 10. Наиболее распространено воровство, которое в прошлом году затронуло 45% фирм, однако не менее часто случается и обман, а целых 5% сотрудников продают секреты фирмы». *(Клара Клингер, Сильвия Чубковская, «Дзенник — Газета правна», 2 ноября)***

» «В ЕС нет другой такой страны, в которой бы в таком масштабе и столь же безнаказанно обворовывали государственную железнодорожную инфраструктуру. Для организованных преступных группировок, да и для мелких воришек, она представляет ценность лишь в качестве металлолома (...) Расхищение и разорение железнодорожных линий — а их в нашей стране около 19 тыс. км, из них 70% электрифицированы, — считается сегодня в ЕС постыдной специальностью поляков

(...) В 2000 г. было совершено 16,1 тыс. подобных преступлений, в 2003 г. — 22,4 тыс., в 2004 г. — более 24 тыс. (из них раскрыто лишь 15%) (...) Случается, что преступники с помощью тракторов срывают целые километры тяговой сети, валят столбы. В 2000 г. было зафиксировано 5,4 тыс. таких преступлений, а в 2004 г. — 7,7 тыс. (поймать удалось более 5% преступников)». *(Ян Дзядуль, «Политика», 24 окт.)*

» «3 тыс. и 3,5 тыс. евро компенсации присудил Суд по правам человека двоим полякам, которые пожаловались на тесноту камер. (...) В настоящий момент в Страсбурге находится 150 исков против Польши о нарушении ст.3 Европейской конвенции по правам человека в связи с перенаселенностью тюрем и отсутствием соответствующих условий». *(«Жечпосполита», 23 окт.)*

» «Согласно опросу ЦИОМа, начиная с 2007 г. наши взгляды сместились вправо (...) Опрошенные хотят ужесточения борьбы с преступностью (рост на 13%) даже ценой ограничения прав граждан, чаще требуют люстрации общественных деятелей и более строго относятся к абортам (...) По-прежнему 44% респондентов высказываются за углубление интеграции с ЕС (29% выступают против)». *(«Газета выборча», 15 окт.)*

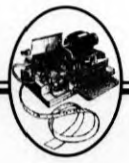
» «6 октября на торжественном заседании Европейского суда справедливости в Люксембурге принял присягу новый судья проф. Марек Сафьян, бывший председатель Конституционного суда и преподаватель Европейского университета во Флоренции, а также профессор Варшавского университета». *(«Пшеглёнд», 18 окт.)*

» Проф. Антоний З. Каминский, завкафедрой международной безопасности и стратегических исследований в Институте политических исследований ПАН: «Состояние системы государственного управления плачевно. После выборов партии берут под контроль правительственные ведомства и заполняют их своими людьми, которые приводят туда своих, как правило, некомпетентных ставленников. Международные оценки состояния администрации в Польше резко негативны. Один из иностранных авторов такого рода анализа пришел к выводу, что чем выше в Польше уровень административной иерархии, тем ниже уровень компетентности. Это неизбежно, если повышение по службе происходит не благодаря собственному труду, а благодаря чьему-то покровительству. Система патрон-клиент пронизывает всю центральную административную систему». *(«Тыгодник повшехный», 18 окт.)*

» «Всё чаще правовые акты, регулирующие деятельность профсоюзов, используются для борьбы с ними. На многих предприятиях появляются новые профсоюзы, члены которых связаны с руководством фирмы. Это касается почти всех отраслей (...) Такого рода новые профсоюзы называются «жёлтыми» (...) Если на предприятии создается профсоюз, с ним нужно согласовывать множество вопросов. Если профсоюзов много, то для того, чтобы их мнение к чему-то обязывало руководство, они должны действовать сообща. «Желтый» профсоюз нужен для того, чтобы сделать такое единодушие невозможным. Если согласия нет — все решения принимает руководство предприятия (...) Для создания профсоюза достаточно десяти работников — можно с легкостью найти людей, приближенных к властям». *(«Жечпосполита», 29 окт.)*

» «На поставленный в рамках «Общественного диагноза-2009» вопрос, можно ли доверять другим людям, 75% поляков отвечают, что осторожность никогда не помешает. Опрошенные признаются также, что общее благо их не интересует. «Мы не в состоянии заботиться ни о чем, кроме нашей семьи», — говорит автор опроса проф. Януш Чапинский (...) Лишь каждый десятый поляк уверен, что люди стараются помогать другим. В благотворительных организациях работают всего 13% из нас, и лишь 15% за последние два года принимали участие в какой-либо акции помощи другим людям». *(«Дзенник — Газета правна», 21 окт.)*

» «Долговая петля затягивается. ГСУ сообщило, что, по подсчетам министерства финансов, дефицит сектора государственных финансов увеличится в 2009 г. до 6,3% ВВП. Это означает резкий рост по сравнению с уровнем 3,6% ВВП, зафиксированным в 2008 году (...) Если выразить государственный долг в процентах ВВП, то окажется, что в прошлом году он составил 47,2%, а в 2009 г. должен составить 51,2% ВВП. Тем самым он перевалит через первый порог безопасности — 50% ВВП. Резкий рост задолженности должен усугубиться в 2010 году. По мнению правительства, государственный долг достигнет второго порога и составит 54,7-54,8% ВВП (...) Специалисты Польского национального банка (ПНБ) считают, что в 2010 г. даст трещину второй порог безопасности (55% ВВП), а в 2011-м — третий (60% ВВП). Если это случится, нас ожидают проблемы». *(«Газета выборча», 23 окт.)*



» Роберт Сошинский, директор Предприятия по эксплуатации нефтепроводов (PERN): «Если бы российская нефть перестала поступать в Польшу, мы могли бы получать сырье через порт в Гданьске. Поэтому нашей целью должно быть расширение нефтепорта и поморского газопровода. Благодаря этой инфраструктуре мы получим нефть и различное топливо в объеме достаточном, чтобы пережить возможный кризис». *(«Дзенник — Газета правна», 29 окт.)*

» «В пятницу Польская нефтегазовая компания (ПНГК) объявила, что согласовала с «Газпромом» новые условия сотрудничества. Польская фирма продлит контракт с российским концерном на 15 лет — до 2037 г., а кроме того с будущего года увеличит импорт газа из России с 7,5 до 10,3 млрд. кубометров (на 40% больше, чем планировалось до сих пор). Помимо этого «Газпром» требовал, чтобы «ЕвРоПолГаз» вообще не получал прибыли от транзита газа. По данным «Коммерсанта», «Газпром» пошел на уступки, «соглашаясь на прибыль «ЕвРоПолГаза» в размере 2-3 млн. долларов в год». В настоящий момент за транспортировку 1000 кубометров газа на расстояние 100 км «ЕвРоПолГаз» взимает 2,05 доллара. Новая ставка составит 1,5-2 доллара». *(«Газета выборча», 3 ноября, «Жечпосполита», 4 ноября»)*

» «Россия не хочет согласиться на досрочное погашение кредита, который «ЕвРоПолГаз» (компания, управляющая Ямальским газопроводом) взял в «Газпромбанке» на строительство этой магистрали (...) Кредит используется как рычаг давления на польскую сторону. Его досрочное погашение лишило бы Москву такой возможности (...) Если бы «ЕвРоПолГаз» не смог вернуть кредит (он взял более 1 млрд. долларов), «Газпром» мог бы взять под контроль польскую инфраструктуру Ямальского газопровода за долги». *(«Дзенник — Газета правна», 30 окт. — 1 ноября)*

» «Польше требуется около 15 млрд. кубометров газа в год, из которых треть покрывается за счет польской газодобычи. Подписание контракта на 28 лет означает, что покупка дорогого газа в Катаре экономически необоснованна. А это перечеркивает единственный диверсификационный газовый проект, осуществляемый в настоящий момент польским правительством». *(Януш Мельник, «Польска», 29 окт.)*

» Вальдемар Павляк, вице-премьер и министр экономики: «В Польше зависимость от иностранных поставок сырья наименьшая, так как они превышают собственную добычу всего на 18%. Во всех других странах-членах ЕС эта цифра составляет в среднем 50%. В польской энергосистеме газ составляет около 12%, из которых треть мы добываем сами. Так что Польша — наиболее безопасная в энергетическом плане страна Евросоюза». *(«Дзенник — Газета правна», 5 ноября)*

» «Россия поставляет Польше 100% импортируемого и половину используемого газа, а также 95% используемой нефти. Это значительно больше, чем в странах Западной Европы. Энергозависимость Польши от России — следствие экономических связей, налаженных в рамках Совета экономической взаимопомощи (1949-1991)». *(Павел Божик, «Пшеглёнд», 11 ноября)*

» «ЕС и Украина пришли к выводу, что нет смысла модернизировать газопроводы, по которым Польша импортирует более 25% необходимого ей газа. Через 10 лет поставки газа с Востока будут идти в обход Польши (...) По мнению экспертов, это представляет угрозу для одного из самых важных для нас направлений поставок сырья. Ежегодно мы транспортируем через Украину 4 млрд. кубометров газа (...) Украинцы, планируя ремонт сети, не приняли во внимание важный для Польши газопровод». *(«Дзенник — Газета правна», 27 окт.)*

» «По первой нитке «Северного потока» потечет газ с сибирского месторождения «Южнорусское» (...) По второй нитке должен был транспортироваться газ с месторождения Штокмана в Арктике, но решение о его эксплуатации откладывается (...) Чтобы наполнить «Северный поток», «Газпром» может уменьшить транзит через Польшу и Украину — об этом предупреждал Збигнев Бжезинский». *(Анджей Кублик, «Газета выборча», 6 ноября)*

» Александр Гудзоватый, директор «Бартимпекса», акционер «ЕвРоПолГаза»: «Газовая петля на шее Польши затягивается. Россия уже пользуется этим фактом и применяет политический и экономический диктат (...) Строя Ямальский газопровод и учреждая «ЕвРоПолГаз», мы говорили друг другу, что создаем партнерское предприятие. Оказалось, что этого лозунга хватило на десять лет. (...) Еще немного, и будет предпринята попытка купить на бирже ПНГК — ведь акции сотрудников уже скупают». *(«Жечпосполита», 6 ноября)*

» «Польша готовит соединительную трубу для подключения к чешским газопроводам, по которым в будущем может потечь газ из Северного газопровода (...) Благодаря этой трубе, подсоединенной в районе Тешина, можно будет импортировать в Польшу 0,5 млрд. кубомет-

ров газа, а после модернизации — 2-3 млрд. кубометров в год. (...) Газ потечет в Польшу по чешским трубам в начале 2011 года». ***(«Газета выборча», 27 окт.)***

» Петр Возняк, бывший министр экономики: «Россия не только не выполнит предыдущий международный договор с Польшей и не построит вторую линию Ямальского газопровода — она намерена закрыть транзит даже по первой (...) Россия затянула газовую петлю на шее Польши. Каждая попытка подключения к газовой сети в северо-восточной Германии приведет к подключению к российскому газу, который скоро потечет через Балтику по «Северному потоку». Вдоль польской границы, от Балтийского моря до самой Чехии, Россия строит газопровод «Опал», по которому, согласно договоренностям, в течение 25 лет можно будет транспортировать исключительно российский газ». *(«Польска», 7-8 ноября)*

» Януш Штейнхофф, бывший вице-премьер (в правительстве Ежи Бузека): «Нужно понимать, что все происходящее между «Газпромом» и ПНГК не имеет ничего общего с рыночными принципами». ***(«Польска», 30 окт.)***

» «После прокладки газопровода на севере, по дну Балтийского моря, и на юге, по дну Черного моря (который тоже должен огибать все страны бывшего соцлагеря, кроме Болгарии), Россия сможет шантажировать страны Восточной Европы отключением газа, не опасаясь перебоев в поставках в страны Западной Европы и ухудшения отношений с ними. Однако тревога, которую бьют на Востоке, почти не слышна на Западе, где Россия ведет эффективную политику по принципу «разделяй и властвуй»». *(«Впрост», 25 окт.)*

» Збигнев Бжезинский, бывший советник по национальной безопасности президента США Джимми Картера: «Энергетический шантаж — это не военное нападение, ведущее к человеческим жертвам. Тем не менее это очень серьезная форма давления. (...) Если мы столько лет не предпринимали конкретных превентивных мер, то как можно требовать гарантий, что в случае чего могущественные друзья придут нам на помощь?» ***(«Жечпосполита», 31 окт. — 1 ноября)***

» «По учетным спискам вооруженных сил Республики Польша, на 30 сентября в них состояло 95 360 человек, из них 139 — генералы; 22 670 — офицеры; 41 850 — сержантский состав; 22 200 — рядовые (профессионалы и сверхсрочники)». *(«Жечпосполита», 4 ноября)*

» «Федерация катынских семей объединяет несколько десятков обществ в стране и за границей. К ним принадлежат близкие польских офицеров, полицейских и штатских, убитых НКВД в 1940 году. Их цель — сохранить память о жертвах преступления. Благодаря их деятельности появились польские военные кладбища в местах казни в Катыни, Харькове и Медном». ***(«Жечпосполита», 23 окт.)***

» «Мы забыли, что во время войны 1920 г. в руки Красной Армии попало несколько десятков тысяч солдат Войска польского (...) Польша захватила значительно больше пленных — около 85 тысяч, не считая тех, кто перешел на нашу сторону, в то время как большевики захватили не более тридцати с лишним тысяч. Эту разницу объясняет проф. Збигнев Карпус, который много лет изучает судьбы пленных войны 1920 г. (...) Большевики во многих случаях (...) убивали пленных на месте (...) Это были массовые убийства (...) Описания напоминают действия большевиков на фронтах гражданской войны (...) Польские части, отбивая в августе-сентябре 1920 г. территории, занятые ранее большевиками, почти везде находили массовые могилы (...) Число польских солдат, схваченных и убитых в такой резне, может достигать 20 тыс. (...) Единственной параллелью смерти красноармейцев в польских лагерях для военнопленных в 1920 г. может быть судьба польских солдат, которые попали в руки большевиков». *(Петр Зыхович, «Жечпосполита», 24-25 окт.)*

» ««Я убеждён, что память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах, — сказал вчера в своем неожиданном выступлении по случаю Дня памяти жертв политических репрессий президент России Дмитрий Медведев. — Никакое развитие страны, никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправдания» (...) С такой силой о преступлениях сталинского режима против собственного народа не говорил еще ни один российский лидер». ***(Мартин Войцеховский, «Газета выборча», 31 окт.)***

» «Президент Польши Лех Качинский (...) отметил высокими польскими наградами министров авторитарного правительства Азербайджана (...) Министр внутренних дел Рамиль Усубов и министр национальной безопасности Эльдар Махмудов получили командорские кресты ордена Возрождения Польши. Министр иностранных дел Эльмар Мамедъяров получил большой крест орде-

на Возрождения Польши (...) Иса Габмар, лидер старейшей оппозиционной партии, прокомментировал это так: (...) «Польша наградила авторитарный режим (...) Для азербайджанского общества это плохой знак (...) После фальсифицированных президентских выборов (...) демонстрации против фальсификаций были кроваво подавлены (...) Сотни человек попали в тюрьмы (...) Усубов уже тогда стоял во главе азербайджанского МВД (...) Мамедъяров за антидемократические действия был осужден Советом Европы и внесен в черный список «Международной Амнистии»». *(«Газета выборча», 6 ноября)*

» **«Председатель «Бартимпекса» Александр Гудзоватый стал в этом году лауреатом премии «Лиги против диффамации», известной еврейской организации из США, борющейся с антисемитизмом. Он был награжден за «выдающийся вклад в дело популяризации терпимости и взаимоуважения». В 2008 г. Гудзоватый финансировал сооружение памятника Терпимости в Иерусалиме». *(«Жечпосполита», 30 окт.)***

» «На бывшем ченстоховском Умшлагплаце открыт памятник 40 тысячам евреев из Ченстоховы и окрестностей, депортированных в концлагерь в Треблинке. Автор памятника — (...) родившийся в Ченстохове израильский скульптор Самуэль Вилленберг [бывший узник Треблинки]». *(«Дзенник — Газета правна», 20 окт.)*

» **«В Польше много говорят об антисемитах. И правильно. Но никто не говорит об антиантисемитах, как их назвал проф. Иренеуш Кшеминский. В Польше есть масса людей, стремящихся возрождать память о евреях. Их не останавливают неудачи, сопротивление местных жителей, неприятности, с которыми они сталкиваются, — говорит Марта Бялек из Общества творческих инициатив. — Особенно близки мне те проекты, которые начинались скромно, но в конечном итоге объединили депутатов, родителей школьников, священников в усилиях по восстановлению этой трудной памяти». *(Агнешка Ковальская, «Газета выборча», 23 окт.)***

» «Национально-радикальный лагерь» из Бжега объявлен опольским судом вне закона, так как идеология объединения пропагандирует расовую ненависть. *(«Газета выборча», 13 окт.)*

» **«В рейтинге свободы СМИ организации «Репортеры без границ» Польша поднялась с 47-го места на 37-е, опередив, в частности, Францию и Италию». *(«Жечпосполита», 22 окт.)***

» «По данным министерства юстиции, в Польше ежегодно устанавливается более 12 тыс. подслушивающих устройств. Из года в год это число растет. Больше всего заявлений об установке жучков подают полиция и Агентство внутренней безопасности». *(«Дзенник — Газета правна», 19 окт.)*

» **В списке польских спецслужб насчитывается уже двенадцать учреждений, наделенных особыми полномочиями: Бюро охраны правительства (БОП), Агентство внутренней безопасности (АВБ), Агентство разведки (АР), Служба военной контрразведки (СВК), Центральное антикоррупционное бюро (ЦАБ), полиция, военная жандармерия, налоговая разведка, пограничная охрана, таможенная и тюремная службы». *(«Политика», 24 окт.)***

» ««Мы научимся жить с жучками», — (...) вице-премьер Вальдемар Павляк знает, о чем говорит: все-таки он дважды был премьер-министром (...) Польша (...) заражена вирусом родом из ПНР. Ничего удивительного, что через 20 лет после обретения независимости ей всё еще ближе белорусские, чем британские стандарты». *(Дариуш Яворский, «Тыгодник повшехный», 25 окт.)*

» **«В случае применения подслушивающего устройства человек, чьи разговоры прослушиваются, должен быть информирован об этом не позднее официального закрытия следствия. Он имеет право выяснить, было ли прослушивание обоснованным и законным. Людей, прослушиваемых во внепроцессуальном порядке, информировать об этом не обязательно. Право осуществлять оперативный контроль есть у многих служб (...) Постановление о проведении такого контроля принимает суд (...) Соответствующие предписания ограничивают его допустимую продолжительность. Однако он носит негласный характер, т.е. по окончании следствия прослушиваемые лица о нем не информируются. Если нет оснований для возбуждения уголовного дела, собранные материалы должны быть уничтожены. Такая правовая ситуация недопустима, считает уполномоченный по правам человека. Должна быть хоть малейшая возможность проверить, была ли установка подслушки обоснована и соответствовала ли она закону». *(«Жечпосполита», 2 ноября)***

» «Министр юстиции не будет генеральным прокурором. Сейм отклонил президентское вето на закон, разделяющий эти две функции. Весной будущего года президент должен назначить нового генерального прокурора, одного из двух кандидатов Национального

судебного совета (генеральным прокурором может быть прокурор или судья с 10-летним стажем)». *(«Тыгодник повшехный», 18 окт.)*

» «Согласно опросу ЦИМО, 61% поляков отрицательно оценивает действия президента Леха Качинского. Удовлетворение работой президента выражает каждый четвертый опрошенный. 47% респондентов считают, что Дональд Туск хорошо справляется со своими обязанностями, а 45% придерживаются противоположного мнения». *(«Впрост», 25 окт.)*

» В президентском рейтинге института «Homo Homini» лидирует Дональд Туск (38,7%). Следующие места занимают Лех Качинский (20,1%) и Влодзимеж Цимошевич (6,1%). *(«Дзенник — Газета правна», 4 ноября)*

» «Согласно опросу ЦИОМа, после двух лет работы правительства Дональда Туска его поддерживают 38% поляков. 25% недовольны его действиями».

» Премьер-министр Дональд Туск: «Сегодня у нас с одной стороны правительство, а с другой — президент, который возглавляет оппозицию и блокирует действия правительства, а также институты, находящиеся под контролем оппозиционной партии. Мне не нравится образ Польши, разделенной на два враждующих лагеря. Мы должны это изменить». *(«Газета выборча», 17-18 окт.)*

» Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 45% поляков, «Право и справедливость» (ПиС) — 28%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 11%, крестьянскую партию ПСЛ — 5%. *(«Газета выборча», 12 ноября)*

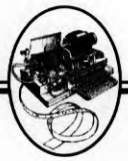
» Проф. Иренеуш Кшеминский: «Политическая дискуссия в Польше подчинена войне двух лагерей с очень идеологизированным мировоззрением (...) В политических спорах должны использоваться доводы и аргументы, чтобы решения опирались на как можно более рациональные основания. Вместо этого наша политика представляет собой схватку враждебных убеждений, единственно верных концепций (...) Это смертельная борьба, задача которой — собрать наибольшее количество избирателей у избирательных урн (...) В польской политике нет места ценностям, ее цель — полная дискредитация противника (...) Прийти к власти путем такой словесной баталии, заключающейся в унижении противника, — вот истинный смысл, перед которым все остальное второстепенно». *(«Впрост», 8 ноября)*

» Проф. Павел Спевак: «Если свести всю публичную действительность к политической игре, почти все государственные институты (...) превращаются в добычу и заложников партийных выборов (...) Партийный конфликт (...) часто ставится выше государственных интересов (...). Важны «наши» и важны правила игры, юридические решения, продвигающие людей правящей элиты (...) Однако мы знаем, что во многих местах в польской политике появилось нечто новое. Президенты городов и бургомистры бывают настоящими политическими лидерами и хорошими хозяевами (Гдыня, Гданьск, Вроцлав, Катовице), и, что еще интереснее, они нередко достаточно независимы от партийных кругов. То же самое случается на уровне гмин (...) Тем более беспокоит, почему (...) так слаб Сейм, почему во главе партий встают амбициозные, сварливые, мелочные и недалекие люди (...) Обе группировки (ГП и ПиС) чуть ли не дрессируют своих членов, обучая их взаимной ненависти, борьбе, как будто бы их разделяли не идеи и партбилеты, а происхождение от разных человекоподобных существ (...) Игра ведется (...) за карьеру, за министерские кресла». *(«Тыгодник повшехный», 25 окт.)*

» «Согласно опросу ЦИОМа, депутатов оценивают положительно 24% поляков. Противоположного мнения придерживаются 66%». *(«Дзенник — Газета правна», 12 окт.)*

» «Согласно опросу ЦИОМа, лишь для половины поляков важно жить в демократическом обществе. В этом смысле мы значительно отстаем от других стран Запада, а также от Турции, Израиля, ЮАР (...) Уже не первый год лишь 25% общества считают демократию лучшим общественным устройством (...) Многие считают ее лазейкой для анархии». *(«Газета выборча», 19 окт.)*

» «Сегодня в силу вступает измененная конституция (...) В мае парламент внес в нее поправки. В основной закон он ввел запись, согласно которой депутатом Сейма или Сената не может стать лицо, приговоренное правомочным приговором к лишению свободы за умышленное преступление, преследуемое с участием государственного обвинителя (...) Теперь депутатов ожидает изменение избирательного закона, чтобы он не только не допускал таких лиц к участию в выборах, но и давал возможность лишить мандата уже после выборов — в случае вынесения приговора». *(«Жечпосполита», 21 окт.)*



»«Во время заседания следственной комиссии Сейма в Колонный зал влетел крапивник. Через полчаса комиссия объявила перерыв, и птица упорхнула. Адам Вайрак: «Крапивники очень любят всякие дебри»». ***(«Газета выборча», 16 окт.)***

» «В официальном коммюнике Варшавского городского совета, обращенном к жителям, администраторам домов и жилищных товариществ, говорится: «Дикие кошки — это не бездомные животные, поэтому их нельзя отлавливать и вывозить. Наоборот, там, где они водятся, следует обеспечивать им необходимые условия». Совет призывает к «заботе о диких кошках». (...) Депутаты (...) надеются, что этот призыв дойдет до сознания жителей и удержит противников кошек от подкладывания отравы и закрывания подвальных окошек». *(Каролина Ковальская, Паулина Закшевская, «Польска», 22 окт.)*

» «Анджей Кузёмский живет в тридцатиметровой краковской квартире с пятьюдесятью ежами — ранеными, покусанными, изголодавшимися. Это единственная «скорая помощь» для ежей в Польше (...) Кузёмский спит по три-четыре часа в сутки, да и то с перерывами. Ежи ночью бодрствуют: в это время их нужно кормить, лечить, убирать за ними. Днем он ездит в ветеринарную клинику, дает консультации (мобильник звонит примерно раз в пятнадцать минут) и отвечает на письма со всей Польши, ищет дома для вылеченных животных, которые уже не могут жить на природе (...) Размах предприятия, однако, начинает превосходить возможности одного человека. (...) На корм нужно тратить до 70 злотых в день, плюс лекарства, плата за ветлечебницу, квартплата. Кузёмский продал или заложил в ломбарде уже почти всё, что мог, но и так тонет в долгах. (...) «Трудно выбросить из головы глаза дикого животного, которое смотрит на человека с доверием», — говорит Ежи Зембровский (...) Сначала удалось зарегистрировать реабилитационный центр для ежей, потом Польское общество защиты ежей «Наши ежи». В нем уже 39 членов, есть свой сайт (...) но главная его цель — создание реабилитационного центра с лечебницей, боксами, вольерами (...) Общество сосредоточилось на поиске спонсоров, которые помогли бы ему собрать собственный капитал. Тогда можно будет обратиться за европейскими дотациями на строительство центра. Никто не знает, сколько это продлится и что будет с ежиной «скорой помощью» Кузёвского до тех пор. Срок принудительного выселения истекает 31 октября». ***(Иоанна Подгурская, «Политика», 31 окт.)***

» «Иметь лично подстреленную Big Fire (Большую пятерку), т.е. слона, носорога, буйвола, льва и леопарда, считается в охотничьей среде вершиной карьеры. (...) Между Адамом Сморавинским (дилером «БМВ») и Генриком Стоклосой (агропромышленным предпринимателем) завязался, говорят, негласный поединок, кто первый добудет Большую пятерку (...) За отстрел буйвола нужно заплатить 6 тыс. долларов, за льва — 16 тысяч (...) За согласие на отстрел слона нужно заплатить 12 тыс. долларов (...) Очень подорожали носороги — сейчас они стоят от 40 до 60 тыс. долларов». *(Юлиуш Цвелюх, «Политика», 31 окт.)*

» «Бюро охраны животных уведомило прокуратуру, что за последние три года в приюте для животных в Костежине умерщвлено, возможно, до 1,2 тыс. собак. В то же время гмины, заключившие договор с приютом, должны были потратить на содержание этих животных 800 тыс. злотых». ***(«Польска», 29 окт.)***

» «На вопрос ЦИОМа: «Должен ли закон допускать безболезненное прерывание жизни неизлечимо больного пациента, если он и его семья об этом попросят?» — 61% опрошенных ответил «да», 31% — «нет», 8% затруднились с ответом». *(«Жечпосполита», 21 окт.)*

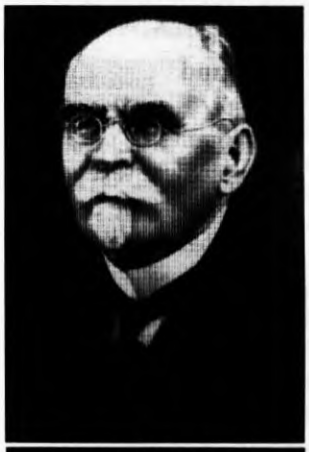
» «Мы вызываем маме скорую помощь. «Сколько ей лет»? — спрашивает диспетчер. — «Восемьдесят два». — «Так зачем ее забирать?» — слышим мы в ответ». ***(«Тыгодник повшехный», 15 ноября)***

Збигнев Вежбицкий

СЛАВНА ЛИ ПОЛЬША СВОИМИ ДИНАСТИЯМИ?

Есть в истории нашего народа события столь удивительные и неожиданные, что иногда им легче найти объяснение с помощью чего-то сверхъестественного или даже чуда, чем с помощью социологии, то есть «ученого разума». Почему, например, Юлиуш Кразевич, живя в Поморье, в той части Польши, которая после разделов отошла к Пруссии, уже вполне онемеченный, дома говоривший только по-немецки, прочитав в немецком научно-популярном журнале, что на территории Поморья популяция поляков уже вымирает, перешел в домашнем обиходе на польский язык и основал в 1862 г. первый на этих, находившихся «под Пруссией» землях польский крестьянский кружок?

Но история Виктора Кулерского (1865-1935) и его сына, Витольда Зигмунта (1911-1997), а также внука, тоже Виктора (1935 г.р.), связанных с Грудзёндзом, особенно интересна и достойна того, чтобы войти в анналы истории Польши, а возможно, даже и Европы. И хотя самый младший из них, Виктор, внук первого, искусствовед и учитель, известный деятель «Солидарности», замминистра народного образования (1989-1991), а ныне член редколлегии «Новой Польши», еще не до конца заполнил страницы своей жизни, но два других его предка: дед и отец — заслуживают того, чтобы извлечь их судьбы из национального беспамятства — и не только потому, что необходимо освежить наши исторические знания «ради ободрения», но и по нескольким причинам социологического порядка.



Виктор Кулерский (1865-1935).

Их история в диахроническом формате (поддающемся сравнению во времени) склоняет нас к постановке принципиального вопроса: как это стало возможным, что первый из «династии» Кулерских, старший Виктор, безусловно подвергавшийся дискриминации со стороны оккупационных прусских властей (его несколько раз сажали в тюрьму, хотя и на короткий срок; против него было возбуждено 87 судебных процессов), смог развернуть в этой части оккупированной Польши невероятно плодотворную национальную деятельность, причем гораздо более широкую, чем в возрожденной Второй Речи Посполитой, особенно в период режима санации (после 1926 г.)? Кстати, нечто подобное происходило и с его сыном Витольдом Зигмунтом, вторым по хронологии членом «династии», общественным и политическим деятелем высокого уровня (как в Польше, так и в эмиграции).

Еще более любопытно, что это происходило на фоне всё более сужающихся возможностей для позитивной работы в три рассматриваемые здесь эпохи: прусской оккупации, Второй Речи Посполитой и ПНР; явление это подтверждают некоторые социологические исследования на местах. По мнению пожилых людей, в галицийской деревне, например, то есть на польских землях, вошедших в результате разделов в состав Австро-Венгрии, «при императоре» (как говорят тамошние старики) было больше свободы личности и организаций, а значит, и больше возможностей для общественной или политической деятельности, чем в межвоенный период при санации; а в ПНР, разумеется, еще меньше. В качестве косвенного аргумента приводилась численность сотрудников правоохранительных органов в гмине: в Австрии — один «жандарм», при санации — несколько, а во времена ПНР — зачастую полтора десятка. Изменит ли Третья Речь Посполитая эту тенденцию навсегда?

Во-вторых, как объяснить с социологической точки зрения впечатляющий размах общественной деятельности старейшины рода Кулерских, которую по праву можно сравнивать с деятельностью некоторых особенно выдающихся социалистов, приверженцев союзов и объединений (которых Маркс называл утопистами!), — хотя бы с деятельностью англичанина Роберта Оуэна (1771-1858), который к тому же действовал во внешних (государственных) условиях, значительно гораздо более благоприятных, чем первый Кулерский!

Виктор Кулерский начал с того, что основал в 1894 г. «Газету грудзёндскую», которая к 1914 г. имела 128 тысяч постоянных подписчиков (будучи владельцем и главным редактором «Газеты», он обращался к ним: «Дорогие братья») и стала, таким образом, крупнейшим для своего времени польским изданием в мире; газета распространялась по всей Германии и Польше (автор этой статьи встретился с любопытным случаем подписки на эту газету в межвоенный период — подписчиками оказались жители глухих деревень в Бескидах!). А в рейтинге немецких изданий в Германии это издание занимало третье место! Более того, на базе «Газеты грудзёндской» был создан опередивший эпоху концерн прессы, оснащенный современными печатными машинами, выпускавший газету в нескольких вариантах и несколько других периодических изданий. В этом концерне работало множество людей, включая репортеров и распространителей, так что с точки зрения маркетинга он в значительной мере опережал свою эпоху (действовали реклама, рассылочная продажа и т.п.). Кроме того, был введен 8-часовой (!) рабочий день, действовало и такое нововведение, как страхование постоянных читателей на случай трагической смерти члена семьи (до 1914 г. концерн Кулерского выплатил по этой статье 90 тыс. марок!). Концерн издавал и другую польскую периодику (например, «Сопотскую пляжную газету» для польских курортников в Сопоте) и оказывал поддержку разным польским изданиям, выступавшим против онемечивания, таким как «Газета ольштынская» или «Вярус». Более того, подписчикам газеты он высылал в подарок польские календари (всего до 1914 г. было отправлено свыше 500 тыс. экз.), книги (более двух миллионов, в том числе 100 тыс. экз. «Истории польского народа»), а также репродукции картин по истории Польши (около 500 тыс. экз.). Следует также упомянуть о возникших по его инициативе или созданных им польских организациях, как, например, «Дом польский» в Сопоте, Общество народного просвещения (1893), гимнастическое общество «Сокол» и Ассоциация польских промышленников, главным образом в Грудзёндзе, а также несколько польских школ в Берлине.

Витольд Зигмунт Кулерский (1911-1997).

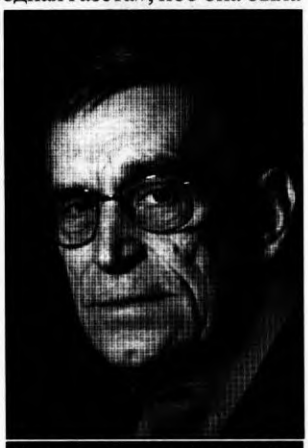
Живительную силу всем этим начинаниям и акциям придавал открытый польский патриотизм, ибо Кулерский был толерантен (например, поддерживал кашубскую письменность!), а также смело содействовал защите и развитию польских крестьян. А началось все с отчисления Виктора из немецкой учительской семинарии за организацию празднества по случаю 200-летия победы Яна Собесского под Веной (1683). Любопытно, что позднее это не смогло защитить его от нападок со стороны эндеков (национал-демократов), а затем и от ожесточенных нападок при режиме санации, обвинившем его в пособничестве или поддержке некоторых немецких акций (как, скажем, прусский военный заем или указ от 5 ноября 1916 г., объявлявший автономию Царства Польского, оккупированного в то время немецкими войсками).

В 1903 и 1907 гг. он был депутатом немецкого парламента, а в 1912 г. основал «собственную» Польско-католическую народную партию, что могло вызвать конфликт с эндеками. В независимой Польше он вступил в крестьянскую партию Витоса «Пяст», где занимал довольно высокие посты: в 1928 и 1930 гг. по списку этой партии был избран в Сенат; уже будучи сенатором, в открытом письме потребовал после некоего странного высказывания Пилсудского подвергнуть его проверке на вменяемость! Это, безусловно, было свидетельством большой гражданской смелости, если учесть, что за гораздо более мягкую критику маршала авторы ее подвергались нападениям и даже бывали избиты, как правило, неизвестными лицами (хотя иногда они были в военной форме, как, например, в случае с редактором Цивинским в Вильно; он был избит, по всей вероятности, по приказу коман-

дующего округом ген. Демба-Бернацкого, который вскоре проявил себя не лучшим образом во время сентябрьской кампании 1939-го).

Особенно интересным событием с социологической точки зрения стал упомянутый в самом начале факт — возвращение онемеченных поляков к польскости. Случай Виктора-старшего здесь заслуживает особого внимания ввиду его обширной деятельности в общественной и национальной сфере. Его отец, директор школы в небольшом городке, воспитывал его в прусском духе; но при этом влияние матери, родом немки, было совершенно противоположным! Сам же Виктор, один из восьми детей в семье, после того как был отчислен из учительской семинарии, приобщался к польской литературе в польских усадьбах, где какое-то время служил домашним учителем. Так начинался его тернистый путь к польскости...

Его сын Витольд Зигмунт не испытывал сомнений относительно своей национальной принадлежности, хотя наверняка сознавал, что вкус польскости может не раз оказаться горьким. Взяв на себя издание «Газеты грудзёндской», он перенес ее в Познань, издавая под названием «Народная газета», ибо она была и продолжала оставаться самой народной; он связал себя с крестьянской партией Витоса. И с ним, как и с его отцом, тоже боролись эндеки, но больше всё же режим санации. После 1926-го власти довольно часто конфисковывали его «Народную газету» — на протяжении одного года газета подвергалась конфискации чаще, чем ее предшественница «Газета грудзёндская» за всё время своего существования на польских землях, входивших в состав Пруссии! А суды, теперь уже польские, приговорили его суммарно к 20 годам заключения. Накануне войны вступил в силу приговор к четырем годам. Витольд Кулерский должен был явиться в тюрьму 1 сентября 1939 года. Но после сентябрьских событий вместо тюрьмы он оказался в эмиграции, где стал секретарем президиума Национального совета Речи Посполитой [заменявшего в изгнании парламент], а затем — секретарем Миколайчика как министра и премьер-министра.


Виктор Кулерский (р. 1935)

В 1946 г. он вернулся в Польшу, на деле доказав и свой патриотизм, и свое понимание значения позитивной работы во имя восстановления страны, разрушенной войной и оккупациями и теперь уже находившейся в границах между Одером и Бугом. Здесь он вступил в ряды оппозиции, возглавленной Миколайчиком, стал секретарем Главного совета Крестьянской партии.

После бегства Миколайчика из Польши (20 окт. 1947) Кулерский был арестован и после трех лет тяжелого следствия приговорен к 12 годам тюрьмы, что стало своеобразным отсроченным исполнением судебных приговоров межвоенного периода. После восьми лет тюрьмы он был освобожден, с подорванным здоровьем вернулся к родным, то есть, по его выражению, в «молчаливость частной жизни». Он хранил молчание до тех пор, пока его сын, второй Виктор из династии Кулерских, не нашел своего места в жизни, пойдя по стопам отца и деда под знаменем борьбы за независимость с логотипом «Солидарности». Последним выступлением Витольда Кулерского под этим знаменем был, как он сам вспоминал, региональный съезд «Солидарности» Мазовии 6 января 1990 г., когда председателем регионального правления стал бывший сексот, которого избрали на место Збигнева Буяка, занимавшего этот пост на протяжении девяти лет.

Разве жизнь всех трех Кулерских не может служить окончательным подтверждением той парадоксальной истины, что, находясь под чужим господством, можно иногда развернуть гораздо более активную творческую деятельность национально-позитивного характера, чем при своей «родной» власти (или просто под ее вывеской), если, с одной стороны, обладаешь характером и воображением, а с другой — существует чуждая государственная власть, которая всё же соблюдает минимум правопорядка и прав человека, что составляет необходимое (хотя и недостаточное) условие развития каждого народа, пусть даже порабощенного, а особенно такого народа, как польский, имеющего столь переменчивую политическую судьбу? Nil desperandum — никогда не отчаиваться!

BUNT

Славомир Поповский

СЛАВЯНСКАЯ АТЛАНТИДА

«Атлантида — так близко» — новая книга, содержащая на этот раз полную историю Великого Новгорода, над которой Стефан Братковский, как он сам утверждает, работал на протяжении 25 лет.

Вот что пишет автор на последней странице обложки:

«...эту Атлантиду не поглотил океан. Эту Атлантиду поглотило забвение. К забвению ее приговорили цари, а после них — советские властители России. Эта Атлантида доказала, что Россия могла быть другой — раз уж она существовала. И Россия может быть другой — если вновь обретет свое ампутированное прошлое».

Несколько ранее Стефан Братковский вместо эпиграфа обращается к читателям с призывом:

«Это должна быть книга, преднамеренно носящая вызывающий характер, книга актуальная и очень политическая, — если только мне удастся оживить, в меру своих скромных возможностей, эту Атлантиду, республику тысячелетней давности, такую важную для сегодняшнего дня. Речь идет о шансах на иной облик одного из крупнейших народов мира. Иными словами, вопрос в том, удастся ли отыскать иное прошлое России... Пожалуйста, читайте эту книгу именно так».

И действительно — ее надо читать так. Всякие славянские древности функционируют в нашем сознании либо как сказка (о Ванде, не хотевшей за немца, о колеснике Пясте и о Попеле, которого съели мыши), либо как миф с очень сильным политическим и идеологическим подтекстом.

То же самое происходит и с Древней Русью, в том числе с Великим Новгородом. По крайней мере со времен Ивана Грозного, который окончательно уничтожил Новгородскую республику, перебил или выселил тысячи новгородцев, посадив на их место людей, послушных себе и не зараженных, не испорченных новгородским чувством свободы, — миф Руси и доныне лежит в фундаменте российской государственной доктрины.

Иван Грозный выступает в нем как «объединитель» русских земель, а Москве, опирающейся на эти традиции, приписывается роль единственной подлинной наследницы тогдашней Руси. И это тоже одна из причин, почему современным русским, воспитанным на этом мифе, так трудно согласиться с тем, что Белоруссия может существовать отдельно, равно как и с тем, что Украина — уже не Малороссия. И хотя Киев навеки будет почитаться «матерью городов русских», той Руси уже нет. На ее былых территориях родились совершенно новые этнические общности, в том числе и русская (наряду с белорусской и украинской).

Впрочем, как пишет Стефан Братковский, «никогда не было Киевской Руси как общерусского государства. Старины-былины знали великое княжение, но не знали Киевского государства. Единственное, что всех связывало, — это династия Рюриковичей, представители которой в частых братоубийственных и кровавых битвах, в том числе и с помощью внешних сил, делили между собой земли и водворялись в наиболее важных городах».

Имеется, однако, и второй аспект того же самого мифа. Иван Грозный не только огнем и мечом стремился объединить под своим скипетром всю Русь, но вдобавок — причем столь же кроваво — узурпировал право навязывать всем единственно верную модель государственной власти, ее философии — то, что мы называем сегодня российским самодержавием в его самом грубом, кровавом изводе.

Всё, что вступало с этой моделью в противоречие, надлежало уничтожить, сровнять с землей и изгладить из памяти. И этому принципу, этой политике оставались верны все властители России, все ее цари и хозяева Кремля. Хотя, естественно, не все они были такими кровавыми, как Иван Грозный

или Сталин — самый верный его подражатель. Конечно, попадались среди них и властелины-реформаторы, но и они никогда не были в состоянии продвинуться настолько далеко, чтобы подорвать важнейший принцип кремлевской власти.

Во имя этого правила на протяжении всего XIX века, когда сконцентрированная на себе и цивилизационно отсталая Россия вела споры о «русской идее», и потом, уже после революции 1917 г., шло сознательное искажение и выхолащивание истории (впрочем, не только Новгорода Великого), лишь бы не противоречить главной идеологической линии и действующей в данный момент доктрине. А в соответствии с этой доктриной русская история начиналась в Киеве и Москве, тогда как Великий Новгород со своими демократическими традициями — тот самый, который дольше всех не хотел повиноваться московским царям, — это нечто вторичное, своего рода эксцесс истории, о котором лучше и безопасней всего позабыть. Хотя, разумеется, как доказывает Стефан Братковский, дело обстояло совсем наоборот и русская история началась не в Киеве, а в Великом Новгороде.

Заодно был сотворен еще один если не миф, то стереотип, имеющий хождение особенно на Западе, в том числе и в Польше. Он велит воспринимать Россию исключительно в категориях деспотии, темного народа «рабов», которые не могут обойтись без кнута и твердой царской руки; народа, способного жить только в империи. А уж если что-нибудь противоречит такой картине, тогда мы охотно призываем на помощь категорию «русской души», для которой, по утверждению Виктора Ерофеева, картезианский рационализм — нечто чуждое и попросту враждебное. И мы, в конце концов, машем рукой, приводя в свое оправдание чаще всего повторяемую цитату классика, что «умом Россию не понять, аршином общим не измерить».

Однако же повторяю: Россия — это уже не Русь. А ее история — то есть история Руси — требует демифологизации и очищения от идеологических искажений или по крайней мере восстановления памяти о ней. Памяти не только российской, но и европейской.

Русским, если уж они считают себя наследниками той Руси, сто́ит осознать, что в их политические традиции входит и Господин Великой Новгород — фактически городская демократическая республика, где великий князь никогда не был помазанником Божьим и самодержцем, а выбирался всеми жителями, не только верхушкой; что его призывали для выполнения вполне определенных задач, а чтобы ему не пришло в голову ничего дурного, он даже свою резиденцию должен был устраивать за пределами города; наконец, что в этой республике не только «концы», на которые она была разделена, но и каждая улица имели свое выборное самоуправление. И, что немаловажно, такую систему не принесли на мечах откуда-то извне — она была целиком оригинальным, местным творением. Вдобавок просуществовала она несколько столетий — значительно дольше, чем российский, московский абсолютизм.

Европе, в свою очередь, есть смысл не забывать, что во времена величайшего «мрака средневековья» на востоке, в Великом Новгороде и Киеве, развивалась своя великолепная цивилизация, которая на несколько ступеней опережала европейскую культуру. Там создавалась великая литература на родном языке, и, более того, уже в ту эпоху новгородцы вели между собой оживленную ежедневную переписку. И неважно, что использовали они для этого надлежащим образом обработанную березовую кору, — важно, что эти берестяные грамоты, откапываемые сегодня археологами, — лучшее доказательство того, до чего сильно было распространено тогда на Руси искусство письма. Но не станем удивляться этому: уже во второй половине XI века в киевском Андреевском монастыре учились читать и писать — по-русски — 300 девиц; одна из них, Анна, дочь Ярослава Мудрого, которая выйдет замуж за совершенно неграмотного французского короля Генриха I, писала и на латыни, и кириллицей. Она повезет с собой во Францию Евангелие, переписанное еще глаголицей, и на этом Евангелии много веков будут приносить присягу при коронации короли Франции...

Книга Стефана Братковского — как раз такая попытка восстановить память об истории Руси и демифологизировать ее. И в первую очередь — историю Великого Новгорода, который в 1136 г. решением веча принял официальное название «Господина» — как величали в молитвах Господа Бога.

«Этот титул, — пишет Братковский, — стал воистину идеологическим переворотом... На совете старейшин председательствовал Нифонт, именовавшийся, как и его предшественники, архиепископом, архиереем, хотя формально никто из них архиепископом еще не был. Отсюда я делаю вывод, что вла-

дыка впрямую духовно покровительствовал той реформе, которая окончательно превратила Великий Новгород в республику с договорными князьями. Образец такого устройства был ранее выработан и испытан на практике вдали от Новгорода — в Венеции. Однако же новгородский совет господ не был правящей синьорией, да и князь не был дожем... Если уж кто-либо и был дожем, то посадник, тогда как народ новгородский вместе с другими, из-за пределов города, участниками своих вечевых собраний, с теми, кто обитал во Пскове и Ладоге, располагал значительно бóльшими правами и возможностями, нежели купеческо-дворянский народ Венеции через свой Совет Прегади. Вече на самом деле правило тогда Великим Новгородом. Даже если оно и подчинялось мнениям владыки или уговорам старейшин, своих «уличанских» и «кончанских» старост, своих бояр или купцов, то решали все-таки не они. Решало вече».

Приблизительно двадцать лет спустя, когда умер архиепископ Нифонт, «сошелся Новгород на вече, и уже весь Господин Великой Новгород, то есть вече, при участии ладожан, псковичей и других представителей будущих «пятин», выбрало нового владыку, «мужа благочестивого и богоизбранного» Аркадия. Его не назначил предшественник, как Нифонта. Не призвал его и не указал князь, как в Киеве. Право республиканского выбора, согласующегося, кстати, с традициями подлинного православия, обняло теперь и пост владыки. Этот новый шаг самовластности Господина Великого Новгорода завершил формирование суверенной республики будущих великороссов».

Остается самый трудный, драматический вопрос: как и почему Русь впустую растратила то культурное опережение в несколько веков, которое дала ей та эпоха? Как случилось, что Господин Великий Новгород в конце концов пал? Кто в этом виноват: православие, татары или московские цари? А может, всё вместе? Ответ Стефана Братковского настолько же прост, насколько и банален: виновато благосостояние — порождающее лень и убивающее воображение.

«С течением веков, — пишет Братковский, — торговая и цивилизационная энергия Великого Новгорода исчезала под действием разлагающей силы благосостояния. Исчезла государственная дисциплина. Во второй половине XIV в. молодые «повольники», название которых я предлагаю перевести на польский как «самовольники», из самогó Великого Новгорода и из Заволочья отправлялись в разбойничьи вылазки, грабили и убивали людей вплоть до поселений на берегах Оби, обчищали купцов на Волге и нападали на любые земли, до которых могли добраться. Власти Великого Новгорода, самое большее, отмежевывались от этих головорезов. Когда другого выхода не было — платили возмещение за ущерб и не имели ничего против того, чтобы всё более могущественный князь Московский навел с ними порядок»

И это было началом конца. Гордая до той поры и богатая Новгородская республика с полным безразличием присматривалась к тому, как Москва при помощи войск татарской Орды покоряет княжества ее ближайших соседей. Сама она от Москвы откупалась, чтобы избежать войны. Пока в конечном итоге Москва не захватила и сам Новгород, а потом и Заволочье, которое оборонялось против нее с наибольшим ожесточением.

Во второй половине XIV века новгородцы еще искали помощи в Королевстве Польском и Великом Княжестве Литовском. В 1470 г. был разработан обстоятельный проект договора с польским королем Казимиром IV Ягеллоном, а через год даже заключено соответствующее соглашение. «Городской люд выкрикивал здравицы в честь короля, но польская шляхта, — пишет Стефан Братковский, — потомки тех, кто скрупулезно проектировал устройство своего государства, основанное на равновесии сословий, и отправился защищать его под Грюнвальдом, ныне купалась в изобилии, имея всего вдоволь, и ей не хотелось сражаться даже за свою страну». Новгородская республика оказалась брошенной на произвол судьбы и самодержавной Москвы, которая в 1475-1480 гг. окончательно подчинила себе Великий Новгород, увезла с собой вечевой колокол, ликвидировала вече и должность посадника, а после этого переселила свыше семи тысяч новгородских жителей на Низовье. Спустя сто лет Москва истребила Великий Новгород, «чтобы затем вычеркнуть его из памяти великорусского народа, то есть русских». Победила московская «историческая политика»...

Стефан Братковский

Перевод Никиты Кузнецова

ЧУДО ВСЕОБЩЕЙ ГРАМОТНОСТИ

(Отрывок из книги «Атлантида — так близко»)

В летописи Нестора было всё. Но его религиозное многословие воспринималось, по-видимому, как пустое красноречие, поэтому мне не удалось проследить, как оно соотносится с византийским богословием. Зато мы обнаружим, какая за этим многословием крылась великая государственная и политическая мысль. Толковалась она довольно просто. Нестор и авторы записей, предшествовавших его летописи, были монахами, верными служителями Бога. Они чтили основателей Киево-Печерской лавры — следовало бы ожидать, что со временем и здесь порядочные люди разочаруются в мирской действительности, а значит, воцарится монашеский эскапизм. Св. Симеон Новый Богослов, недавно умерший и всё более почитавшийся мистик, открыто хвалился, что, хоть у него и нет высшего образования, Бог, Высочайшая Премудрость, всё же даровал ему в мистическом озарении больше мудрости, чем софистам и риторам.

Между тем, как это ни удивительно, восточным славянам Высочайшая Премудрость несла совсем другие идеалы — причем в то самое время, когда в истории образования Византийской империи обнаружился, как выразился Кирилл Манго, «поразительный пробел». От Нестора мы знаем, что Владимир, строя после крещения церкви и назначая в них священников для распространения крещения, «посылал собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых».

Нетрудно догадаться, что плакали они не из страха перед образованием. Они понимали, что Владимир берет заложников, чтобы обеспечить верность родителей, и без колебаний убьет потомка, если его отец начнет бунтовать.

Их плач не слишком тронул летописца сто лет спустя: так исполнилось пророчество Исаии, что глухие услышат слова книги! Церквей и монастырей еще не было. Детей — и вовсе не факт, что только мальчиков! — собирали учиться в киевском «детинце». Учили их говорившие по-славянски монахи с юга. И тут мы сталкиваемся с первым, поистине сенсационным богословским открытием: Нестор видит их миссию в просвещении. Он прямо говорит, что попам подобает часто «учить людей, потому что им поручено это Богом».

Наш Стрыйковский читал в своих летописях, что митрополит из Царьграда рассказывал Владимиру, как Константин Великий велел «чернецам» учить молодежь грамоте и Закону Божию. В такого рода православии просвещение воспринималось как Божие призвание. Этим оно обязано апостолам славян, Кириллу и Мефодию. В своих «Апостолах Европы» Ежи Стшельчик цитирует по «Житию Константина» ответ Кирилла (Константина) на упрек в том, что он создал для славян грамоту и учит ей славянских новокрещеных, хотя Бога подобает славить лишь на трех языках — древнееврейском, греческом и латыни:

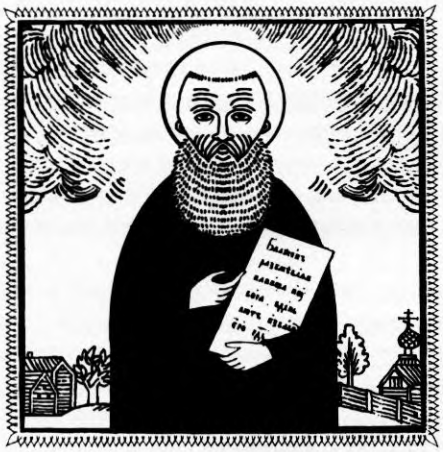
— Не идёт ли дождь от Бога равно на всех, не сияет ли на всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам быть слепыми и глухими?

Славянам будущей Руси такое православие несли «чернецы», «черноризцы» из Болгарии. Не из

Византии. То были потомки дреговичей, березичей, смоленцев и других, пришедших всё из того же восточнославянского мира.

В Польше, крещенной раньше, учиться начал лишь Мешко II, сын Болеслава Храброго, ровесника Владимира, который знал и латынь, и греческий. Дочь того же Мешко, Гертруда, выданная за одного из внуков Владимира, Изяслава Ярославича, вписала по латыни в свою иллюстрированную прекрасными миниатюрами драгоценную Псалтирь с Запада несколько десятков собственных молитв. В Польше первые Пясты очень рано стали устраивать при соборах библиотеки, не жалея на это денег. Но в Великом Новгороде и Киеве их основывали еще раньше; более того, для них переписывали книги — на своем языке! Делали это на месте, чтобы адептам искусства письма не нужно было учить чужой язык.

Сын Владимира, следующий новгородский покоритель Киева, Ярослав, называемый Мудрым, «книги любил, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество» — для библиотеки киевского собора Премудрости Божией, св. Софии (которую упорно и крайне ошибочно продолжают переводить на польский как «святая Зофья»). Это свидетельствует о том, что Ярослав знал греческий. Однако важнее то, что у Нестора славянский язык — еще «словенский». На этом языке говорит и киевская «Русь». Лишь со временем язык Киевской Руси приобретет свои отличия.



Еще в ранней юности Ярослав приказал ввести в Новгороде обучение для поповских детей. И не случайно именно его временами, т.е. первой четвертью XI в., датируются восковые таблички, на которые в 2000 г. наткнулась в новгородских торфяниках группа археологов Валентина Янина. Они откопали уже не одно слово, а целые старейшие тексты «Руси», псалмы 75, 76 и 77, выбор неслучайный — о гневе оскорбленного людьми Бога (записана и какая-то до сих пор не расшифрованная проповедь). В двадцать третьем слое раскопок на перекрестке Великой и Холопьей улиц попалась береста лишь немногим более поздняя, первой половины XI в., запись отрывочная, но начинающаяся со слова «грамота».

В Польше Отто Бамбергский, выучив польский, будет учить молодую элиту страны лишь в конце XI века. Конечно — латыни. В Киеве, в Андреевском монастыре, во второй половине XI в. читать и писать (на своем языке!) ежегодно учились триста девиц — в действительности, наверное, около тридцати; кроме того, они обучались церковному пению и рукоделию. Четыре дочери Ярослава Мудрого, получившие такое образование, изображены на фреске в киевском соборе св. Софии — в богатых костюмах византийских аристократок, но с характерными для Руси платками на головах... Одна из них, Анна, вышедшая замуж за неграмотного короля тогдашней Франции Генриха I, писала и по-латыни, и на своем славянском языке. Она привезла с собой во Францию Евангелие, написанное еще глаголицей (!) — впоследствии на этом Евангелии присягали на коронациях в Реймсе французские короли. Трудно даже поверить, правда?

Брат Анны Всеволод говорил на пяти языках. Можно предположить, что, кроме языка славян, он знал еще греческий, латынь, древнесеверский и язык угро-финской чуди. Все это было во времена, когда в византийских монастырях уже несколько веков не учили детей мирян, а латыни, как заметил проф. Октавиуш Юревич, даже в Византии учили довольно редко, хотя эта эпоха была богата выдающимися писателями и произведениями, являющими собой недостижимый идеал для тех, кто только начинал владеть пером.

Пером? Скорее уж резцом, по-гречески — «стилосом», называвшимся в Древней Руси «писалом». Новгородские бересты перевернули наши представления о Руси в XI столетии. Ведь Валентина Яни-

на никто [в Польше] не читал.

В своей книге «Я послал тебе бересту» Янин напомнил о том, что́ еще в конце X или на рубеже X-XI вв. записал Ибн ан-Надим. Ибн ан-Надим, ученый необыкновенный, занимает почетное место в нашей замечательной «Истории арабской литературы» проф. Юзефа Белявского. Около 987 г. он закончил свою «Книгу-каталог» («Китаб ал-Фихрист»; потом он уже только дополнял ее). По мнению проф. Белявского, это было «единственное в своем роде произведение арабской классической литературы — честное и скромное», «ценный, достойный доверия источник, к которому обращаются арабисты, желая проверить информацию, почерпнутую из других книг». Так вот, этот арабский автор, столь ригористичный в своей научной солидности, написал: «Человек, чьим словам я доверяю, рассказывал, что один из царей горы Кабк [Кавказа] послал его к царю русов; он утверждал, что у них есть письмена, вырезаемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображены слова или же отдельные буквы».

Этим «белым деревом» могла быть лишь березовая кора. А березовая кора, эта самая «береста», была настоящим изобретением. Потому что недостаточно содрать с березы кору и выцарапать на ней буквы. Янин (единственный!) описал, как в начале XX в. за Уралом «бересты» изготовляли угро-финские ханты или остяки, за которыми наблюдал один из русских этнографов.

Как это делается, придумали, наверное, задолго до того, в X веке, в новгородском мире, но умением этим владели далеко не все. Метод не переняли, например, шведские скандинавы, у которых берез было в достатке — а ведь у них была своя письменность, руны, которые вырезались на палках. Уж куда как удобнее было бы вырезать их на березовой коре!

Придется нам теперь заняться самой березой и ее корой. Обратимся к работам ботаников-дендрологов и этнографов. Знания последних собрал в своей монументальной «Народной культуре славян» Казимеж Мошинский. Добавлю, что «кора» — слово праславянское, а жители Великопольши долго называли ее «скурой», что, вероятно, происходило от сдирания шкуры (судя по литовскому схожему слову «скара», тоже «содранному»). Старый язык словен знал и «скору», и «кору». Финские слова «куори» (кора) или «кори» (корзинка) заимствованы, вероятно, от славянских соседей, потому что синонимичных слов с тем же корнем у финнов почти нет. Древние карелы, по угро-финским понятиям скотоводы, «карья», жившие в стране «Карьяла», для словен были «корелами» — быть может, они разводили скот ради шкур, а не ради мяса или молока. Ободранную кору словене называли «берестой».

Береза — дерево героическое и упрямое; оно не боится ни холодов, ни плохой почвы, выдерживает тундру и горы выше границы лесов. Наша Большая всеобщая энциклопедия сообщает, что можно выделить около сорока ее видов, но их сто, а то и больше, учитывая, к примеру, что один из них растет исключительно в Ойцовской долине в виде маленьких деревец и кустиков. Впрочем, больше всего берез растет на берегах белорусской Березины, реки с «березовым» названием, где среди болот и топей тянулись целые ее леса, леса с белыми стволами, которые, вероятнее всего, и дали название Белоруссии.

По всему миру береза приносила разнообразную, порой самую неожиданную пользу, а обилие магии, связанной с этим добрым, «женским» деревом, не поддается описанию. Березу окружали особым культом не только прагерманцы, но и угро-финские племена, а также балты и славяне. Угро-финская мордва уже в Новое время протаскивала больного ребенка через расколотый ствол дерева, мальчика — через дуб, девочку — через березу, прося «священное дерево» взять у ребенка плач, снять с него болезнь и дать здоровье.

Первый месяц весны у славян назывался «березень» (только липа и вереск удостоились такой

же чести). Хорошая береза давала пасоку, сок из подкорного слоя: ранней весной кору надрезали или вбивали в нее шип с трубкой, по которой стекала пасока, не слишком питательная, но довольно сладкая и приятная на вкус. Пасоку пили, а также приправляли ею блюда; пасоку с других деревьев славяне собирали редко.

Кору с берез снимали веками. Это всегда делали в одно и то же время — ранней весной, когда деревья цветут, и ранним летом, когда кора легче отделяется от ствола. Ствол надрезался горизонтально по всей окружности, потом второй раз, выше или ниже, чтобы, разрезав обозначенный так кусок коры вертикально, можно было без особых усилий содрать ее по кругу. Чтобы снять кору выше своего роста, великорусы еще в XX в., до революции, использовали «кирень», придуманный угро-финнами широкий ремень (от «kiristaeae», натягивать, напрягать). Они привязывались им к стволу и, ступая по вырубленным в стволе ступеням, забирались на высоту до полутора десятков метров. Эта простая, но остроумная техника наверняка была изобретена задолго до Нового времени — ведь березу использовали за тысячу лет до его наступления.

Легко предположить, что тысячу лет назад березовую кору снимали почти в промышленных масштабах. Михаил Николаевич Тихомиров, великий историк русских городов, «предполагал», что она должна была обходиться дешевле, чем пергамент; если бы он глубже заинтересовался вопросом, он был бы в этом уверен. Янин (опять единственный) обратил внимание на то, что среди вопросов, которые в XII в. один новгородский священник задал владыке, тогда уже архиерею, архиепископу Великого Новгорода, был и вопрос, не грех ли это «по грамотам ходити», топтать грамоты, т.е. письма, ногами. Так вот, новгородцы наверняка не могли топтать дорогих пергаментов, которые делали из шкур животных опытные ремесленники. Пергаментом византийскому миру пришлось заменить привозимый из Египта, еще до его завоевания арабами, папирус, и этот пергамент стоил столько, что, по мнению историков, стал причиной победы минускулы, строчных букв, которые занимали при записи меньше места, чем маюскула, заглавные буквы...

К слову сказать, как только не использовали эту бересту! В голодные времена, когда не хватало зерна, кору якобы мололи и добавляли в муку. Думаю, что как раз в этом случае — не только кору. Здесь мы располагаем достаточно верными трагическими данными XX века: несчастных польских ссыльных на Белом море жалостливые российские моряки кормили, как они ее называли, «голодной кашей»: сорвав кору, они отрывали от ствола зеленовато-желтую мякоть, мелко резали ее ножом и варили, приправив солью. Можно предположить, что именно эта мякоть, только высушенная, мололась и добавлялась в муку. Даже листья березы до сих пор используются: на их нижней стороне находятся железы, содержащие эфирные масла, которые, если натереть ими кожу, защищают от комаров и свирепой мошки во влажных районах далекого севера.

Из березовой коры мастерили разнообразные сосуды — вместо деревянной посуды. В больших березовых корзинах, прикрытых камышовыми крышками, держали на свайных платформах зерно, а березовой корой выстилали ямы с запасами всё того же зерна, чтобы защитить его от влажности. Прочной, твердой и плотной корой заделывали разные щели и дыры, в т.ч. в деревянных трубах новгородской канализации.

И это еще не всё. Полезную березовую кору можно подвергнуть сухой дистилляции — так же, как в специальных кострах пережигают дерево на древесный уголь. И еще одно очень древнее открытие: из березовой коры в глиняных сосудах гнали смолу, темно-коричневую жижу — деготь. Им лечили кожные болезни — деготь действительно помогал, — однако прежде всего его использовали при обработке кожи. Так мы приближаемся к изобретению бересты. Я подозреваю, что это был побочный эффект производства... дубильного сока. В соке из березовой коры дубили кожи: кора содержит

много дубильных веществ. Ее варили в кипящей воде, в которую эти вещества уходили, а сама она, вываренная в кипятке, — внимание! — становилась эластичной, мягкой и прочной. Изобретатель, вероятно, разделил ее потом на слои, оставив себе самый толстый. Остается вопрос без ответа: кто первый догадался, что на ней можно писать? Это должен был быть человек, который сам умел писать и у которого было нечто вроде «писала» — ведь буквы на бересте вырезались!

Эти «писала» из железа, бронзы, кости или дерева археологи находили на былых новгородских землях уже много десятилетий, но лишь Янин отгадал, что это такое. Другой конец резца из кости или дерева иногда покрывали красивой резьбой; некоторые лежали в декоративных футлярах. Янин цитирует подписи, под которыми эти находки фигурировали в музейных списках: «обломки браслетов», «инструменты для обработки кожи», «шпильки» или даже «лжицы для причащения»! Поразительно, что до Янина никто не догадался, для чего предназначались эти резцы — хотя покрытые воском таблички для обучения письму, письму как раз стилосами, известны еще с античности; резцы, найденные в Новгороде, были очень старым изобретением.

Точно так же уже долгое время в разных раскопках археологам попадались свитки березовой коры. Их не разворачивали и не заглядывали внутрь — они выглядели как поплавки для удочек. Иногда на бересте писали с обеих сторон, но чаще с одной, полоска коры сворачивалась, скрывая текст от посторонних глаз, и если бы не сообразительность рабочей Нины Акуловой, которая 26 июля 1951 г. заметила какие-то вырезанные буквы на поднятом свитке, эта первая берестяная грамота разделила бы судьбу остальных.

Береза растет и на Украине, и в Белоруссии, и в Великороссии, и в Финляндии, но до сих пор огромное большинство берестяных грамот находят на новгородском севере и вблизи от него. Думаю, это логично: там изобрели технологию их производства — по моим подсчетам, в середине X века. Великий Новгород часто сажал своих князей в Киеве, сеял смятение и разрушение, но сам сохранял относительное спокойствие. Образовательные навыки могли укорениться там глубоко и быстро, без драматических препятствий, особенно ввиду того, что письменность пригождалась в торговле, которая в Новгороде процветала.

Овладели ли новгородские избранники истории искусством письма, вырезали ли они буквы на берестах уже в X веке? В Неревском конце нашли костяные «писала» в слое, датируемом 972-989 годами, и даже в слое 953-972 годов! Это может быть подтверждением упомянутого арабского свидетельства, и мы можем сделать вывод, что немалая часть элиты Новгородской и Киевской Руси уже знала письменность, т.е. что она пришла сюда с купцами из Болгарии (а откуда еще?) как первый форпост цивилизации. Берестяные грамоты и «писала» изменяют образ христианизации Руси. Это был длительный процесс, а не единый акт обращения в веру.

Христианство с его цивилизацией выбрал не только сам князь, его бояре и дружина, но и купеческая Русь — причем даже раньше. Я склонен полагать, что сначала «писалами» вырезались на берестах не письма, а... счета; но этого предположения до сих пор не подтвердили никакие находки. Так или иначе, употребление бересты для писания изобрел какой-то грамотный кожевенник, купец с международными связями, который, как мне кажется, хотел (да-да, хотел) найти заменитель пергамента — другие полезные свойства березовой коры были, конечно, известны намного раньше.

В результате образование вошло в легенду, попало в новгородские былины. Легендарный богатырь Васька Буслаев особенно не нуждался в грамотности для своих подвигов, и тем не менее «старина» говорит о нем почти с первых слов:

Будет Васенька семи годов,—
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить его во грамоте,
А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером его писать,
Письмо Василью в наук пошло;
Отдавала петью учить церковному,
Петьё Василью в наук пошло.
А и нет у нас такова певца
Во славном Новегороде
Супротив Василья Буслаева.

Этот Васька Буслаев кажется мне богатырем очень ранним, приблизительно XII века, когда в атмосферу Новгорода еще не проник дух большой трансевропейской торговли с участием иностранных купцов. Валентина Янина восхищало, что уже в самых старых берестяных грамотах, на обрывках из слоев XI века, используется слово «грамота», которым новгородцы называли свои писания. Темы этих старейших грамот подтверждают мою догадку, для чего письменность была более всего нужна — и что чаще всего будет появляться в новгородской переписке грядущих столетий. Письменными должны были быть обязательства, связанные с торговлей, займами и продажей недвижимости. В единственной полностью сохранившейся грамоте середины XI века какой-то Жировит напоминает какому-то Стояну, что прошло уже девять лет с момента заключения между ними договора, причем с целованием креста, а должник до сих пор не прислал причитающихся «вевериц». В заключение Жировит пишет: «А не пришлешь мне четырех с половиной гривен, то осрамлю тебя, лучшего новгорожанина. Пошли же добром».

Это была крупная покупка: четыре с половиной гривны. В пересчете на белок, «вевериц», это составляло 675 — целое состояние. Так что богачами были и Жировит, который пытался взыскать причитающееся, и Стоян, который задолжал такую крупную сумму, один из лучших новгородцев, возможно, сын посадника Воробья с именем по деду — оба наверняка купцы, оба, что характерно, со славянскими, отнюдь не христианскими именами.

В другой берестяной грамоте, от которой остались только обрывки, мы находим отдельные, разрозненные слова: «клеветник», «замок», «двери кельи» и «смерды, обязанные побить клеветника» (а может, и «убить»). Следовательно, речь идет о деле чести — что весьма знаменательно для общества новгородской земли, которое по вспыльчивости не уступало норманнам.

Пока раскопана лишь малая часть поверхности древнего Новгорода. Иными словами, обнаруженные до сих пор богатые находки — всего лишь начало. Чтобы перекопать весь старый Новгород, нужны крупные международные средства на перенесение современной застройки: под ней, на глубине десяти метров, археологов ожидает хорошо законсервированное прошлое. То, чем мы располагаем, — это всё еще археологические пробы. Но уже эти пробы, наравне с записью былины, позволяют сделать вывод, что за несколько десятилетий христианской эпохи письменность стала в Новгороде (уже примерно с середины XI в.) повсеместной и обыденной.

Обнаруженную на рубеже XVIII-XIX веков знаменитую поэму неизвестного автора конца XII в. «Слово о полку Игореве» скептики принимали за анахроничную, чтобы не сказать вызывающую выдумку в стиле подделанных в XVIII в. Джеймсом МакФерсоном «Песен Оссиана». Между тем

«Слово», даже если его подретушировали и дополнили открыватели XVIII в., все же могло быть создано в конце XII столетия. В труде о старо- или церковнославянской письменности великого русского филолога Алексея Соболевского (сына обрусевшего поляка) я нашел информацию сразу о трех Евангелиях того времени — Мирослава, умершего в 1197 г., Волкановой и Григоровича. А ведь были и более ранние Евангелия рубежа XI-XII вв. — например Евангелие, переписанное для новгородца Миляты Лукинича. Даже странно, что не обнаружена никакая другая ранняя поэзия Руси, хотя мы знаем, что уже во второй половине XI в. по ней циркулировали фрагменты «Илиады» и «Одиссеи».

Не думаю, что поэтические эпосы знали только монахи, а норманнская поэтическая традиция исчезла без следа. В «Слове» упоминается «соловей старого времени», «вещий» певец Боян. Мне он кажется скорее скальдом, нежели создателем былин. Не сохранилось никаких следов его творчества (может быть, в будущем что-нибудь прояснят новые берестяные грамоты или другие археологические находки) — гипотетически оно датируется XI веком. Боян не был выдуман в XVIII в., ибо на открытой позже стене киевского Софийского собора найдено 64 слова записи XII в. о покупке «земли Бояновой». Если даже это не он, то в любом случае должен был существовать какой-то Боян, кто-то значительный в киевской традиции, раз он был так отмечен. Молчание Нестора о великом скальде тоже можно объяснить: Нестор мог считать музу Бояна, «гудца» с его «гудьбой», не слишком набожной. Или исторически неважной.

Та Русь писала и читала. Во второй половине XI в. неизвестный автор рукописного пергаментного сборника «Пчела», текста, судя по всему, очень популярного в тогдашней Руси, уже призывал учиться по книгам. Он убеждал, что разум без книг напоминает птицу без крыльев, которая никогда не взлетит. Каждая книга была, по его мнению, светом солнца!

Тому же учил «Изборник» 1076 года Святослава Ярославича — книголюба, брата французской королевы Анны, князя Черниговского, а к тому времени уже великого князя. О первом таком «Изборнике», собрании разных текстов 1073 года, я вычитал у польской специалистки по этой теме Уршули Вуйтицкой, что его копировали с болгарского оригинала для князя Изяслава, старшего брата Святослава, и лишь потом приписали Святославу. Кстати, второй «Изборник», переписанный рукой неизвестного Иоанна с «книг княжих», был впервые напечатан в 1888 году... в Варшаве. В нем подчеркивалось, как важно и полезно читать: «Читая книги, не старайся быстро читать от главы до главы, но вдумайся, о чем говорят книги и слова их, трижды возвращаясь к каждой главе. Ибо сказано: «В сердце моем сокрыл Я слова твои, чтобы не согрешить пред тобою». Не сказано «устами лишь произнес», но — «в сердце сокрыл, чтобы не согрешить пред тобою», — подразумевая глубины написанного, направляемый ими. Скажу и я: «Узда и правит конем, и сдерживает его, сущность же праведного — в книгах его». Ни корабля без гвоздей не сделать, ни праведника — без чтения книг (...) Воину красота — оружие, а кораблю — паруса, так и праведнику — чтение книг».

Это византийские слова: Русь не нуждалась в гвоздях для своих «кораблей» (челнов). Однако важно, что эти слова на Руси так подчеркивались.

Быть может, первая библиотека появилась в Великом Новгороде несколько позже, чем в Киеве, но уже по меньшей мере в середине XI в. простые новгородцы могли писать частные письма на своем языке другим простым, умеющим читать новгородцам. Таких свидетельств нет ни в одной точке на карте будущей Руси и даже всей Европы. И, как мне кажется, это не случайность, не какой-то побочный эффект крещения Руси, а следствие сознательного решения. «Попам подобает часто учить людей» — это мы уже знаем. Но эти люди сами того хотели. Почему? Этого мы не знаем.

Более того: эти простые, обыденные берестяные грамоты показывают повседневность языка, который наука называла до сих пор старо- или церковнославянским, — языка новгородцев, уже тогда, видимо, несколько отличавшегося от языка Киевской Руси.

Православие, принесенное из Болгарии, совершило на Руси чудо. Чудо письменности.

Яцек Бохенский

Перевод Марины Курганской

ИМПЕРАТОР ТИБЕРИЙ

(Отрывок из книги)

Желающие могут принять участие в увлекательной экскурсии по мотивам эпохи императора Тиберия. Вот современный, поистине авангардный вид туризма. Никакого сонного шатания с фотоаппаратами, не надо торчать перед мертвыми изваяниями в музеях и бессмысленно таращиться на триумфальные арки, храмы и акведуки! Никто никуда не поедет так просто, поглазеть. Мы переходим к более современным методам, туризму в форме активного взаимодействия! Каждый, кто отправится с нами в путешествие, мгновенно окунется в живое течение истории, будет вовлечен в нее как деятельный участник. Перед нами откроются широкие горизонты. А именно: морские. Мы отправимся, в частности, в плаванье. Но пусть никто не рассчитывает, что там, куда мы завернем, можно будет апатично валяться на пляже.

Желательно не обременять себя лишним багажом. Я бы не советовал путешествовать всей семьей, особенно если вы чувствуете, что ваши семейные узы еще живы. Семьи будут легко распадаться. Лучше вообще забыть о существовавших когда-либо привязанностях. Само понятие привязанности, обычая и даже вкуса станет неудобным и смешным. Выбросить этот балласт! По правде говоря, вообще ничего не стоит брать с собой в дорогу, никаких там модных туалетов и вещей. Все устареет в мгновение ока, новизна — видимость на редкость обманчивая. К сожалению, это касается и наших новейших форм туризма, о чем мы в данном проспекте говорим сразу и без утайки.

Пару слов женщинам. Совокупление всех со всеми будет свободным, при условии, что оно задекларировано. Не требуется заявлять о каждом случае отдельно. Достаточно просто уведомить о желании заниматься сексуальным ремеслом. Формальности, однако, следует соблюсти без пуританства и недомолвок. Можем сейчас потренироваться. Например, с вами.

Я понимаю ваше положение. Знаю ситуацию, в которой вы оказались, — она уже становится невыносимой и требует какого-то решения. Ваша тайная связь с неким X. началась не сегодня. Встречи украдкой, конечно же, незаконны. Конспирация, поездки за город, поиски укромных гостиниц — это сначала забавляло, а теперь только раздражает и утомляет. По сути, дело вовсе не в ваших проблемах с мужем, который лишен предрассудков и готов на многое закрывать глаза. Но он не хочет испортить себе карьеру, и его можно понять. Человек просто опасается, как бы факт терпимого отношения к нарушению закона в его семье не выплыл наружу. И вот вы решили во имя общего блага и в интересах общества проявить благоразумие не хуже супруга. Вы обратились к эдилу*. И правильно.

Я эдил, добрый день, вы ко мне? По какому вопросу? Я пришла сделать заявление. Ваша фамилия? Вистилла. Место проживания? Возраст? Семейное положение? Вы по поводу штрафа? Нет, нет, я на предмет общественной нравственности... Вы замужем? Да. Кто ваш супруг? Титидий Лабеон. Так, Титидий Лабеон. Слушаю вас. Я подружилась с неким X. и хочу получить лицензию. Какую лицензию? Вот из-за этой дружбы я боюсь, как бы меня не привлекли к ответственности, и хочу получить лицензию. Киска, мы не выдаем лицензии на дружбу, мы выдаем лицензии на проституцию. Я попрошу вас не называть меня киской. Зачем же сердиться, киска, мы взрослые люди. Киска я для гражданина X., а здесь я римская гражданка, Вистилла. Хорошо, вы хотите, чтобы я внес вас в наши списки? Я хочу сделать все, что требуется по закону. Ох, законы, законы, а не найдется ли у вас сво-

* Эдил (лат.) — выборное должностное лицо в Древнем Риме, ведавшее общественными играми, надзором за строительством и содержанием храмов, общественной нравственностью. — *Здесь и далее прим. пер.*

бодного часика сегодня вечером? Фи, какая сердитая! Ну, хорошо, вам нужно написать заявление. Фамилия? Вистилла, я же сказала. Но мы должны оформить официально. Вистилла, жена Титидия Лабеона, где проживаете? В Риме. Фамилия отца? Матери? Социальное положение мужа? Претор*. Как это? Я, кажется, ясно сказала: претор. Простите, но не было случая, чтобы кто-либо из преторской семьи регистрировался в подобном качестве. Ну, не было, так стало, и будьте любезны исполнять свои обязанности. А, конечно, конечно. Требуется только заявление: я, Вистилла, жена Титидия Лабеона, проживающая в Риме, явилась такого-то числа в курульный эдил** подтвердить, что занимаюсь проституцией. Это всё? Да, в административном порядке всё. Теперь я имею право встречаться с гражданином Х.? Да, но...

Но без гарантии! Тренировку продолжим с мужем, Титидием Лабеоном. Не скрою — супруга не выдержала испытания. Вероятно, не сумела найти нужного тона в разговоре с эдилом. Как бы то ни было, известие о ее регистрации разнеслось по городу и взбудоражило общество. Дело дошло до сената. В итоге на будущее было запрещено выдавать лицензии женщинам из высших слоев общества. Аристократки, решившие принять участие в путешествии, теперь должны считаться с определенными ограничениями. Мужа вызвали в суд для объяснений.

У судей возникло несколько вопросов к Титидию Лабеону. Знал ли он, что его жена Вистилла занимается развратом? Да, конечно, уважаемый суд, это было мне известно. Давно? История всплыла, уважаемый суд, когда Вистилла явилась в курульный эдил за получением лицензии. Действительно, в свое время она ее получила, но суд констатирует, что лицензия отозвана, и вообще суть не в том, была выдана лицензия или нет, а в том, как отнесся Титидий Лабеон к факту распутства. Я был потрясен, и мне даже трудно говорить на эту тему, поскольку я нахожусь в расстроенных чувствах. Вы узнали о проституции жены от нее самой? Нет, нет, от третьих лиц. Какие шаги вы предприняли, узнав об этом? Я, правда, был глубоко потрясен. Известны ли вам положения, содержащиеся в законе Юлия и Папия — Поппея, о борьбе с внебрачными связями? Само собой разумеется, они мне известны. Почему вы не возбудили против жены уголовного дела в соответствии с ними? Уважаемый суд, я сам юрист, и у меня возникло сомнение, подлежит ли каре лицензированный разврат, не попадающий под действие данного закона. Но ведь лицензия была отозвана, почему же после этого вы не выполнили свой долг, предписанный законом, и не позаботились о наказании супруги? Вам есть что сказать в свое оправдание? Конечно, уважаемый суд. Это слишком серьезный вопрос, чтобы решать его наспех. По правилам я должен определиться в течение шестидесяти дней. Срок ведь еще не истек.

Срок? Суд объявляет перерыв и удаляется на совещание. Действительно, срок не истек. Почему никто этого раньше не заметил? Возбуждается важнейшее, прецедентное дело, и допускается такой скандальный недосмотр! А кто знал, что сроки еще имеют значение? А кто сказал, что нет? Как раз наоборот. Как раз сейчас очень важны сроки.

И вот совещание закончено. Суд принимает к сведению пояснения Титидия Лабеона.

Суд снимает ответственность с Титидия Лабеона.

Суд приговаривает к ссылке Вистиллу, жену Титидия Лабеона.

Следует, однако, очень внимательно относиться к сексуальным связям во время путешествия. Закон бывает так изменчив.

Пару слов писателям.

Пару слов именно об этой изменчивости, этой неуловимости, этом быстром преображении об-

* Представитель высшей судебной власти в Древнем Риме.

** Курульные эдилы — низшие магистраты Римской республики. Обладали, в частности, судебными полномочиями.

щества, этих спазмах мира, этой потере почвы под ногами, когда так ненадежны основные понятия, а литературные жанры вымирают. Не брать в дорогу книг! Традиционные художественные формы исчезнут чуть ли не в один день. С тех пор, как в городе Томы на Черном море умер в изгнании Овидий, поэтов больше не осталось, и новых тоже не появилось. Сколько же их было еще вчера, и вдруг как отрезало — ни об одном не слыхать. Не беспокойтесь — ни приговаривать, ни ссылать писателей больше не будут (но без гарантии!). Зато никто уже не посмеет рассказывать что-либо по порядку, эпопеи и другие крупные сюжетные формы умрут точно от стыда. Интересная, однако, деталь: всегда найдутся те, кто захочет эпопеи читать, но уже не будет авторов, которые захотят их писать. Вымрет поэзия, любовные элегии и философская лирика. Засуетятся оборотистые поставщики прикладной литературы, ищущие заказов и справляющиеся об оплате. Великие трагедии, подобные той, что пережил поэт Назон, уступят место плоским и мелким драмам. Неизбежны внезапные банкротства и роковые падения по причине несоблюдения сроков или ошибок в оценке конъюнктуры. Некий умелец приспособится заранее писать поэмы на смерть персон еще живых, чтобы иметь под рукой готовый текст и предъявить его в нужный момент. Это обнаружится только по неосторожности автора. За попытку выиграть время он заплатит жизнью, после того как, присмотрев очередного героя для эпитафии, проговорится в обществе, на чью предполагаемую смерть он пишет в данный момент новое стихотворение.

Но самую ужасную ошибку совершит наивный летописец Веллей Патеркул. Он один как добропорядочный приверженец традиций продолжит писать в этом старинном жанре, от которого остальные из предусмотрительности и снобизма предпочтут держаться подальше. Чуть ли не накануне катастрофы Сеяна он превознесет того до небес, а проснувшись на следующее утро, внезапно услышит вопрос, зачем он стал подручным преступника. Но это отдельный случай. Не следовать подобному примеру! Он устарел.

Воцарятся новые роды литературы. Хотя по сути не такие уж они и новые, поскольку в этой сфере не может быть ничего совершенно нового, но им, по крайней мере, удастся произвести впечатление новизны. Всплывут конкретные темы — медицинские, например. Возникнет литература факта. Всплывут также темы неопределенные, и возникнет литература скуки. После уничтожения эпического повествования, плотного и цельного, размножатся произведения бессюжетные, как бы бескостные, странно развинченные и тягучие. Это будут холоднокровные организмы замысловатого строения, питающиеся чем попало, внешне самые разнообразные, произведения-конгломераты, несколько монструозные, зато разукрашенные неимоверно. Сюжет заменит серия разрозненных эпизодов. Ведь теперь будет принято считать: всё, что литература могла рассказать, она уже рассказала. Остается игра — поставить с ног на голову старые художественные образцы. Остаются выхолощенные формы, которые по крайней мере можно с грохотом разбить. Каждое из этих новых созданий будет стремиться в основном к тому, чтобы хоть чем-нибудь выделиться на фоне своих собратьев и вообще быть ни на что не похожим. Пышным цветом расцветут стили. Язык распустится донельзя, он будет полон претензий и причуд. Предложения порастут многословием, покроются зарослями второстепенных сложных слов и инверсий, будут нагромождаться, путаться, завязываться узлом, тесно там будет и темно, но главное — жутковато, по-шутовски, как в компании сумасшедших в потемках — ни в чем нельзя быть уверенным, неизвестно, на что рассчитывать, везде издевка и смешок, ловушка и западня, сюда пути нет, а куда есть? А пути нет, потому как зачем он? Нам лучше тут, в этой буче, — скажут себе химеры, — раз все умрем, так уж умрем хихикая, перегрыземся или как? Может, прямо порежем друг друга на кусочки или типа на полоски, типа как бы на треугольнички, или надуемся, пока не лопнем, сожмем или сожмемся, сплющим или типа сплющимся. Так будет. И, не скрою, так будет не только с новыми произведениями, которые возобладают в литературе, но и, к сожалению, с нашим путешествием тоже, нечто в этом стиле, ибо такой уж теперь стиль, а стили — это всегда данность, о чем, кажется, уже шла речь. Ведь упомянутые, так сказать, творения, изо

всех сил стараясь ни в чем не походить на других и хоть как-то выделиться из толпы, — или еще по каким-то причинам, субъективным или объективным (не знаю, да и какая разница), — обретут необычайную изменчивость внешнего вида и самой своей субстанции. То разоденутся в перья, то украсятся кантами, то ороговеют, то превратятся в кисель, то начнут выкручивать себе конечности, отгрызать хвосты, выдергивать опистосому*, калечить себя на все лады, делиться и мельчать, словно сознательно стремясь к самоуничтожению. В этой фауне не будет сплошной неразберихи, как могло бы показаться. Напротив. Внимательный взгляд заметит там порядок, систематичность, но такой порядок и такую систематичность, какие бывают среди мертвых туш на бойне.

Взять Валерия Максима. Вообще говоря, педант. Он сделает подборки происшествий по определенным темам — отыщет, например, сведения о снах, которые снились людям в разные времена. Или вот другая серия: необычные смерти. Или такое собрание: многочисленные способы мести. Каждому эпизоду Валерий Максим посвятит только одну короткую заметку. Иногда добавит несколько слов в качестве комментария, но редко. Всё это сложится в объемистый труд из девяти книг, почти документ, сплошное перечисление фактов с внятным делением на категории. Литературный коллекционер Валерий Максим станет, однако, писателем ангажированным. Он еще сохранит подобные склонности, но проявит их не прямо, не в лоб, когда автора, живущего среди людей, переполняет негодование и он начинает вмешиваться со своими замечаниями (нравственный авторитет, как сейчас принято говорить), — нет, ангажированность его будет проявляться в том, что он будет комментировать окружающий мир, отраженный как бы в зеркале, мертвый и немой, мир абстрактных исторических моделей, тоже отчасти в стиле нашей экскурсии. (Из раздела «О воздержании и умении владеть собой»: «Диоген в Сиракузах, моя овощи, на замечание Аристиппа: «Если бы ты согласился прислуживать тирану Дионисию, то не кормился бы этим», — ответил: «Вот именно, а если бы ты согласился так кормиться, то не прислуживал бы тирану Дионисию»»). Однако после казни Сеяна автор начнет высказываться на актуальные темы, а именно: яростно заклеймит обреченного. «Влеком всей силой духа, всей силой гнева, горю желанием сурово осудить...». Несмотря на то, что Сеян «силился погрузить человечество в кровавый мрак», огромные несчастья удалось предотвратить, ибо «зорко смотрели боги» и «ни одна из сил, призванных оберегать достойную жизнь императора и целостность отечества, не позволила себе промедлить». И поэтому «сохранен мир, незыблем закон, обеспечена прочная преемственность в частной жизни и общественных службах». А вот Сеян, «уничтоженный вместе со всеми его потомками мощью римского народа», понесет заслуженную кару даже в потустороннем мире, «если только его туда допустили».

Пример Валерия Максима более предыдущих годится для подражания. Его труд, впрочем, был создан отчасти в практических целях — в назидание и как источник цитат для речей и периодических изданий. Но язык, вопреки ожиданиям, еще не оказался дезорганизован до бессмыслицы, предложения еще не загрызли друг друга, не покрошили на кусочки, по-другому они себя, чем мы бы себя, они типа только так как-то: с любовью к определениям, среди огромного количества обстоятельств бьются над удлинением тела, змеей вьются и вьются, помаленьку-полегоньку, в то время как кочки мешают движению напряженного брюха, приходится преодолевать свой путь зигзагами, чтобы и ритма не нарушить и чтобы предложения, отяжелевшие и уставшие, скользили между препятствиями с виду плавно, а все их судороги и потуги оставались по возможности незамеченными.

Это всё, что мы можем предложить писателям в данном проспекте.

Ох, чуть не забыл — Федр! Однако не стоит удивляться — о Федре обычно забывают. Федр будет гением. Но никто его таковым не признáет, а сам он, конечно, не будет знать, что он гений. Вообще гении вышли из моды, их эпоха прошла, все мыслимые гении сделали свое дело задолго до Федра и поумирали, а новички лишь выставили бы теперь себя на посмешище, поскольку известно, что гениев больше нет и быть не может на свете. Конечно, Федр не придумает ничего оригинального

* Опистосома (лат.) — брюшко у членистоногих.

в соперничестве стилей. Из-за него ни один из литературных жанров не покончит собой. Федр как бывший раб на всю жизнь сохранит чувство родства с людьми, лишенными голоса и свободы. Он будет сочинять басни о лягушках, ослах и котах, а на самом деле выразит свой взгляд на человека, и такие мысли никакому другому писателю не придут в голову. Глядя на мир снизу, из глубин нищеты и унижения, он создаст философию рабства и иронически определит ее аксиомы. По его собственному определению, он воспользуется старым жанром, чтобы наполнить его новым содержанием. «Критики скажут, что всё более-менее удачное я содрал у Эзопа, а то, что им не понравится, они припишут мне». Действительно, критикам будет наплевать на Федра. И спустя годы Квинтиллиан даже не упомянет его в своих каталогах. Федр не раз будет повторять, что не считает себя ни творцом жанра, ни классиком. Классиком был Эзоп. Но и он не изобретал басни. Дело обстояло вообще иначе. Федр опишет это так: «Теперь объясню кратко, зачем был придуман жанр басни. Прислуга и рабы, не решаясь говорить, что хочется, вкладывали свои чувства в притчи и, прикрываясь шутливой выдумкой, избегали притеснений. Протоптанную ими тропинку я превратил в дорогу, придумал больше, чем они нам оставили, и кое-что добавил — на свою голову». Сеян, прежде чем погибнуть, успеет выискать в баснях Федра личные выпады. В ход пойдут доносчики, свидетели дадут какие требуется показания, и приговоренному Федру придется отсидеть свой срок (это и есть исключение, потому что вообще судить писателей не будут). Федр еще скажет о том, как он понимает задачу баснописца: «Если кто-либо ошибется в своих подозрениях и примет на свой счет то, что присуще всем людям, то он лишь по-глупому продемонстрирует свою нечистую совесть. Тем не менее я хотел бы перед ним оправдаться: в мои намерения не входит тыкать пальцем на отдельных людей, я хочу показывать жизнь и человеческую природу».

Лешек Шаруга

ИСТИНА, ТО ЕСТЬ ПРОДУКТ

Яцек Бохенский

Роман Яцека Бохенского «Тиберий, император» — третья часть триптиха, в состав которого входят романы «Божественный Юлий» и «Назон, поэт». Свою книгу автор начал писать в октябре 1970 г., после чего прервал работу и вернулся к ней в 2005 г.; в конце 1970-х он печатал отрывки из романа в неподцензурных журналах «Запис» и «Пульс». В пространство восприятия этой книги есть смысл включить еще одно произведение — «Кровавые итальянские деликатесы», напечатанный в 1982 г. сборник литературных репортажей (возможно, даже своего рода «итальянский дневник» писателя времен террора «Красных бригад»). Я обращаю на это внимание, так как опыт, использованный в «Деликатесах», создал в «Тиберии» довольно важный контекст.

Книгу открывает представленный нам рассказчиком-экскурсоводом проспект некоего «бюро путешествий», которое предлагает читателю довольно-таки изощренное в эротическом плане пребывание на Капри времен Тиберия, то есть в первые десятилетия после Рождества Христова. Тиберию приписывали создание мира сексуальных оргий, настолько изысканных и извращенных, что, читая их описание в проспекте, вполне можно было бы обвинить автора в пропаганде педофилии. Но это вряд ли правда, ибо, как нас информирует экскурсовод, Тиберия обвиняли в этом безо всяких на то оснований: «Он пал жертвой злобных или же попросту бездумных сплетен. Те навязчивые идеи, которые ему приписали, противоречат тому, каким был этот так и не понятый людьми отшельник».

И, разумеется, не оные оргии — главная тема книги Бохенского (хотя по ходу действия романа подобных сцен тоже хватает), а попытка понять характер этого отшельника. Причем, что важно, читатель — которого все время ведет вожатай, чья компетентность в античности по нашим временам прямо внушительна, — находится одновременно в двух взаимопроникающих пространствах: древности и современности. Это, кстати, одно из достоинств всего триптиха Бохенского, содержание которого создает увлекательный палимпсест, где повествование о нашем настоящем накладывается на просвечивающий сквозь него рассказ о далеких временах, что, между прочим, приобретает в одном из фрагментов превосходную форму сообщения, увязывающего латынь с современным языком: «Urbem Roma a principio reges habuere городом Римом вначале правили короли, libertatem et consulatum L.Brutus instituit свободу и власть консулов учредил Луций Брут, dictaturae ad tempu sumebantur диктатуры устанавливались временно...» и т.д. Причем это не только игра и эффектный «литературный прием»: романы Бохенского отлично реконструируют пространство латинской традиции современной Западной Европы.

Тиберий, действительно показанный здесь в качестве отшельника, разрешает — хотя по сути дела не хочет: он долго колеблется, прежде чем взять власть, — дилеммы власти и зигзаги истории. Сплетение интриг, случайностей, ошеломляющей смены обстоятельств — всё это представляет императору вызов, с которым он по существу не очень-то справляется. Однако в этом ему сопутствует рассказчик, тот самый вожатай, ведущий экскурсию наших современников по лабиринтам прошлого, которое тоже оказывается двусмысленным. И ничего странного, что, обращаясь к туристам, он говорит: «Мы, уважаемые господа, находимся на Дамецевте для того, чтобы вы могли быть собой и выбирать историческую истину по своему желанию. (...) Надлежало бы только, быть может, заменить некоторые устарелые, мертво звучащие слова какими-нибудь поактуальней и вместо того, чтобы толковать об истине, говорить, к примеру, о продукте, (...) как говорят об экскурсиях сегодняшние туристические агентства. (...) Продукты, само собой понятно, взаимозаменяемы, причем мы ведь могли бы еще представить вам бесконечное множество других фантастических альтернативных продуктов, если находились бы не на Дамецевте, а на литературном концерте Назона — поэта, наказанного за песнь и за ошибку».

Примечательная особенность этого романа — а перед нами вполне прочитываемая отсылка и к «Назону, поэту», и к «Божественному Юлию» — состоит в иронической трактовке современности, переходящей в историю. Рассказчик (рассказчики) всех трех романов лишь до известной степени сохраняют свою трехликую личность — нет недостатка в намеках на то, что и антиквар, повествующий о судьбах Юлия Цезаря, и конферансье, рассказывающий историю Овидия, и, наконец, гид, который водит экскурсию по миру Тиберия, — это одна и та же фигура, чье главное свойство — способность существовать как в прошлом, так и в современности.

Но вот появляется поразительное признание: «Ага, это я, экскурсовод, то есть Тиберий». Если это так, то антиквар тождествен Цезарю, а конферансье — Овидию, и все они, сверх того, одно и то же лицо. Так кто же? Можно предполагать, что в одно лицо объединяет их автор, Яцек Бохенский. Это он, рассказывая все случаи, «выбирает историческую истину по своему желанию», создавая для нас, читателей, очередные «продукты». И, когда мы завершаем чтение «Тиберия, императора» сегодня, во времена проведения «исторической политики», ирония повествователя-автора, отнюдь не случайно приводящего определение «propaganda politica», становится вполне понятной: мы уже знаем, что так было всегда, а в разысканиях «исторической истины» доверять можем только самим себе, или, собственно говоря, своей прихоти.

Анна Пивковская

Перевод
Екатерины Соколовой

СТИХОТВОРЕНИЯ

Узкоколейка

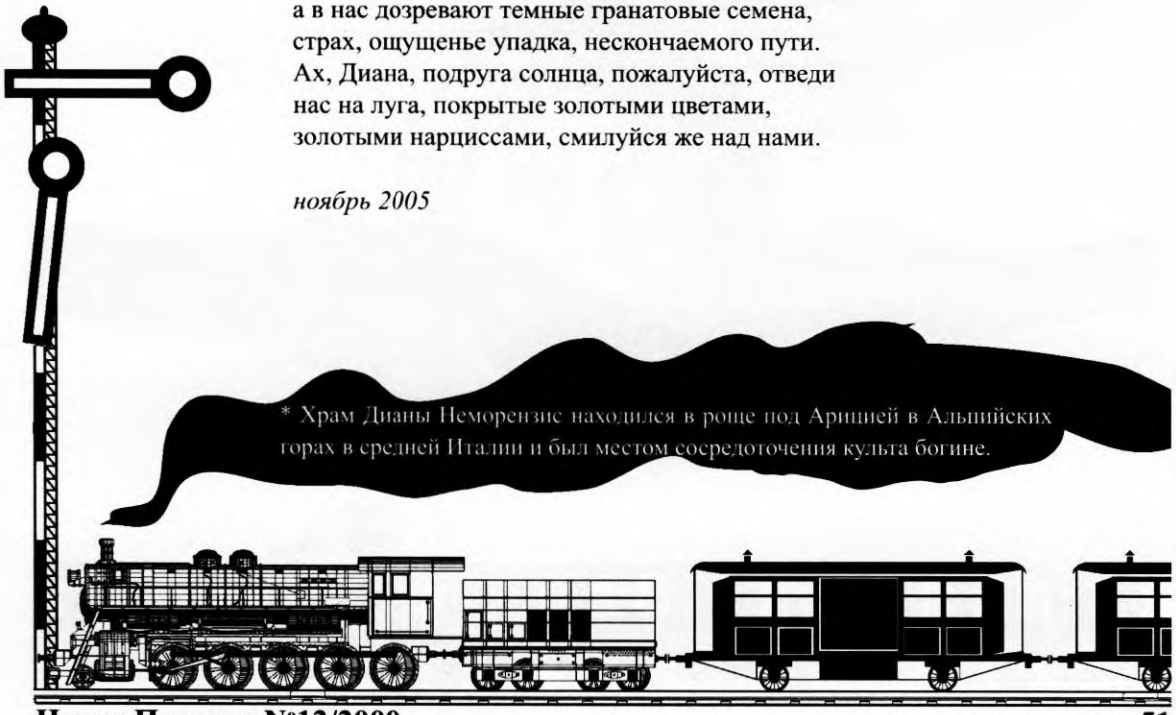
Товарняки, семафоры, рельсы,
ночные огни, графитная пыль на перчатках,
драповый запах пальто. Маслянистой тенью
прошлое сходит в тоннель, мы проваливаемся под землю.

Госпожа чужеземцев богиня Диана*,
любимица беглых рабов,
проведи нас сквозь темень сейчас,
помилуй нас.

Огороженные места поросли здесь мхом,
иногда только заяц, проволокой живот поранив,
в ужасе полем бежит, и слышно, как снежный ком
катится на Аляске — мотылек, шевеля крылом,
обрушивает лавины и будит бураны.

Выбравшись из-под земли, от солнца хмелея,
из туристических термосов пьем чай у окна,
за которым летят вокзалы, блестят-белеют,
а в нас дозревают темные гранатовые семена,
страх, ощущенье упадка, нескончаемого пути.
Ах, Диана, подруга солнца, пожалуйста, отведи
нас на луга, покрытые золотыми цветами,
золотыми нарциссами, смилуйся же над нами.

ноябрь 2005

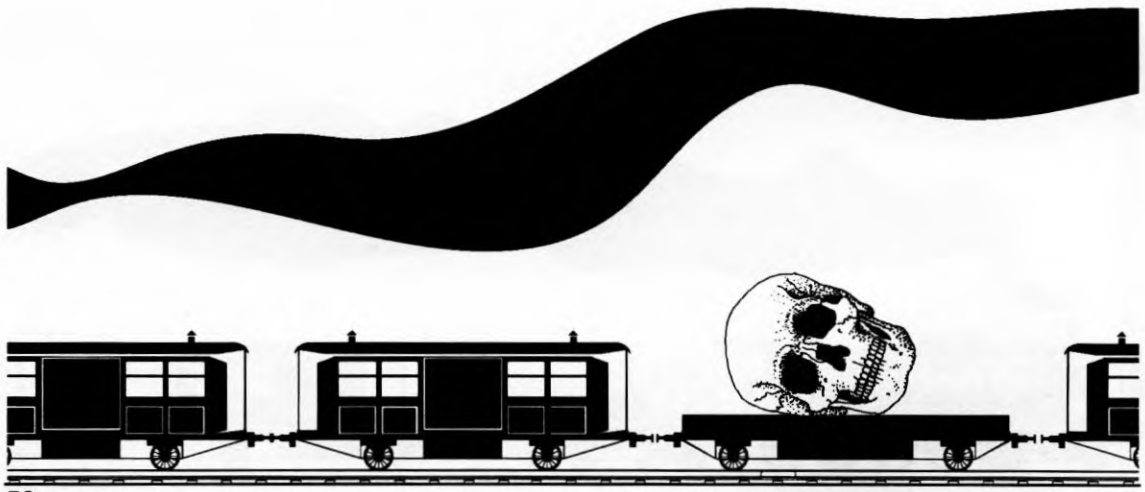


* Храм Дианы Неморензис находился в роще под Арицией в Альпийских горах в средней Италии и был местом сосредоточения культа богине.

Все умерли, остальные уехали

Все умерли, остальные уехали.
Остаются лиственные слова о вкусе водорослей,
зубные щетки, расчески, щетки для обуви.
Блестят кожаные туфли с гладкими мордашками,
танцуя юркое венго и фанданго.
Груды вещей и темные тела,
взрываются, как черные звезды,
отбитые от поверхности луны.
Ежедневный страх.
Остаются замаранные сапоги, брошенные очки,
невысохшие свитера.
Все умерли, остальные уехали.
Не присылают открыток с видами храмов,
зимних пустынь, кратеров и океанов.
Молчат, как молчит мокрая их одежда,
монеты, ключи, со звоном выпавшие из мужских штанов,
в спешке брошенных на пол.
Нитка из красной юбки зацепилась за гвоздь
и означает ход, никуда не указывая дороги.
Шепотом: это всего лишь кровь.
Кровь поцелуев, кровь на конце иглы.
Визиты к врачу были всегда легки:
здесь жили, держали рецепты,
как неразборчивым почерком данные пропуски в жизнь.
Они, мол, еще живут, наверное, все хорошо.
Будет время, когда будут чай и билеты.
Если бы умирали — не собирались бы в путешествие,
лежали бы, скованные страхом,
взглядом уткнувшись в пространство, невнятно шепча:
Господи, зачем оставил меня?

Варшава, июнь 2004



Полдень

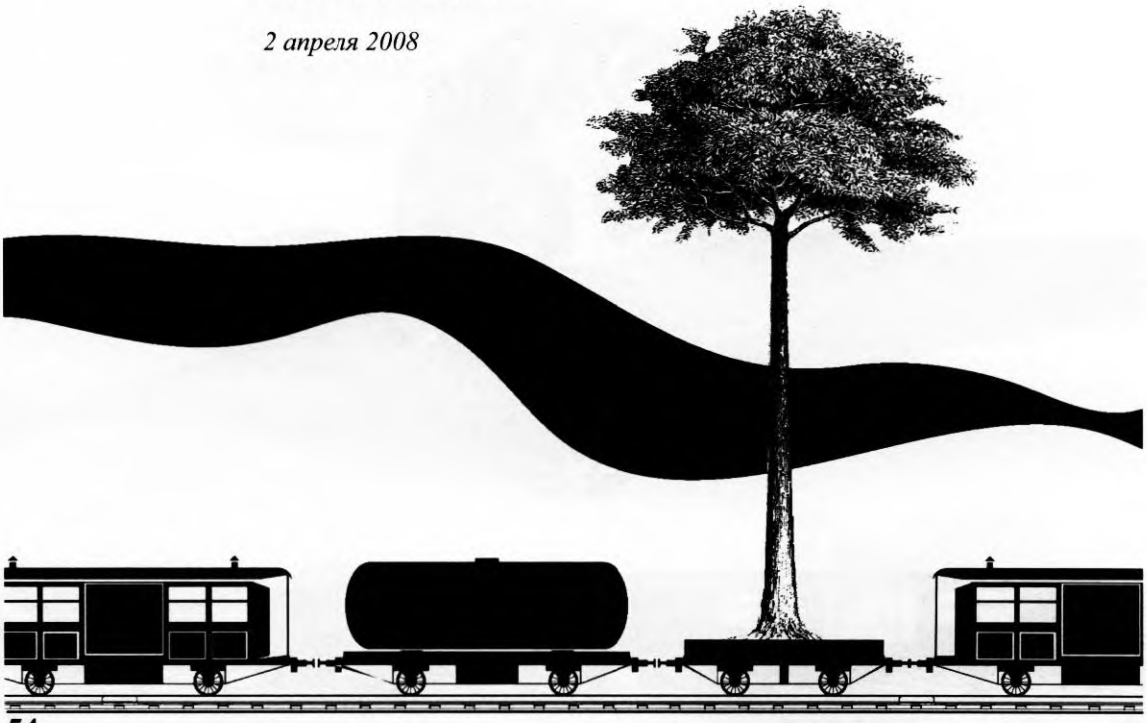
Софокл Эдиповых лет
пишет «Эдипа в Колоне»,
то есть уже стариком.
Знает, что миф есть вечность,
ворвавшаяся в этот миг,
знает ответ на вопрос, *кто он такой*,
или, вернее, по-прежнему ничего не знает.
В белый полдень, мертвый час духов,
опаленные зноем оливковые деревья
не бросают теней,
и под солнцем греются ящерки.
Время будет стоять на месте, пока Аид
снова не позовет своих белых теней.
В этот краткий час лица женщин не будут стареть,
Дети застынут, держа цветные игрушки,
гомон утихнет в городе и в домах,
старые люди ни на секунду не станут ближе к порогу.
Страшное время, думает про себя Эдип.
Страшное время, записывает Софокл.
Неподвижны и мы — в машине
над красным шлаком обрыва.
Жара понемногу спадает, и демонов час проходит.
Пчела начинает звенеть под потолком.

Крит, июль 2005

Пока наши матери живы

Пока наши матери живы, мы всё еще девочки.
Что с того, что мужчины ушли
и подросли наши дочери?
Что с того, что увяли цветки гиацинта —
в ошеломительном белом стоит гортензия,
и женщины в парке торгуют тюльпанами желтыми.
Пока наши матери живы, живут наши детские грезы.
Мы садимся на велики, звенящие, как стрекозы:
красные, голубые, оранжевые,
а время, зажатое в их серебряных спицах,
или течет сквозь улицы, или стоит.
Вот едем к парку смотреть на бледную зелень,
кормим уток, покупаем абонемент в бассейн,
мечтаем о море, бескрайних пляжах,
высоких горах, чтобы взобраться на них и там,
в тишине невозможной, говорить с мировой душой.
Мы можем всё это, пока наши матери живы.
Неважно, что им тяжело подниматься по лестницам,
глаза их слезятся, и они отдают нам
непрочтенные книги. Это всё не касается нас.
Покупаем очки матерям, смеясь над цветом оправы,
над формой стекол.
Возим к врачу и боимся: лекарства перестают помогать.
Почему это больно, зачем это так болит —
неудача, и старость, и страх?
Мы засыпаем спокойно и уверенно просыпаемся,
Пока наши матери живы.

2 апреля 2008

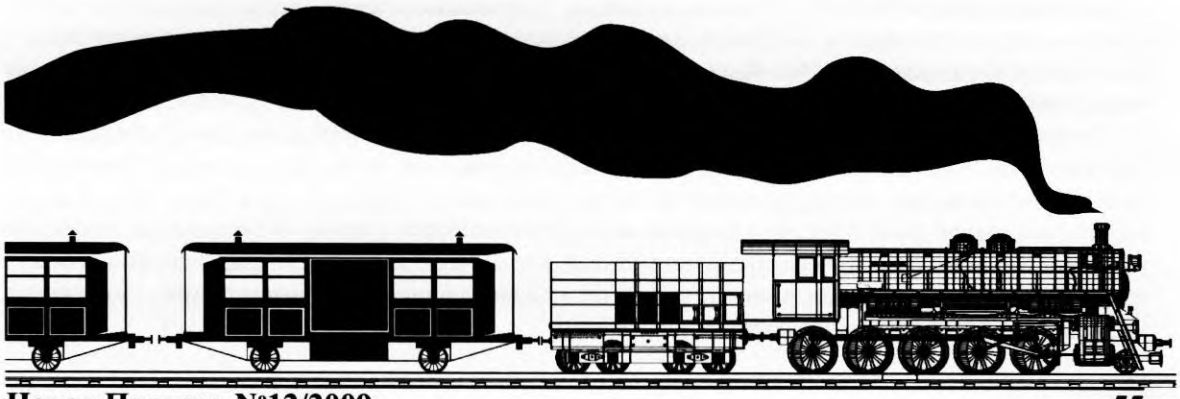


Дорожные поминания

День проскользнул, как фильм. Мерзли деревья,
изгороди, темные балки дома,
стропы, полы, мерзли руки того,
кто высекал огонь. На оставленном кладбище
засветлел огонек. Ты помнишь,
густо падал снег — на сны, бездорожье,
на вагоны и на составы, города и мосты,
и на нас, чужих, параллельно прямых,
как пути, что нигде не сойдутся.
Поезд равнину замерзшую пересекал,
ты прижимался ко мне под одеялом,
и полночь, бессонная ночь
окутала льдом петербургскую зиму.
Мы вечно в дороге. В неподходящих краях.
Какая-то женщина говорит с тобой,
молодым, легко оставляющим Вильно.
На серой дорожке, перекинутой через поле,
застыл неподвижно заяц.
Гвоздь заржавелым шипом торчит в окне.

Где ты сейчас? В тающих льдинках,
В сухих перешептываниях тополей,
Или, может, когда кто-то вложит мне в руку
Зеленый платок, ты, заплакав, прижмешься к ней?

Варшава — Вильнюс — Петербург, ноябрь 1999



Александр Вирпша

ПРОСТРАНСТВО (КАЖУЩЕЙСЯ) ЛЕГКОСТИ

В пространство легкости — по крайней мере, кажущейся — переносит нас стройная, облеченная в пространные фразы поэзия Анны Пивковской, которая убеждена: «Неназванное во мне неизменно». Это неназванное становится затем центром вселенной, собирающим вокруг себя образы, складывающиеся из мозаики наблюдений и переживаний. Это поэзия в целом регулярного ритма, прозрачного видения, углубленной рефлексии. Это поэзия скорее дня, чем ночи — через ночь требуется перебраться, чтобы отыскать опору на краю действительности, ночь есть то, что наступает, когда переполняется время жизни. Ночь — смертельная прогулка в одиночку, последний путь, как описывает ее в одном из своих произведений Ингеборг Бахман.

Прикосновение к теме смерти сделало эти стихи необычайно сильными. «Смерть — абсурдно легкая вещь», читаем мы в очередном стихотворении. Смерть представляется случаем, дополняющим человеческую жизнь, присутствуя, однако же, постоянно и становясь если не сутью, то основой опыта. Но в этой поэзии есть также и вызов, брошенный смерти в ее экзистенциальном измерении: это перешагивающая горизонт неизбежности перспектива воскресения. В стихотворении «Великая Суббота» встретившиеся у креста, «на перекрестке двух миров», расстаются другими:

Грешные, счастливые, радостные уходим,
Наши тела теплы, в лесу запах сосновый бродит,
Жаворонки смеются, их песня подобна серой реке.
Молимся, чтобы остаться, выстоять в нашем грехе.

(Все цитаты из стихов — в пер. Е.Соколовой)

Стремление к пониманию проявлений смерти, наблюдаемое в стихах Пивковской — к примеру, в цикле колядок и в пасхальных стихах, сложных, удерживающихся на грани художественной выносливости, как это видно в «Обращении», — это одна из тех задач, постановка которых в поэзии и рискованна, и увлекательна. Тем более что только перспектива смерти определяет действительный размер другой стихии этой лирики — любви.

Очаровывает в этой поэзии то, как замедляется время, как поразительно вечность вписывается в крупицы того, что переменчиво: «Тихо, раз за разом / часовая стрелка вокзальных часов / размеренно дрожала, остановилась, потом передвинула / вечность на одно деление». Это тем более привлекательно, что мы имеем дело с дисциплинированным ритмизованным стихом, обогащенным сложными рифмами, ассонансами и изысканными метафорами. Классическая метрика создает дистанцию между миром и собственным опытом, а внимательность к деталям усиливает ощущение бытия — уходящего, но полного встреч, удовлетворяющих жажду жизни.

Неожиданные встречи, столкновения человеческих судеб, не осуществленная любовь, случайность различного опыта — всё это обретает постоянство, упорядочивающее видимый хаос бытия в парадоксе, соединяющем святость и грех: «Молимся, чтобы остаться, выстоять в нашем грехе».

На фоне разных ощущений открывается пространство истории — личной, семейной и общей. Меняется метрика, ломается ритм стиха. Появляется Россия: «здесь время идет каким-то другим чередом. / Как если бы рождественскую рыбу / стали чистить не от чешуи, а от костей». Впрочем, очарованность Россией заметна с самого начала, как и тенденция к перемещениям по кресовой местности: «Мой прадед со стороны матери, Мацей Криштул, / выращивал пчел на Кресах, любил все белое. / (...) Мой прадед со стороны отца, Юстин Вилун, / ездил на санях к князю Гаштольду, выжившему из ума, / через темные литовские леса и любил волков». Кресовая родословная в этих стихах — всегда важный жизненный опыт, составляющий личность лирической героини, ее открытость миру, любознательность по отношению к другим, но и трагизм судьбы, показанный в стихотворении «Три дороги к озеру», емком комментарии к творчеству и смерти Ингеборг Бахман.

Классическая гармония этих стихов скрывает драму неполноты, жажды, неуверенности, страха. Всё это тонет в напевном повествовании, беге жизни, где драматизм существования кажется неуловимым. «Неуверенность — наше любимое право» — сказано в замечательном стихотворении «За окном». И именно эта неуверенность открывает в поэзии Пивковской новое творческое пространство, вдохновленное просмотром старых фотографий.

Новый сборник Анны Пивковской «Красильщица» обнаруживает аллюзии на античную (а иногда и другие) мифологию (ведь неслучайно в замыкающей книгу поэме «Вавилонское столпотворение» встречаются три персонажа: Дидона, Валькирия и Шакунтала). Важно также вспомнить эссе Одена «Рука красильщика». Ссылок, впрочем, больше, а «классицистическая» форма тоже несет в себе обращение к традициям. Обращение к рифме и ритму — вызов, всё чаще бросаемый в нашей поэзии, а также знак для читателя: ты входишь в пространство высокого стиля, речь инициаций, язык тех, кто знает, что «миф есть вечность, / ворвавшаяся в этот миг». Казалось бы, стройное повествование этого стихотворения неожиданно раскрывает темные области: «Страшное время, думает про себя Эдип./ Страшное время, записывает Софокл». Может быть, время всегда страшно, однако при этом необыкновенно, и о его красоте говорят дискретные отношения различных происшествий, как в стихотворении «Узкоколейка»:

Огороженные места поросли здесь мхом,
иногда только заяц, проволокой живот поранив,
в ужасе полем бежит, и слышно, как снежный ком
катится на Аляске — мотылек, шевеля крылом,
обрушивает лавины и будит бураны.

Игра с мифом в поэзии Пивковской — это игра со всем. Вот героиня «Федры» находит дорогу к себе в торжественном ритме: «Через гекзаметры обратно, убей себя / или вскрой вены, шепчет кто-то», — но мы знаем, что она этого не сделает: не вскроет вен, а наоборот — будет продолжать свою историю в мире, принесенном в жертву призрачной, но всё еще заставляющей жить чувственности.

И именно эта чувственность, становящаяся противовесом стихии дискретной вездесущей метафизики, является тем достоинством книги «След конька», которое показывает, что вопреки проникающей сюда катастрофической ноте — все-таки неотъемлемой в космической перспективе, намечающей мифологические аллюзии, — эти стихи делает цельным то, что обычно называется вкусом и красотой жизни.

Ирина Лаппо

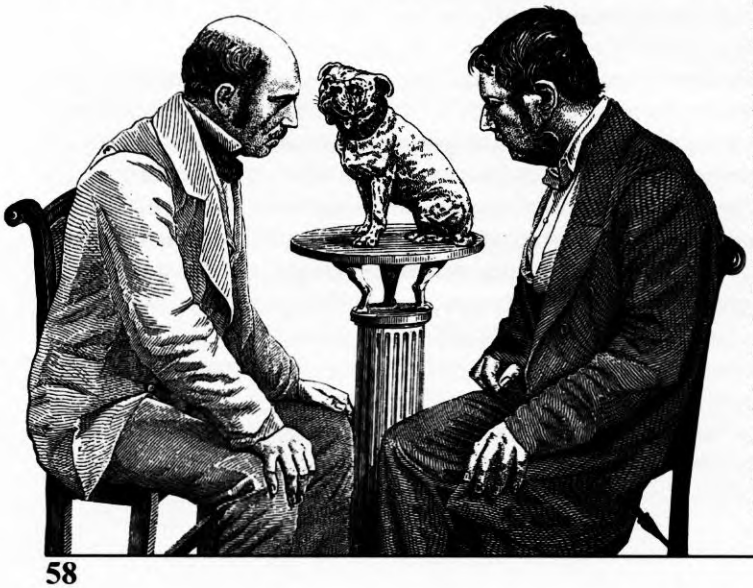
ЧЕХОВСКАЯ ТОСКА И БЕЗВОЛИЕ или ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЖИЗНИ

или О русском (и польском) понимании судьбы

Няни выносят на сцену самовары, на их фоне колышутся тюлевые занавески, герои в белых костюмах неторопливо жалуются на жизнь, а дамы в огромных шляпах с тоской смотрят вдаль. Это, несомненно, в театре идет Чехов. В 1906 г. Корнель Макушинский так определил желательную атмосферу чеховского спектакля: «...бесконечная грусть должна нависать над сценой, по сцене должна ползать серость, на заднем плане должна стоять в перспективе тоска» (Kornel Makuszyński. «Wujaszek Wania» A.Czechowa // Słowo Polskie, Lwów, 1906, №94). С тех пор прошло столетие с лишним. Театр Чехова в европейской культуре занял ранг, почти сравнимый с шекспировским. В то же время Чехова считают писателем специфически русским, «самым русским из русских писателей» (по определению Льва Толстого), «чистокровно русским писателем» (Станислав Цат-Мацкевич), «писателем настолько русским, что дальше некуда» (Ян Блонский).

Любовь польского театра к Чехову была нелегкой: отвержение и зачарованность, полное непонимание и открытие второго дна, сценические недоразумения и шедевры исполнения, гротескное восприятие с привкусом ксенофобии и универсальное прочтение, полное поэзии и метафизики, спектакли шаблонные и новаторские, знаменитые и прошедшие без отголоска, затрагивавшие нерв современности или промахивавшиеся мимо зрителя, — сколько же здесь сложностей, конфликтов, ловушек, идеологической запутанности и политической обусловленности. Но есть еще что-то, о чем мы обычно не думаем. О польском языке как естественной «среде бытования» польского Чехова. В польском культурно-языковом кругу несколько иными коннотациями и аксиологией наделяется целый ряд ключевых для Чехова понятий. Различие восприятия закладывается уже на уровне перевода, оно от него производно, но вытекает не из отсутствия соответствующей лексемы, а из непереводимости коннотаций, присущих понятию в одной культуре, но отсутствующих в другой. В связи с чем исчезают существенные для оригинала подтексты, а на их место встают другие.

Марина Цветаева писала в эмиграции: «Иные вещи на ином языке не мыслятся» (Марина Цветаева. Неизданные письма. Париж, 1972). Тут важна сама форма глагола: эти вещи «не мыслятся» как бы сами по себе. Они — субъект действия, отказывающийся от этого действия во имя своей внутренней структуры, имманентно присущих им черт. Парадокс состоит в том, что эти «иные вещи», помышленные на языке, на котором они «мыслятся», при переводе чаще всего не оказывают сопротивления, ибо находят словарные соответствия. Однако в контексте культуры-адресата они приобретают значения, свойственные ей. И так некоторые закодированные в языке понятия — обладающие соответствиями в двуязычных словарях, но значительно отличающиеся друг от друга в двух культурах — приводят к тому, что Чехов по-польски значит нечто иное, ставится иначе, а в результате и воспринимается несколько иначе, нежели Чехов по-русски.



Главную трудность при восприятии составляет бессилие, безволие, какая-то патологическая немощность чеховских героев. Чего-то эти люди явно хотят (стать писателем или актрисой, найти себя в любви или труде, уехать в Москву, сохранить имение и т.п.), к чему-то стремятся, но ничего у них из этого не выходит. Какой-то рок навис в воздухе: в этом доме (Сорина, Серебрякова, Прозоровых, Раневской) ничего выйти не может. Такая судьба. Существенным здесь оказывается различие между польским и русским пониманием судьбы, о чем, в частности, подробно пишет Анна Вежбицкая в статье «Судьба и предопределение» («Путь» 1994, №5). Русское «судьба» несомненно ближе к античному Року, чем к польской судьбе (los), но с одной существенной поправкой: смирение с судьбой и есть источник удовлетворения — смирение вопреки человеческому элементу в себе, вопреки собственным устремлениям к счастью в человеческом его понимании. Такое понимание концепта «судьбы» вписано не только в лексему как таковую, но во всё русское ментальное оснащение, во всю языковую систему, поэтому рассуждать об агностицизме Чехове в этот момент излишне, ибо не философская система автора определяет имманентный смысл пьесы, а язык, которым писатель пользуется. В другой своей статье Анна Вежбицкая замечает: «При столь характерном для русских мышлении о жизни в категориях *судьбы* трудно удивляться, что эта категория оставила свою печать на синтаксических структурах русского языка» (A.Wierzbicka. Etnoskładnia i filozofia gramatyki // Język — umysł — kultura. Pod red. J.Bartmińskiego. Warszawa, 1999). Известно драматургическое кредо Чехова: «...люди обедают, просто обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни». И опять, как у Цветаевой с вещами, которые *не мыслятся* сами по себе, глагольные формы (слагается, разбиваются) адресуют нас к действию каких-то метафизических и самостоятельных сил, связанных с понятием судьбы как предопределения.

Естественно, что о героях Чехова мы думаем не в категориях *судьбы*. Польским представлениям о судьбе чуждо всеприемлющее смирение перед ее решениями — оно воспринимается как проявление слабости и даже связывается со стереотипным тезисом о «вечном рабстве» русских. Метафизическое оказывается перемещенным в сферу общественных отношений. Гротескная тенденция исполнения, столь сильная в польском театре, основывается на предъявлении героям обвинения, которое, несколько упрощая, сводится к концепции «сами во всем виноваты, ибо пассивно подчинились судьбе, не вступая с ней в борьбу». В этом обвинении таится существенная, отличающаяся от русской и при том имманентная черта польского восприятия Чехова. Насколько в рамках польской культуры может оказаться приемлемым поведение Войницкого, который перед лицом окончательного поражения бросает судьбе вызов и хватается за револьвер (он пытается преодолеть судьбу, бунтует!), настолько же с точки зрения русской культуры этот бунт выглядит неуместным и справедливо наказанным. Ничего не поделать — и ничего нельзя поделать, ибо такова *судьба*. Только это служит Соне утешением — в высшей степени успешным и убедительным для русского зрителя. Ибо русская *судьба* дана от Бога и бунтовать против нее — тяжкий грех, истинной же радостью существования становится страдание. И речь идет отнюдь не о том, что страдание станет искуплением, будет вознаграждено после смерти. Страдание ценно само по себе, в нем есть сладость смирения, и оно уже при жизни воспринимается в русской православной культуре как источник радости.

Страшные трудности режиссерам доставляют финалы чеховских пьес: в них, как в линзе, сосредотачивается всё, что у Чехова воистину непереводимо. Особенно большой финальный монолог Сони в «Дяде Ване». В русском культурно-языковом кругу он воспринимается как грустный, но светлый, прямо лучезарный, излучающий надежду, а смысл его выглядит просто: надо жить, страдать и радоваться страданию, которое очищает душу и, можно сказать, служит гарантом и проявлением любви Божией. На польского зрителя от монолога Сони веет мраком и отчаянием.

Русское понимание судьбы связано с лексемой «смирение», что можно перевести как «pokora» (смирение, покорность), «pogodzenie się» (смирение или примирение с чем-нибудь), однако с потерей некоторых специфических коннотаций. Если польская «pokora» направлена, можно сказать, вовне, представляет собой «реакцию человека в ситуации, которую он оценивает как негативную, но отказывается от борьбы с ней», то русское «смирение» содержит отчетливые церковные коннотации и понимается не как отказ субъекта от борьбы с чем-то внешним, но, наоборот, как «***активное воздержание*** от своих (зачастую агрессивных) импульсов и реакций». Это различие точно очерчивает сферу польско-русских

«недоразумений», ибо там, где польская публика обладает возможностью (данной ей польским языком) заметить лишь пассивный «отказ от борьбы», там русская видит, ощущает «активное воздержание». Отсутствие внешнего действия означает напряженный внутренний труд.

Музыкальную (и семантическую!) структуру финального монолога Сони организует повтор, состоящий из двух глаголов: «...и отдохнем. Я верую, дядя, верую горячо, страстно... Мы отдохнем! Мы отдохнем! Я верую, верую... Мы отдохнем... Мы отдохнем!» То же повтор мы находим и в переводе Ивашкевича: «...i odpoczniemy. Ja wierzę, wujaszku, wierzę gorąco, namiętnie... Odpoczniemy! Odpoczniemy! (...) Wierzę, wierzę... (...) Odpoczniemy... Odpoczniemy! Odpoczniemy!» Различие семантики русских глаголов «веровать»* (подразумевает веру в Бога) и «верить» (все остальные значения) не находит отражения в польской лексической сетке, которая располагает лишь глаголом «wierzyć», в силу чего из монолога Сони вытекает всего лишь, что она верит в загробную жизнь, но уже не удается уловить что она в ней еще и сомневается, что вся эта литания — это ее попытка убедить себя самое, но в то же время глубокий показ всего православного образа мыслей, в котором страдание — неопровержимая духовная ценность, способ очищения души и тем самым состояние прямо желанное. Соня в несчастье обращается к Богу, ищет в нем утешения и подлинно его обретает — ей лишь не хватает сил полностью принять приговоры Божии, поэтому она повторяет и повторяет свое «верую», чтобы словами заглушить внутренние сомнения. Когда мы сравним впечатления театральных критиков о спектаклях, поставленных в разное время, в разных политических условиях и различных художественных манерах, мы увидим, что монолог Сони польская публика воспринимает либо как совершенно трагический, либо как слегка нелогичный.

Просмотрим разнообразные свидетельства восприятия чеховских героев в постановках «Дяди Вани» разных эпох. Это необязательно спектакли, считающиеся важнейшими в истории польского театра — речь сейчас не о художественных оценках.

1906 год. Краков, Городской театр. Первая польская постановка «Дяди Вани». Хроникер краковской сцены Зигмунт Стефанский считает, что финал драмы — «апофеоз боли и печали»: «Душа ни разу не дрогнет порывом великой мысли, великого полета, ощущением силы, мужественным бунтом против груза, разрушающего их счастье» (Zygmunt Stefański, Teatr krakowski // Przegląd Polski, 1906, R.XL, kwartał 3). Безволие, полная отчаяния беспомощность и полный отказ от вмешательства в жизнь — это, по мнению критика, знаменательная черта чеховских людей: «Эти герои безнадежности не знают борьбы за воплощение своих планов, мечтаний о счастье, не знают даже того, что русские каторжники называют «переменой судьбы», — желания проявить свою скованную волю, хоть бы ценой еще худших страданий. (...) Одно они знают даже слишком хорошо: что такое сдаться, горестную мудрость смирения. Невольник собственного бессилия не срывает кандалов, он вновь кладет измученную голову в ярмо» (там же).

В том же году Корнель Макушинский, критик «Слова польского», рецензируя спектакль львовского Городского театра, входит в мир Чехова без оговорок, но с некоторыми упреками, которые могут быть предъявлены действующим лицам. В своей рецензии он просит к ним жалости. По его мнению, нет «сцен печальнее, чем последние сцены «Дяди Вани». В дом этих так много трудившихся людей печаль возвращается, как в свой собственный дом, та самая печаль, которая поселилась тут первой, еще до того, как поднялся занавес, только, может быть, стала тяжелей и тише» (Kornel Makuszyński, цит. соч.). Каждое лицо здесь трагично, всех жизнь обманула, но это не «плаксивые калеки, а печальные люди», — пытается Макушинский отразить ожидаемые нападки. Другой рецензент отвергает чеховский «саван меланхолии» и прямо стремится обвинить действующих лиц в пассивности, то есть в соответствии с тем, чего ожидал Макушинский. Францишек Паёнчковский так излагает его подход: «Трагедии героев и их страдания совершенно не волнуют Высоцкого, ибо эти люди пассивны, не имеют в себе ни драматического нерва, ни души, способной высказать себя зрителю, они обречены на гибель духовной немощью, окутаны саваном меланхолии и скуки повседневной жизни, протягивают руки к первому попавшемуся лучу света. Высоцкий считает, что лучшей судьбы и не заслужи-

* Со слова «Верую...» начинается церковнославянский Символ веры (лат. Credo). В словаре Ожегова: «Верить, кому-чему и во что. Иметь веру, быть убежденным, уверенным в ком-чем-н. Верить в победу. Верить кому-н. на слово. Веровать (устар.). Верить, иметь веру в Бога» (Ожегов. Словарь русского языка. М., 1953).

вает сборище людей, творящее один погост, на который загнала их собственная вера, собственное бессилие» (Franciszek Pajączkowski. Teatr lwowski pod dyrekcją Tadeusza Pawlikowskiego. 1900-1906. Kraków: Wydawnictwo literackie, 1961).

В межвоенное двадцатилетие пассивные чеховские герои не возбуждали особого интереса польского театра. В 1954 г., когда после военного перерыва «Дядя Ваня» вернулся на польскую сцену (варшавский Камерный театр, реж. Мария Вертинская), ответ на вопрос «Как следует играть Чехова сегодня, в новой социальной действительности?» был уже известен. Следовало выжать из драмы «оптимистическую печаль» точно так же, как «этот активный, здоровый элемент творчества Чехова был извлечен и подчеркнут новым, советским МХАТом при возобновлениях пьес великого писателя-гуманиста, — писал Леон Гомолицкий (Leon Gomolicki. Sztuka smutku optymistycznego // Wujaszek Wania. Program. Warszawa: Teatr Kameralny, 1953)*. Любопытно, что в то время как польская критика жаловалась на «чрезмерный оптимизм», советских критиков, увидевших этот спектакль в 1954 г. во время гастролей Польского театра в Москве и Ленинграде, раздражал «ошибочный пессимизм» спектакля.

Как борющегося героя, чуть ли не романтически бунтующего против судьбы, представил Войницкого в своей авангардной постановке «Дяди Ваня» будущий гуру польского театра Ежи Гротовский (краковский Старый театр, 1959), или, по крайней мере, так это воспринял Людвик Флашен: «...дядя Ваня прав. ***Он справедливо бунтует против своей доли.*** (...) Гротовский, для которого прежде всего важна ***борьба характеров***, видит своего дядю Ваню почти патетически, в ореоле ***бунтовщической*** возвышенности» (Ludwik Flaszen. Czechow nowoczesny — i co z tego wyszło // Teatr skazany na magię. Kraków-Wrocław, 1983. Выделено мной. — *ИЛ*).

1968 год, театр «Атенеум», Варшава. В восприятии снова слегка обнаруживается известная уже по львовской постановке полувековой давности концепция «заслуженной судьбы». Однако на этот раз она пущена в ход «ироническим» прочтением, модным в 60-70-е годы: «Трудно сказать, драма это или остросатирическая комедия. Ибо, хотя мы полны сочувствия герою, он является нам и в свете иронии: у нас совершенно нет уверенности, что он сокрушен только внешними обстоятельствами, что судьбу, им встреченную, он не заслужил сам» (EL., ŻM. [Elżbieta Żmudzka]. Wujaszek Wania // Zwierciadło, 02.02.1969).

Десятью годами позже (Театр им. Юлиуша Словацкого, Краков, 1979) перед нами аналогичные чаяния гротескного прочтения: «...эти утешения себя самой и дяди Вани, заглушающие отъезд Астрова, должны быть откровенно и пронзительно жалобными. И, пожалуй, идеально было бы, если бы благодаря этой жалости становилось прямо смешно. Какой-то такой миниатюрный гротеск и одновременно концовка всего представления» (Zofia Sieradzka. Wujaszek Wania z pękiem czerwonych róż // Teatr, 1979, №9).

В 1993 г. в финале знаменитого «Дяди Вани» в постановке Ежи Гжегожевского (Театр Студио, Варшава) трагическое звучание возникает благодаря отказу от «гротескной гримасы»**, сопутствующей всему спектаклю. Однако настоящее, волнующее и находящее отзвук у зрителя отчаяние Гжегожевский находит, ополячив героев и повелевая Соне взбунтоваться против судьбы. В финале, «в отчаянной, с гневом и бунтом выкрикнутой реплике Сони», берет слово польская языковая картина мира, что точно выразила Эльжбета Моравец, обращаясь прямо к режиссеру:

«В этом крике нет надежды, как нет ее у Чехова. Но там была мягкая печаль примирения с судьбой, а в твоем спектакле это стон Иова, «идущего против рожна». Такой же бессильный, как гнев разозленного ребенка» (Elżbieta Morawiec. List z teatru — Wujaszek Wania // Seans pamięci).

---

* От оптимистических финалов периода соцреализма у польских критиков начиналась зубная боль, но критиковать можно было, самое большее, стилистическое расхождение символического финала со всем остальным спектаклем. Когда три сестры в спектакле Домбровского (Театр им. Словацкого, Краков, 1949), стилизованные под групповой героический монумент, смотрели в сторону солнца, просвечивавшего сквозь черное, в тучах небо, и патетически декламировали последние слова: «Надо начать жизнь заново... надо жить... надо жить... надо работать, только работать», — критик писал, что «финал, собравший трех сестер в символическую живую картину, противоречит естественному «текучему» ходу игры во всём представлении» (August Grodzicki // Kurier Codzienny», 1949, №171)

** Во всяком случае так считает Гжегож Низёлек: «Впервые отчаяние не замутнено гротескной гримасой» (Grzegorz Niziołek. Oh les beaux jours // Teatr, 1993, №4)

И Ежи Яроцкий (Польский театр, Вроцлав, 2000) переоценивает образ Сони, делая из нее вместе с актрисой (Иолантой Фрашинской) «маленького драгуна в юбке», отважного и воинственного. Среди ценностей, которые почитает этот «маленький драгун», Беата Гучальская считает основной «верность стремлению преодолеть судьбу» (Beata Guczalska. Jerzy Jarocki — artysta teatru. Kraków, 1999). Неизбежный надлом такого исполнения этой роли в финале возбуждает неодобрение рецензента: «...эта главная, ибо самая юная, жертва провинциальной жизни в последнем акте ведет себя так, будто всё ей как с гуся вода: несостоявшаяся любовь, несостоявшаяся жизнь. Над разложенными счетами она и дядя Ваня подают друг другу руки, оба совершенно примиренные с судьбой» (Roman Pawłowski. Nuda prowincji // Gazeta Wyborcza, 14.03.2000).

Еще один способ, как справиться с финальным монологом Сони, нашла Моника Пенцикевич в спектакле «wujaszekwania.txt» [«дядяваня.txt»] (театр «Выбжеже», Гданьск, 2004). Она его попросту вырезала. Спектакль кончается сценой, в которой одинокий Войницкий плачет над своей судьбой. Пенцикевич отказывается от финальных слов Сони, выражающих, как пишет рецензент, «надежду найти вечный покой после смерти, утешить печаль в милосердии Божием. Нет также и речи о необходимости заняться трудом, который, может быть (?), спас бы от экзистенциальной скуки...» (Elżbieta Mikiciuk. Nuda wieczna. // Didaskalia, 2004, №64).

Режиссерские помыслы ополячить и пьесу, и Соню обычно не по вкусу рецензентам. Однако встает вопрос: действительно ли отказ от финального монолога Сони — который польская публика всё равно воспринимает вне системы ценностей православия, как проявление окончательного поражения, а не как надежду и единственный достойный способ бытия, — так уж меняет звучание пьесы? Переводчик, читатель и зритель неизбежно ограничены той языковой картиной мира, в рамках которой они функционируют, и, следовательно, смирение перед лицом судьбы будет восприниматься не как героический подход к жизни, а как неприемлемая пассивность, чеховская же скука никогда не будет по-польски тем, что русская скука.

Произведения Чехова часто рассматриваются как источник познания «психической структуры» русских, которым стереотипно приписывают как склонность порабощать других, так и пассивную готовность быть порабощенными, отсутствие воли к действию соединяют с лишающим сил пессимизмом, который в свою очередь всячески связывают со свойствами русской души и даже русского пейзажа. Характерная русская хандра в соединении с мужественной (в русском понимании), пассивной (в польском восприятии) сдачей на волю судьбы производит на зрителя довольно специфическое впечатление. Еще в 1904 г. Влодзимеж Наконечный на страницах краковского «Часа» выражал удивление, что в области прозы Чехов принадлежит к писателям-пессимистам с крайне чувствительными нервами, зато в драматургии показывает оптимистов (по мнению критика, это «самые глупые» люди, а ярчайший их пример — Вершинин из «Трех сестер»), которые «либо кончают с собой, либо полностью сдаются на волю судьбы и покорно несут свой крест до самой смерти» (Włodzimierz Nakonieczny. Antoni Czechow — wspomnienie pośmiertne // Czas, 1904, №64). В 1906 г. по случаю варшавских гастролей МХТ (кстати, бойкотированных польскими зрителями) Владислав Богуславский сделал любопытные замечания о русской душе, метко соединив скуку существования с безосновательной и беспредметной тоской: «... в воздухе подрагивают какие-то вздохи... какие-то протесты... какие-то желания... и все эти неуловимые течения, кружащие среди рассеянных в атмосфере атомов безнадежной скуки, которые заливают русскую душу беспредметной тоской кочевника» (W.Bogusławski, Pod znakiem tymczasowości // Biblioteka Warszawska, 1906, T.III, z.1). Игнаций Хшановский в работе «Духовная жизнь России в свете русской художественной литературы» (1908) указывает, что отсутствие воли и неприязнь к действию характеризуют чеховских героев, понимаемых как автопортреты русского человека: «Знаменательная и весьма любопытная черта этих драм — их субъективный эле-

мент, который в рассказах пробивается, пожалуй, только как исключение; а здесь автор устами своих героев высказывает свою веру в прекрасное, гармоническое будущее. Но спросим невольно: кто его построит? Ведь этим «героям» и пальцем пошевелить не хочется» (Ignacy Chrzanowski. Życie duchowe Rosji w świetle rosyjskiej literatury pięknej // Przegląd Narodowy, 1908, №3, T.I). Станислав Лапинский в связи с лодзинской постановкой «Вишневого сада» (1910) говорит о недоумении, которое охватывает польского зрителя при встрече с удивительным отсутствием какого бы то ни было сопротивления у чеховских героев, и прямо противопоставляет «нас, привычных к действию» и их, «с разъеденной пессимизмом душой» (цит. по: Wilhelm Fallek. Scena łódzka pod dyrekcją Aleksandra Zelwerowicza. Karta z dziejów teatru łódzkiego. Łódź, 1937).

В межвоенное двадцатилетие пессимизм Чехова связывали со свойствами русской души, не прибегая к мягким оговоркам. В энциклопедии Манфреда Кридля (1931) присущее Чехову «пессимистическое мировоззрение» выводится из того, что он русский: «Этот по духу и таланту истинный европеец поддался меланхолии, заливающей всю русскую жизнь» (Manfred Kridl. Główne prądy literatury europejskiej. Warszawa, 1931). Состояние меланхолии не раз становилось предметом научной мысли в самых разных отраслях знания (от медицины до философии). Лингвистические исследования человеческих эмоций позволяют выделить те из них, которые, с одной стороны, являются «ключевыми» для данной культуры, с другой — плохо переводятся на другие языки, как, например, русская тоска, синонимом и неотъемлемым элементом которой является скука. Каждая культура выражает состояние эмоциональной подавленности на свой неповторимый лад: англ. spleen, фр. ennui, нем. Weltschmerz, рус. тоска — концепты специфические и при заимствовании часто сохраняют за собой устойчивое определение, подчеркивающее национальные особенности, ср. классические пушкинские строчки: «Недуг, которого причину / Давно бы отыскать пора, / Подобный английскому сплину, / Короче: русская хандра...» В художественной литературе тема меланхолии и близких к ней состояний активно разрабатывалась со времен античности, ср. taedium vitae, о котором говорили уже римляне, романтическую «тревогу ласточек» Кордиана, сартровскую «тошноту» — это лишь некоторые мотивы. У каждого из этих концептов своя окраска и свой оттенок. Есть среди них и особая чеховская печаль. Как утверждает Анна Вежбицкая, «способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит, по крайней мере до некоторой степени, от лексической сетки координат, которую им дает родной язык» (Вежбицкая 1999:505). Сам факт, что в русском языке есть три ключевых слова для выражения состояния меланхолии — грусть, хандра, тоска и огромное количество синонимов*, уже сам по себе показателен. Все они выражают разные оттенки чувства и занимают важное место в русской культуре**. Сравнительный анализ лексико-семантического ряда «скука — тоска» и его польских аналогов «nuda», «tęsknota» или «smutek» обнаруживает некоторое неравновесие: этот ряд, в русской языковой картине мира неразрывный, на польский переводится отдельными понятиями.

Слова «скука», «тоска» и «хандра» как таковые не слишком часто появляются в текстах Чехова, но разнородность значений и оттенков чрезвычайно богата, а общее впечатление печали дополнительно усиливается сценическими положениями, интонацией (например слезами) и общей атмосферой. Действующие лица мучаются и страдают, ибо живут: «Среди отчаянной скуки, когда вместо людей кругом бродят какие-то серые пятна, слышатся одни пошлости, когда только и знают, что едят, пьют, спят» (Елена Андреевна, «Дядя Ваня»); «...потому что сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна... да и люди скучны» (Дорн, «Чайка»). Они постоянно жалуются, что им скучно: «...а я одна, мне скучно, нечего делать, и ненавистна комната, в которой живу...» (Ирина, «Три сестры»); «Дома скучно...» (Андрей, «Три сестры»); «Ах, и лень, и скучно!» (Елена Андреевна, «Дядя Ваня»).

* Уныние, печаль, горе, горесть, кручина, отчаяние, скорбь, прискорбие, скука, томление, траур, сокрушение; одиночество; ипохондрия, меланхолия; соболезнование, сожаление; боль, горечь.

** Венгерская переводчица Чехова весьма тонко ощутила это своеобразие русской тоски и ее связь с духовностью: «Есть некоторые слова, которые как понятия равны для меня русской культуре. Например «тоска». Возьмите героев Чехова — они всё время по чему-то тоскуют. По чему-то иному — духовному. На меня произвел огромное впечатление фильм «Степь» по повести Чехова. Отчетливо запомнился один эпизод: необъятная степь, а в степи человек — раскинул руки в стороны, наподобие креста, и кричит: «Тоска, тоска!..» В венгерском языке такого слова — «тоска» — вообще не существует, потому что нет этого состояния духовной жажды, ожидания чего-то... такого» (Русский «Иконостас» глазами венгерского филолога. Разговор с Илоной Киш // Форма, 2006, № 7/39).

В русском языке «скука» и «тоска» в одном из своих значений* — синонимы. В польском — семантические поля лексем «nuda» и «tęsknota» не покрываются, а именно там, на скрещении «скуки» (как тоски) и «тоски» (как печали) рождается русская «хандра» как специфический и непереводимый национальный концепт, который в польском языке на лексическом уровне фигурирует как заимствование, однако в семантическом плане не проявляет связей со «скукой», столь существенных для русского состояния духа. В согласии со словарями польская скука появляется прежде всего из-за единообразия и монотонности. «Nuda»** — это определенная реакция на окружающую действительность, источник ее появления лежит вне субъекта, причина ее внешняя, и выход из нее тоже направлен вовне: субъекту достаточно сменить окружение, заняться чем-нибудь и т.п. Зато важная черта русской «скуки»***, отличающая ее от польского аналога, — идея независимости от обстоятельств и воли человека. Подобным образом идея независимых от обстоятельств внутренних душевных терзаний в сконцентрированной форме лежит в основе концепта «тоска».

Сильно различаются и попытки определить суть этих состояний: то, что в русских словарях определяется как «тягостное чувство» или «душевное томление», в польских — как «неприятное состояние» (niemiły, nieprzyjemny stan). Чеховская скука не может быть скучной на сцене, ибо ее наполняют внутренние, одухотворенные терзания героя. Отрыв скуки от тоски приводит, например, к прочтению «Платонова» как «повествования о нравах скучающих русских помещиков» (Agnieszka Frycz-Więcek. Gorzka komedia ludzka // Gazeta Krakowska, 21.06.1994). Стереотипно скучающие русские помещики вызывают у польской публики явное и в какой-то степени естественное неодобрение; картина скуки, не углубленная за счет элемента иррациональной тоски, в соединении с пассивностью перед лицом судьбы пробуждает внутреннее сопротивление.

Скука, переведенная как nuda, немедленно утрачивает свои национальные свойства, то есть, с одной стороны, то значение, которое функционирует как синоним тоски, а с другой — связь с терзаниями и душой. То же самое, и даже еще выразительней, проявляется в определениях тоски и tęsknoty. Обращает внимание значительная диспропорция между напряженностью обоих чувств: тоска и скука — мучительные состояния души, в то время как nuda — неприятное эмоциональное состояние, а tęsknota — чувство огорчения, вызванное разлукой...

Русская языковая культура предопределяет высокую частотность появления слова «душа» в драматургии Чехова, ибо в согласии с русскими традициями трудно себе представить разговор о какой бы то ни было «внутренней жизни» без использования понятия «души». В польских переводах «Вишневого сада» частотность появления слова «душа» и его производных резко понижается: на 26 русских слов в переводе Ястшембца-Козловского приходится только 14, а у Лопалевского — 12. Таким образом, в переводе в два раза снижается частотность существенного для русской культуры концепта «душа», и это непременно имеет свое значение.

В драматургии Чехова как тоска, так и скука могут толковаться двойственно, поэтому они создают пункты неопределенности: в русской скуке есть место тоске — и наоборот. В польской «тоске» нет места не только «скуке», но и каким-то особым терзаниям. Попросту «неприятное эмоциональное состояние», где доминирует чувство нехватки кого-либо или чего-либо, поэтому и tęsknota требует дополнительного определения этой нехватки. Когда Треплев объясняет матери, почему у Сорина не складывается жизнь

* Другое значение «тоски» ставит ее в один ряд с «унынием», «печалью» и «грустью» (Урысон Е.В. Скука. Тоска // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под ред. Ю.Д.Апресяна. М., 1997.

** Nuda — «неприятное состояние, вызванное отсутствием впечатлений, монотонностью жизни, а также сопутствующая этому угнетенность» (PSWP); «неприятное состояние, неприятные чувства, вызванные бездеятельностью, отсутствием интересного занятия, отсутствием впечатлений, монотонность жизни; черта того, что вызывает такое состояние» (SJP 1982); «неприятное состояние, вызванное бездеятельностью, отсутствием интересного занятия, отсутствием впечатлений или монотонностью жизни» (ISJP:).

*** Скука — «тягостное чувство, от косного, праздного, недеятельного состояния души; томление бездействия. Тоска, грусть, томление горем, печалью» (Даль 1982); «тягостное душевное состояние, томление от отсутствия дела или интереса к окружающему; 2. отсутствие веселья, занимательности, создающее тягостное настроение» (Ожегов 1998); «Состояние душевного томления, тоски от безделия или отсутствия интереса к окружающему» (СРЯ 1984).

в деревне, он делает это одним словом: «Тоскует»; польский аналог «tęskni» требует, чтобы было сказано, по кому или по чему Сорин тоскует, и переводчик, развивая мотив, договаривает: «Tęskno samemu» («Тоскливо одному»). Что значит одному, если с ним живет Треплев и целая стая домочадцев? Одному без жены, потому что хотел жениться и не женился? Или одному без сестры? Вопросы можно умножать, но у Сорина тоска неотвратимо заменилась скукой одиночества.

В отличие от скуки, которая может иметь разные проявления, тоска представляет собой более длительное и глубокое переживание, которое действительно может привести к трагическому финалу. Развитие депрессивного состояния от скуки к тоске показано в «Чайке». Так, в начале пьесы Аркадина постоянно подчеркивает, что сын ее скучен:

Аркадина: Ему хотелось поучить нас, как надо писать и что нужно играть... Наконец, это становится скучно. (В переводе: Doprawdy, mam już tego dość — В самом деле, с меня этого хватит);

Аркадина: Я не сержусь, мне только досадно, что молодой человек так скучно проводит время. (В переводе: ...że młody człowiek tak głupio marnuje życie — так глупо растрачивает жизнь);

Аркадина: Скажите, что с моим сыном? Отчего он так скучен и суров? (В переводе: Dlaczego on taki smutny i obcy? — так печален и чужд).

Как известно, первое самоубийство (от скуки) не удалось. Тоска в значительной мере обусловлена свойствами личности, скуку может испытывать каждый. Треплев несомненно обладает склонностью к меланхолии и в конце пьесы уже откровенно тоскует. Дважды Полина Андреевна повторит почти одну и ту же фразу и дважды в переводе Натальи Галчинской тоска превращается в грусть: «Костя играет. Значит, тоскует» («Kostek gra. To znaczy, że mu smutno»); «Костя играет. Тоскует, бедный» («Kostek gra. Smutno biedakowi»). А ведь переход от скуки к тоске в контексте «успешного» на этот раз самоубийства весьма симптоматичен. В переводе, ни разу не удалось сохранить скуку, а замена тоски на smutek («грусть, печаль») вместо интенсификации чувства ведет в обратном направлении, к его снижению.

В оригинале скука неразрывно связана с тоской (душевными терзаниями), а польская скука лишена этой связи. Какой попало деятельностью не справишься с хандрой, у которой нет, собственно, ни причин, ни поводов. Когда вместо «скуки» появляется «nuda», обостряется позитивистская программа Чехова, выразителями которой служат Ирина и Тузенбах, а особенно Соня. Лешек Колаковский в эссе «О скуке» говорит: «Скука — чувство, которое знает каждый из нас, чувство, обычно воспринимаемое негативно, но в то же время его нельзя назвать страданием» (L.Kołakowski. Mini wykłady o maxi sprawach. Kraków, 2003). Русская скука — это как раз страдание, терзание, мука — близкие к этим термины мы находим во всех словарных определениях. Картина «скуки» приобретает дополнительные значения, если мы эту скуку страдальца свяжем с культом страдания, таким мощным в русской культуре, где страдание рассматривается как одна из православных ценностей. Миллионы людей, говорящих на том или ином языке, очень глубоко и тонко постигли свою собственную психологию, поэтому для каждого русского очевидно, что «страдания облагораживают душу», а это, конечно, хоть и переводимо на польский язык, но нерелевантно для польской культуры. Поэтому за пределами восприятия польского адресата остается основная причина возникновения скуки, которая, по Далю, происходит не столько от безделия, сколько от косного, праздного, недеятельного состояния души*.

Рассмотрим подробнее реализацию концепта скуки и связанной с ней тоски на примере одной из чеховских героинь. Елена Андреевна из «Дяди Вани» скучает, как никто иной у Чехова. Скучает и тоскует она очень по-русски: внешне — от безделья, внутренне — от безысходности. Елена — это персонаж, который идеально реализует словарный концепт скуки, поскольку в тексте находятся буквально все словарные причины скуки: и томление бездействием, и от отсутствия дела, и от отсутствия интереса к окружающему, и от косного, праздного, недеятельного состояния души. Мучительная монотонность пустоты и чувство всеобъемлющего поражения охватывает эту красивую женщину, которая не собира-

* Ср. слова Иванова из одноименной пьесы: «С тяжелою головой, с ленивою душой, утомленный, надорванный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачем живу, чего хочу?»

ется заполнять времени ни работой, как советует ей Соня, ни любовью, к чему призывают ее Астров и дядя Ваня. Елена, подобно лирическому герою песни Вяземского, не хочет и не умеет развлечь свою хандру: она хандру свою лелеет, потому что тоска — это всё, что у нее есть. Пустота скуки становится ценностью. В польском переводе Елена скучает от монотонности и отсутствия новых впечатлений. Пропадает подтекст, основанный на коннотациях русского концепта скука-тоска, где явно видна идея безвыходности: такое состояние — реакция души на бездеятельность, но сама бездеятельность — тоже реакция на скуку, и таким образом создается заколдованный круг русской хандры. Пропадает смысл труда, разговора, ценность музыки и прелесть путешествий — остается повторение механических действий, которые заполняют время, но не душу: пространство души будет заполнено страданием, и это единственная ценность, которую будут защищать герои. «Прототипный сценарий» польской скуки рационален. Отсутствие разнородности и монотонность впечатлений порождают скуку, которую можно преодолеть с помощью искусства, работы, путешествий и разговоров. «Прототипный сценарий» русской скуки-тоски иррационален, она охватывает человека без всяких причин. Как утверждает Урысон, «тоска возникает при полной праздности, для скуки это необязательно» (Урысон Е.В. Скука. Тоска // Новый объяснительный словарь...), а поскольку жизнь всех скучающих и страдающих чеховских героев — это праздная жизнь, то слово «скука» обычно употребляется в значении «тоски», или хандры, депрессии, полного отсутствия жизненных сил, соединенного с болезненной, нерациональной тревогой. От такого состояния, в отличие от польской скуки, нет простых лекарств типа работы, развлечений или путешествий. Такое состояние приводит к самоубийству — неслучайно кончают с собой Треплев и Иванов, особенно замученные «скукой-тоской» герои Чехова.

Весьма характерный разговор с К.С.Станиславским о восприятии «Трех сестер» русской публикой произошел у Арнольда Шифмана во время его вынужденного пребывания в России во время I Мировой войны. Чтобы не было никаких недоразумений идеологического порядка, сразу заметим, что дело происходит до октябрьской революции и речь идет о первоначальной постановке «Трех сестер» в режиссуре Станиславского, а не об известном польской публике спектакле Немировича-Данченко, который был поставлен в 1940 г. и в послевоенной Польше воспринимался как «мхатовский образец» — образец для подражания и укрепления оптимизма в духе социалистического реализма:

«Это было время Великой войны. На спектаклях Художественного театра бывало много военных, только что прибывших с фронта, и много раненых. Мне это представление казалось архипрекрасным как образец психологического реализма, однако неподходящим для людей, которые прибыли в Москву, иногда всего на несколько дней или недель, чтобы отдохнуть, окрепнуть после военных трудов и возвращаться на фронт. Станиславский весьма заинтересовался этими моими наблюдениями и ***приписывал их различию польской и русской натуры.*** Он, наоборот, считал, что ***этот спектакль, полный меланхолии, печали повседневности и тоски, высвобождает жажду иной, лучшей жизни, которую следует создать***» (Arnold Szyfman. Labirynt teatru. Warszawa, 1964).

Говоря о переменах истолкования, которые происходят в текстах Чехова уже на уровне перевода и обусловлены иной языковой картиной мира, мы не пытались показать превосходство «русского» Чехова над «польским» — но пытались уловить ***«различие польской и русской натуры».***

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» В ноябре Краков снова подтвердил свое имя «большой столицы писаного слова». Едва закончился Фестиваль имени Чеслава Милоша, как начался очередной — I Фестиваль литературы имени Джозефа Конрада (2-7 ноября). В Краков приехали в связи с этим заграничные литературные звезды первой величины: Этгар Керет, Паскаль Киньяр и Пер Улов Энквист. И солидная группа польских писателей — среди них Ольга Токарчук, Марек Бенчик, Стефан Хвин, Анджей Стасюк, Ежи Пильх, Яцек Дукай, Кшиштоф Рудовский. И еще ведущие репортеры, например Войцех Ягельский, Катажина Сурмяк-Доманская и Мариуш Щигел.

— Наш фестиваль определяют четыре термина: наглядность, многоязычие, многообразие и воспитание, — сказал художественный директор фестиваля Конрада профессор Михал Павел Марковский. — Мы хотим показать Краков и польскую литературу в мире, огромную разнородность философских и культурных языков, подумать о литературе во многих контекстах (например, кинематографическом или музыкальном) и, наконец, подготовить молодых людей к участию в литературе.

Конрадовский фестиваль организовали фонд «Тыгодника повшехного», Краковское фестивальное бюро и город Краков.

» Параллельно в Кракове проходила 13-я книжная ярмарка (5-8 ноября), в настоящее время главное мероприятие такого рода в Польше. В ней приняло участие 475 экспонентов из Польши и зарубежных стран (Индии, Бельгии, Ирландии, Германии). Встречи с читателями провели более 370 авторов, в том числе Алеша Авдеев, Яцек Денель, Катажина Грохоля, о. Леон Кнабит, Ежи Пильх, Славомир Схуты, Анджей Стасюк, Мартин Светлицкий, Ежи Штур, Ольга Токарчук и многие другие. Большие очереди за автографами выстраивались к неоднозначно воспринимаемому путешественнику Войцеху Цейровскому и к Мартине Войцеховской, автору сборника репортажей «Женщина на краю света». На ярмарке нынешнего года отмечено рекордное число посетителей — свыше 25 тыс. человек.

» Во время Краковской ярмарки было присуждено несколько важных премий. Премия имени Яна Длугоша за лучшую книгу по гуманитарным наукам получила профессор Тереса Хылинская за трехтомную монографию «Кароль Шимановский и его эпоха», вышедшую в издательстве «Musica Iagellonica». «Такое событие случается не раз в год, а раз в десятилетия», — сказал на церемонии профессор Лешек Поленый. Лауреат получила 30 тыс. злотых и статуэтку работы Бронислава Хромого. Премия «Эдиция» за лучшее издание книги досталась «Парижскому сплину» Шарля Бодлера («слово/образ/территория»). Были вручены также премии журналистского конкурса, организованного Польской книжной палатой. Статуэтки работы профессора Бронислава Хромого и денежные премии в размере 5 тыс. злотых получили Ханна Мария Гиза (Польское радио) и Петр Братковский («Ньюсуик-Польша»).

» Присуждаемая 11 ноября, в День независимости, литературная премия имени Юзефа Мацкевича в течение последних лет вызывает смешанные чувства. В июне 2006 г. организационные структуры премии покинул племянник Юзефа Мацкевича писатель Казимеж Орлось в знак протеста против антисемитских выступлений одного из членов жюри. В прошлом году лауреатом был Ярослав Марек Рымкевич, автор очень спорной книги «Вешанье». В нынешнем году премией отмечен Бронислав Вильдштейн за тенденциозный роман «Долина ничтожества» (издательство «М»), представляющий историю Польши последних лет в довольно мрачных красках. Вильдштейн — журналист газеты «Жечпосполита» и Польского ТВ, горячий сторонник люстрации, — показывает в «Долине ничтожест-

ва» смыкание СМИ, бизнеса и политики. Польша в его романе — это страна, управляемая бывшими гэбэшниками. Преобразования 1990-х предстают как заранее запланированная мистификация с целью защитить интересы экс-коммунистов, а одна из главных бед общественной жизни — конечно же, отказ от люстрации. Среди героев легко узнать известные фигуры — например, Адама Михника и Ежи Урбана.

С энтузиазмом воспринял книгу Вильдштейна критик Томаш Бурек, назвавший ее «политическим памфлетом масштаба самых великих, самых хищных. Но это еще и произведение искусства — прекрасное и захватывающее». И, по мнению депутата от «Гражданской платформы» Ярослава Говина, это главный роман прошлого года о современной Польше, «о средоточии зла, стране неотмщенной измены, забытых героев, лжи, трусости, стадного мышления и манипуляций».

» Присужденная Вильдштейну премия, наверное, удивила Северина Блюмштайна, который еще в прошлогодней рецензии под ироничным названием «Выспянский Четвертой Речи Посполитой» («Газета выборча», 2008, 12 июня) писал: «О книге Вильдштейна не стоило бы и писать, если бы не внимание, с которым к ней отнеслись. Многочисленных восторженных оценок правых публицистов не стану цитировать, довольно отзывов на обложке — Ярослав Говин: «Это главная книга о современной Польше»; Рышард Легутко: «Роман объединяет факты, известные нам, с эмоциональной художественной прозой»; Влодзимеж Болецкий: «В третьей части 'Дзядов' Мицкевича в варшавском салоне задают знаменитый вопрос: 'Почему вы об этом не хотите писать, господа?' В 'Долине ничтожества' его поднимает Бронислав Вильдштейн». Всё это культурные, начитанные господа. Мы в школе читали те же самые тексты и, наверное, много других книг. У нас могут быть разные литературные вкусы, но есть всё же и некие стандарты. И оказывается, что нас делит эстетическая пропасть. Я понимаю, что можно разделять политические взгляды Вильдштейна, но не понимаю, как можно «Долину ничтожества» отнести к литературе. Это примитивная политграмота. Бумажный сюжет, бумажные герои, бумажные диалоги. Если бы Михник так со мной говорил о люстрации, как это придумал Вильдштейн, я давно бы уже записался в ПиС».

Жюри премии имени Мацкевича, во главе которого стоит писатель Марек Новаковский, назвало в нынешнем году четырех лауреатов. Ими стали: Михал Войцеховский за «Моральное превосходство свободной экономики», Славомир Ценцкевич за «Дело Леха Валенсы» (нашумевшую книгу, обвиняющую Валенсу в сотрудничестве с ГБ в 1970-х), Гжегож Эберхард за «Писателя для взрослых» (монографию о патроне премии, Мацкевиче), Кшиштоф Коэлер за сборник стихов «Похищение Европы».

Премия имени Юзефа Мацкевича, учрежденная двумя частными предпринимателями, — это медаль с портретом автора «Контры» и цитатой, являющейся его писательским кредо: «Только правда интересна», а также 7 тысяч долларов. Присуждается с 2002 года.

» В этом году лауреатом (уже девятым по счету) премии газеты «Жечпосполита» имени Ежи Гедройца стал Зигмунт Бердыховский, организатор Экономического форума в Кринице, называемого польским Давосом.

— Гедройц любил конкретность, а наша деятельность всегда имела конкретный адрес — экономику, — сказал лауреат во время торжества в Королевском замке в Варшаве. — Я рад, что мое начинание вписалось в пейзаж Центральной Европы.

Премия имени Ежи Гедройца присуждается за заслуги перед польской государственностью лицам, которые в публичной деятельности руководствуются заботой об общественных делах, укреплением положения Польши в демократической единой Европе и развитием добрососедских отношений с государствами Центральной Европы.

» Микроскопическим тиражом, менее 300 экземпляров, вышли в свет дневники Марии Домбровской — первый раз полностью, а не в отрывках. Это тринадцатитомное издание, подготовленное под руководством профессора Тадеуша Древновского, выпустили в свет первое отделение общественных наук Польской Академии наук и комитет по изучению литературы ПАН.

В завещании писательница указала, что дневники могут быть опубликованы в полном виде только через сорок лет после ее кончины. Одновременно она дала разрешение на более раннее издание фрагментов, благодаря чему в «Чительнике» увидели свет две редакции дневников: пятитомная в 1988 г. и семитомная, завершенная выпуском в 2000 году. Первое издание (еще под бдительным оком цензуры) стало настоящей сенсацией: в 1988 г. дневники Домбровской читала вся польская интеллигенция; второе издание вышло уже после реформ без цензорских купюр.

Когда в 2005 г. прошло 40 лет со дня смерти писательницы, оказалось, что в новой экономической ситуации ни одно из польских издательств (в том числе и «Чительник») не в состоянии взять на себя издание полного текста гигантского дневника. Нынешнее малотиражное издание Академии наук увидело свет при финансовом участии министерства науки и высшего образования. Наследники писательницы отказались от гонорара.

Это особое издание — предварительное, без редакторской обработки и комментариев. Тетради с широкими полями для заметок выдержаны в стиле студенческих конспектов. Очень скромное оформление — немного фотографий (в основном менее известных) и фотокопии дневниковых записей. Домбровская вела дневник более полувека (1914-1965) почти без перерывов. Тринадцать томов издания включили в себя около 5600 страниц машинописи. По сравнению с последним изданием «Чительника» добавилось более 54% текста.

— Большая часть нового материала относится к 30-м и 50-м годам, — сказал Тадеуш Древновский. — Исключительно интересны записи, сделанные после смерти Станислава Стемповского (ум. 1952), многолетнего спутника жизни писательницы. Домбровская тогда определенно стала более самостоятельной.

Нынешняя, рабочая публикация адресована преимущественно научным кругам, представителям широко понимаемых гуманитарных наук и художественной критики. 300 экземпляров. Подумать только: пятитомное издание в конце 80-х по очень высокой цене разошлось в 50 тысячах экземпляров и перепродавалось на черном рынке.

» Мариуш Трелинский поставил в Национальной опере в Варшаве «Бориса Годунова» Мусоргского. Большая историческая фреска с действием, разворачивающимся на рубеже XVI-XVII веков, перенесена в наше время; финал драмы разыгрывается в телевизионной студии. Ставя оперу, режиссер обратился к ее первой редакции, завершенной Мусоргским в 1868 году. Он пригласил известных русских певцов, в его спектакле поют Николай Путилин и Алексей Тановицкий (Борис), Сергей Скороходов (Григорий), Анатолий Кочерга (Варлам).

Можно бы ждать успеха, но — не в этот раз. На премьере овации смешивались с недовольным гулом.

««Борис Годунов» Трелинского — спектакль контрастов и противоречий, со многими вопросительными знаками. Самое печальное, что это очередная премьера в Варшаве, в которой постановочные идеи полностью подчинили себе музыкальную сторону», — написал в «Газете выборчей» Яцек Гаврилюк.

Дорота Шварцман («Политика») в рецензии, названной «Борис в «Польсате»» замечает, что в спектакле слишком много очевидных натяжек («Словно носки натягивают на люстру — можно, но зачем?»), и перечисляет многочисленные бессмыслицы и непоследовательности: «Почему Шуйского, который приходит к Борису в пестром пиджаке телевизионного ведущего, сначала колотят гориллы-охранники, а затем он встает как ни в чем не бывало? Почему Бориса, в течение всего второго акта на грани инфаркта, неожиданно исподтишка закалывают стилетом? Зачем возникают стюардессы в розовых юбочках, а боярский хор заменяется сидящими по сторонам сцены футбольными фанатами, а те, в свою очередь, — телевизионной массовкой в стилистике «Польсата»? Монахи — не монахи, а боевики в черных куртках, Пимен же, который поет о создаваемой им летописи, одновременно показывает на какие-то дымящиеся каналы, а боевики неожиданно превращаются в папарацци и делают снимки. Какая-то невнятица».

Обидно за музыку Мусоргского.

» 15 ноября в Варшаве завершился третий фестиваль российских фильмов «Спутник над Польшей» — самый крупный смотр кинематографа России в нашей стране. Было

показано около 120 фильмов, в том числе 14 — в конкурсной программе. Жюри в составе Яцека Хуго-Бадера, Малгожаты Садовской и Януша Врублевского присудило первую премию фильму «Бумажный солдат» Алексея Германа-младшего. Годом ранее этот фильм получил одну из главных премий Венецианского фестиваля.

Второе место присуждено фильму «Палата №6» — экранизации полной загадок и парадоксов повести Чехова (режиссер Карен Шахназаров). Съемки фильма проводились в настоящей психиатрической больнице. Третье место занял «Волчок» Василия Сигарева — рассказ о взрослении, о дочери и ее психопатической матери, живущих в глубокой российской провинции. Этот фильм получил в нынешнем году Гран-при открытого российского кинофестиваля «Кинотавр» в Сочи.

» В середине ноября на экраны вышел осыпанный премиями («Золотыми Львами» и многими другими) на последнем фестивале в Гдыне «Реверс» Бориса Ланкоша по сценарию Анджея Барта — польский кандидат на «Оскара». Такой блистательной картины, говорящей, вдобавок, о принципиальных вещах — о пределах конформизма, о лжи, об исторической памяти — мы давно не видели. Критика почти единогласно считает «Реверс» одним из лучших фильмов, снятых у нас после 1989 года. Фильм Ланкоша сравнивают, с одной стороны, с фильмами Анджея Мунка, а с другой — с такими картинами, как немецкая «Гудбай, Ленин» Беккера или голландской «Черной книгой» Верховена, а также с уже очень далеким по времени французским «Красным отелем» с Фернанделем. Это черная комедия, мелодрама, макабр, детектив и фильм ужасов одновременно.

Здесь не место пересказывать сюжет — скажем только, что действие происходит в 1952 г.; молодой гэбэшник начинает вкушать долгожданную любовь дамочки из варшавской мещанской семьи (это серая мышка предстарческих лет, работающая в отделе поэзии некоего издательства). Шантажом он хочет вынудить ее доносить на сотрудников. Барышня, однако, скорее пойдет на преступление, чем пренебрежет своими принципами. Об этой истории точно написал Януш Врублевский в «Политике»: «Можно смотреть фильм, радуясь его постмодернистской условности, неустанной игре в кинематограф, или только смеясь над карикатурой на сталинизм, не усматривая в принципе второго дна, то есть скрытого горького урока на тему самосознания свободной Польши. Неужто Ланкош, поддержанный выдающимся пером сценариста Анджея Барта, не говорит нам о чем-то большем? Хотя бы о том, что ПНР не так просто обойти молчанием и вымарать из памяти. Тоталитаризм вошел в наши гены, вирус коммунизма обращается с нашей кровью, и его ничем не устранить. С этим нужно согласиться и научиться жить с этим».

«Реверс» Бориса Ланкоша, даже если не получит никакого «Оскара», уже обеспечил себе место в истории польского кино.

» **Прощания.** 6 ноября в Познани умер Никос Хадзиниколау, поэт, переводчик и историк литературы. Ему было 74 года. Он родился в Греции в 1935-м. В возрасте 15 лет приехал в Польшу. Окончил филологический факультет, был доктором гуманитарных наук и научным сотрудником Познанского университета им. Адама Мицкевича, гражданином Польши и Греции. Он перевел произведения 538 авторов на польский язык и 130 польских авторов — на греческий. Опубликовал свыше ста книг, в том числе 35 сборников стихов. В Греции он издал «Польские сказки» и избранные стихотворения нобелевских лауреатов — Виславы Шимборской и Чеслава Милоша. Своим переводом он сделал достоянием польского языка мировой бестселлер Никоса Казандзакиса «Грек Зорба». Высшим достижением его многолетней переводческой работы стал первый польский перевод с древнегреческого «Илиады» (2001) и «Одиссеи» (2009).

Евгений Соболь

КАК ПОЛЯКИ ОПИСЫВАЮТ РОССИЮ

(и не только Россию)

«Пора репортажа» — это организованный Институтом книги общепольский цикл мероприятий, который проходил в ноябре нынешнего года. Несомненно, росту популярности репортажа в Польше способствовало творчество Рышарда Капустинского, чьи книги завоевали признание читателей во всем мире. В рамках фестиваля этого года в Варшаве, Кракове и Познани состоялись встречи с авторами, пишущими о Балканах, Афганистане, Африке и Латинской Америке, а в Гданьск для разговора на тему «Как описывать Россию» приехали Кристина Курчаб-Редлих и Яцек Хуго-Бадер. Они придерживаются заметно отличающихся позиций в понимании того, как надо писать репортажи. Для польской обозревательницы, лауреата журналистской премии им. Казимежа Дзевановского, важны в первую очередь вопросы текущей российской политики, а также фигуры кремлевских руководителей. Она занималась такими вопросами, как чеченская война, нарушения прав человека и злоупотребления властей, за что ее назвали польской Политковской. В свою очередь, журналиста Хуго-Бадера, связанного с «Газетой выборчей», интересуют главным образом человеческие судьбы, и он отмежевывается от политической проблематики.

Яцек Хуго-Бадер считается репортером очень спорным. Помимо традиционных журналистских методов, он не сторонится так называемого репортажа с перевоплощением, который многие его коллеги по профессии рассматривают как мистификацию. Когда он пишет о бездомных, то и сам превращается в бездомного. Его интересует не фасадная, а «темная» сторона России — жизнь алкоголиков, наркоманов, больных СПИДом и преступников. Для Хуго-Бадера важны объективизм и свежесть репортерского взгляда. В Россию этот газетчик обычно приезжает на два-три месяца и собирает журналистский материал в ходе интенсивных странствований, посещая при этом регионы, которые требуют большой выносливости и психологической устойчивости, — такие как Сибирь или территории за Полярным кругом. В этом году в издательстве «Чарне» вышел его новейший сборник репортажей, озаглавленный «Белая горячка».

На еще одной встрече из цикла «Пора репортажа», состоявшейся в Гданьске, приглашенным гостем был Павел Смоленский, тоже журналист «Газеты выборчей». В Польше он известен прежде всего как автор статьи «Новый закон — за взятку, или Приходит Рывин к Михнику». В ней он разоблачил «аферу Рывина», которая разворошила и опрокинула польскую политическую сцену. Важное поле интересов Смоленского — Ближний Восток. Плодом его работы в качестве военного корреспондента был сборник репортажей «Ирак. Ад в раю», а не так давно на полках появился томик «Израиль уже не порхает». В творческом багаже Смоленского очень важной книгой считается «Захоронение для головореза» (2001), за которую его удостоили премии польско-украинского примирения. Несколько статей этого автора, касающихся преступлений Украинской повстанческой армии (УПА) на Западной Украине и опубликованных на страницах «Газеты выборчей», вызвали настоящую лавину писем и протестов. Неудовольствие выражала как украинская сторона, так и польские объединения уроженцев «кресов» (бывших восточных окраин Польши). В результате автор принял решение исследовать «белые пятна» в польско-украинских взаимоотношениях, и отсюда родилась идея написания всей этой книги. Яцек Куронь в свое время подчеркнул, что существенная черта «Захоронения для головореза» — преодоление стереотипных представлений: «В головах у многочисленных поляков застрял стереотип украинского головореза. У многочисленных украинцев — стереотип лицемерного польского оккупанта. А стереотипам присуще то, что, даже описывая частично правдивые события, они представляют собой сплошную ложь».

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В стихотворении «Интеллигенты» Виктор Ворошильский писал: «Этих господ интеллигентов быть не может // Но они вопреки невозможному / существуют // У них нет инстинкта самосохранения // (...) Они горят со стыда / за несовершенство мира / на всех кострах». Вопрос «позиции интеллигенции» в Польше (конечно же, не только здесь) — один из ключевых для понимания хода истории. И спор не только о роли, но и о самом существовании этого общественного слоя продолжается десятилетиями и, безусловно, не угаснет в обозримом будущем.

Этому комплексу проблем посвящен очерк Ежи Едлицкого «Интеллигенция сама себя придумывает» на страницах последнего номера гданьского **«Пшеглёнда политичного»** («Политического обозрения», №96, 2009). Едлицкий, выдающийся ученый и знаток проблемы, пишет:

«Мелкие группы работников умственного труда, которым образование обеспечило профессию и источник существования, можно было с очевидностью обнаружить не позже чем с конца XVIII века. Они играли заметную, обычно радикализирующую роль в критические моменты национальной истории. Но только в середине XIX века они получили коллективное родовое имя «интеллигенция» и провозгласили, пером своих представителей, претензию на моральное водительство, что бы под этим ни понималось. Эта претензия имела два полемических адреса. Она была выражением сопротивления моральной диктатуре поэтов, заражавших молодежь то повстанческим запалом, то тоской по безвозвратному прошлому. И одновременно была вызовом шляхте как фактору, олицетворявшему до той поры непрерывность национальной истории и традиции. Группы с такими, пусть даже спорадическими, претензиями должны были их оправдывать, прежде всего, перед самими собой, и должны были делать это не без пафоса. Противопоставлять благородному происхождению образованность и научные заслуги как лучший титул для общественного признания стало популярным мотивом публицистики и посмертных биографий уже, как минимум, с 20-х годов XIX века. Здесь не было привкуса революционной риторики, согласно которой раздел страны лишил польскую шляхту ее политических прав, заметно пригасил блеск герба, фамилии и родового гнезда. Тем не менее предпочитать образованность и гражданские заслуги означало выбор в пользу такого общества, где элита открыта талантам и труду независимо от происхождения, то есть стремление «ученых» людей «стать во главе народа» вырастало из убеждения, что профессиональные умения обуславливают право интеллигенции как таковой указывать народу цели и инструменты коллективных действий».

Менее чем полвека спустя позиции этой группы укрепились:

«Патриотически настроенные публицисты и литераторы, видящие в интеллигенции (и в самих себе) силу, призванную народом руководить общественным мнением, стали пользоваться огромным успехом. Во всяком случае, все политические течения начали считаться с интеллигенцией и стремиться взять ее под свое крыло. Это относилось к самым разным политическим силам мятущейся середины XIX века: и к нетерпеливым «красным конспираторам», готовившим новое восстание против России, а вместе с ним и раздачу крестьянам земли, и к варшавским лоялистам — сторонникам реформирования Царства Польского, и к молодым консерваторам в австрийской Галиции. Одни считали всю польскую интеллигенцию заговорщиками, другие же, напротив, видели в ней тех, кто руководит органическим [позитивным] трудом, требующим разума, а не порыва чувств. (...)

Восстание надолго скомпрометировало как идею вооруженной борьбы и народного возмущения, так и идею соглашения со странами, разделившими Польшу (нашедшую поддержку лишь в австрийской Галиции после 1867-го). Только сторонники органического труда, осторожного, конструктивного и не провоцирующего репрессии, могли оставаться при своих убеждениях. В периодике и книгах, подвергавшихся жестокой цензуре, они сумели сформулировать программу мышления и действий, основанную на убеждении, что беда поляков не только в отсутствии свободы, но еще и в огромном цивилизационном отставании (...). Из этого выросла доктрина польского либерального прогрессизма, с культом научного и технического знания, с признанием моральной суверенности личности, с сильной надеждой сравняться с Западной Европой вопреки временным гримасам истории. Таким направлением могла руководить только образованная интеллигенция, и позитивисты возлагали на нее бесчисленные обязанности. (...)

Для характеристики Центральной и Восточной Европы в XIX веке более существенными кажутся не какие-либо особенности социальной структуры, но та поразительная идея, что периферийные интеллектуальные и профессиональные элиты, часто недостаточно образованные, действующие без экономических средств, в чужих самодержавно-бюрократических имперских государствах, одной силой воли и преданности своей цели сумеют не только привить массам национальное самосознание и стремление к независимости, но и вывести всё общество на путь современного светского прогресса, на котором им придется вдобавок бороться с недоверием консерваторов, сопротивлением Церкви и самих подопечных. Эта идея, конечно, носила черты мифологической идеализации, не считалась с условиями жизни и индивидуальными стратегиями, но именно как миф продемонстрировала огромную силу примера, сказавшись на формировании особой интеллигентской этики, т.е. стиля жизни, проникнутого убеждением, что приобретенные образование и культура обязывают служить народу и обществу. Такая этика возникала там, где не было условий для свободного, конституционно гарантированного выражения коллективных стремлений и надежд. Тогда группы людей, привыкших мыслить идеями и излагать их письменно, принимали роль выразителя или вдохновителя подспудных общественных чаяний. Они тем охотнее возлагали на себя эту роль, что она придавала им ореол апостолов свободы, а со временем позволяла даже питать уверенность, что они направляют ход истории».

История интеллигенции — это и история ее критики:

«Дискуссия в прессе на темы роли и задач интеллигенции, на высоту которых она всё никак не может подняться, обострялась в годы, предшествующие I Мировой войне и сразу после нее, в годы формирования очертаний независимого польского государства. В этом государстве профессиональной интеллигенции и образованным партийным кадрам довелось занять ведущие позиции в Сейме, в сменяющих друг друга правительствах, в чиновном, офицерском и дипломатическом корпусе, а отчасти даже в экономике. В связи с раздроблением крупной земельной собственности и снижением экономической роли земельных магнатов, а также из-за запаздывающего развития польской буржуазии интеллигенция стала своего рода ведущим классом в государстве, будучи, однако, разделена борьбой политических течений и индивидуальных позиций. (...) Если коллективный престиж интеллигенции, несмотря на ее дезинтеграцию и склонность к крайним лозунгам, в межвоенное двадцатилетие возрастал, то это происходило благодаря несомненным успехам в области государственного управления, просвещения, в судебной системе, в развитии коммуникаций, восстанавливаемых после ста с лишним лет разделения. Этот престиж еще более возрос во время II Мировой войны, когда интеллигенция доказала свои конспиративно-организационные таланты, построив при немецкой оккупации институты подпольного государства, Армию Крайову, сформировав подпольное среднее и высшее образование, харцерство, подпольную печать, а в конце также, хотя и с опозданием, оказывая помощь евреям, и заплатила бóльшую, нежели любой другой класс польского общества, кровавую дань двум оккупациям».

В конце очерка говорится:

«В Третьей Речи Посполитой спор об интеллигенции (о ее исторической и современной роли) всё продолжается, и каждое его возобновление вызывает бурные эмоции. Участников и зрителей этих непрекращающихся дебатов более всего затрагивает вопрос, каким образом польская интеллигенция как целое (или отдельные профессиональные группы, а среди них прежде всего писатели) сохранилась в период сталинизма и можно ли оправдать моральное падение или интеллектуальную наивность тех ее представителей, кто поддерживал тоталитарную власть. Не похоже, чтобы в скором времени удалось прийти к консенсусу, так как вопрос об отношении к ПНР постоянно увязывается с современными политическими конфликтами. Предметом не менее горячего спора становится и вопрос, имеются ли основания для существования интеллигенции в системе демократии и рынка, или интеллигенция вообще «сходит со сцены». (...)

Уж сколько раз проводились похороны интеллигенции, а она всё возвращается, как вампир. Или как миф? Пусть будет миф. Возможно, зачем-то нужен такой миф о целом классе — хорошо образованном, культурном, знающем языки, привязанном к своей родине и заботящемся об общественном благе. Классе, пусть и не свободном от слабостей и ошибок, иногда позволяющем увлечь себя страшной утопией, но имеющем, однако, внутренний гомеостаз самокритики. Классе, который не может избавиться от анархической убежденности, что общественные обязанности — это отнюдь не то же самое, что зарабатывание денег, и что есть поступки, которых надо стыдиться. Классе, который не умеет видеть мир частями и постоянно питает какие-то сомнения. Классе, которого нет, потому его всё разделяет, а объединяет черт знает что».

В контексте эссе Едлицкого интересно обратиться к пространному исследованию Яна Скужинского «Созревание. У истоков демократической оппозиции» в последнем номере **«Зешитов хисторичных»** («Исторических тетрадей», №169, 2009), выпускаемых парижским «Институтом литерацким» — издательством

«Культуры», которое основал Ежи Гедройц, а ныне возглавляет его брат Генрик. Основательно документированная работа Скужинского посвящена изменению в конце 1960-х позиций молодой интеллигенции, представленной тремя группами: левой ориентации, объединенной вокруг Яцека Куроня и Адама Михника, которую официальная пропаганда окрестила «командосами»; харцерской организации, представленной нынешним депутатом Сейма Антонием Мацеревичем; и молодежью, связанной с клубами католической интеллигенции и Люблинским католическим университетом, с которой, в свою очередь, был связан главный организатор забастовки на Гданьской верфи в августе 1980-го, нынешний маршал Сената Богдан Борусевич. Скужинский пишет:

«Организованная, осознающая свои цели оппозиция второй половины 70-х не родилась из ничего. Созданию Комитета защиты рабочих (КОРа) предшествовало формирование нескольких независимых групп, которые искали собственного места на политической арене ПНР и четкого самоопределения. Это оппозиционное созревание охватило преимущественно молодежь, родившуюся в первые послевоенные годы, для которой события марта 1968-го и декабря 1970-го стали важнейшим наглядным уроком о сущности режима. Основной вопрос для этого поколения стоял так: каким образом реакцию несогласия и возмущения превратить в систематическое сопротивление коммунизму. От этического сопротивления к политической программе — таким был путь, проделанный в последекабрьские годы группами Адама Михника, Антония Мацеревича и Богдана Борусевича».

Рассматривая эволюцию этих групп, Скужинский пишет далее, в частности, о роли, которую сыграло в формировании их позиций эссе Лешека Колаковского «Тезисы о надежде и безнадежности», опубликованное в парижской «Культуре», а также о том, что «все молодежные оппозиционные группы нашли для себя много важного в книге Богдана Цивинского «Родословные непокорных» («Вензь», 1971). В ней католический мыслитель и историк представлял фигуры политиков и общественных деятелей рубежа XIX-XX веков, показывая роль этических ценностей в борьбе за независимость — как духовную, так и национальную. Его рассказ о прошлом можно было прочесть как обращение к современности — как призыв к формированию активной позиции. (...) Традиции непокорных интеллигентов рубежа веков должны были найти продолжателей».

В дальнейшем развитии событий важными оказались публикации Яцека Куроня и Антония Мацеревича. Первый, как пишет Скужинский, «противился любым организационным формам — принятию названий, сбору членских взносов, ведению списков членов. Оппозицию должны были строить только широкие товарищеские контакты. Он решительно отвергал конспирацию». Мацеревич же, печатавшийся под псевдонимом в лондонском «Анексе», занял противоположную позицию:

«Отрицание легальности как принципа деятельности оппозиции входило в прямое противоречие с предложениями Яцека Куроня. (...) В перспективе предлагаемый Куронем легализм не имел смысла — мог бы затруднить борьбу, которую вело революционное меньшинство. Этот спор лишь частично был разрешен созданием [в 1976 г.] Комитета защиты рабочих, организация и деятельность которого ближе идеям Мацеревича, нежели Куроня. Впрочем, взгляды последнего эволюционировали. Но — по сути — борьба этих двух представленных выше стилей мышления будет продолжаться в КОРе вплоть до конца существования комитета».

В книге, посвященной организации и деятельности комитета и названной просто «КОР», Ян Юзеф Липский, один из активнейших его деятелей, специально подчеркивает, что как образование КОРа, так и концепция его деятельности в равной мере обязаны и Куроню, и Мацеревичу. Одно не подлежит сомнению: они оба были продолжателями той традиции польской интеллигенции, которую описывает в своем очерке Ежи Едлицкий. И словно сами собой для характеристики положения современной польской интеллигенции вспоминаются слова Стефана Жеромского, сказанные еще в 1919 г.:

«Сословия крестьян и рабочих, даже батраки, оказались под защитой закона, организовались в движения и партии и образовали из себя общественные силы, обрели общественную функцию, а интеллигенция, низведенная до роли пролетариата, мизерно оплачиваемая на фоне дороговизны, в сравнении с уровнем потребностей и стандартом жизни, осталась неорганизованной, разбитой на группки, втиснутой в различные движения, пользующейся различными программами разных общественных групп — пусть она и создает эти программы и как-никак делает тут и там личную карьеру. Как общность, интеллигенция осталась собой — этакой гувернанткой, весьма образованной, знающей логарифмы и поэзию, но безнадежно блуждающей между «двором», «избой» и «службой»».

Ну что же — хотя бы осталась собой.

Я ОЧЕНЬ НЕ ЛЮБЛЮ ОБ ЭТОМ ГОВОРИТЬ...

Беседа Гжегожа Пшебинды (под псевдонимом Генрик Цивинский) с Натальей Горбаневской

Несколько предварительных замечаний от главного действующего лица: В разговоре о демонстрации речь все время идет о семерых участниках, хотя их было восемь и в книге «Полдень» есть «Рассказ Тани Баевой, восьмого участника демонстрации». Но, когда все мы были задержаны, Таня при нашей поддержке решила дать показания, что не участвовала в демонстрации, а лишь была возле нас на площади, и в те — еще советские и вполне опасные — времена я не считала нужным лишний раз напоминать о ней.

Читатель заметит, как я — даже, пожалуй, неумеренно — настаиваю здесь на необходимости издать «Полдень» по-польски. Через год после публикации этого интервью я познакомилась с теми, кого потом назвала «мои вроцлавяне» (см. Наталья Горбаневская. В Польше. Разрозненные заметки // Континент №58, 1988), они тогда же загорелись идеей издать книгу, нашли переводчиков, в 1990-м перевод был готов и... в 2006-м издан (об этом см. в предисловии к новому русскому изданию «Полдня», М.: Новое издательство, 2007)).

Кассета с интервью не сохранилась, и его пришлось переводить обратно с польского. Я благодарю Сергея Политыко, который сделал это отлично и быстро после моих бесплодных длительных попыток перевести самоё себя. Я исправила в этом тексте некоторые явные ошибки и сделала кое-какие уточнения.

НГ

Направо пойдешь — коня потеряешь, налево пойдешь — сам погибнешь, прямо пойдешь...
Из русских народных сказок

— Я хотел бы начать с вопроса, который тебе уже задавали много раз. 25 августа 1968 года вместе с шестью друзьями — перечислю их: Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Виктор Файнберг, Павел Литвинов, — ты вышла на Красную площадь протестовать против вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию. Почему вас было только семеро, и отдавали ли вы себе отчет в том, что начинается что-то новое в истории столкновений коммунистической власти с оппозицией?

— Почему нас было только семеро? Этот вопрос можно сформулировать несколько иначе: откуда взялось нас столько, чтобы выйти на Красную площадь и провести там демонстрацию? Тем более что никто из нас не мог знать, что с нами случится. Догадки были самые разные — начиная с того, что никто нас не тронет и после демонстрации мы спокойно разойдемся по домам, и вплоть до того, что нас там попросту на месте убьют. В то время в Советском Союзе было очень немного попыток проведения демонстраций. С 1965 года, ежегодно 5 декабря, проходили демонстрации на Пушкинской площади, и это стало как бы традиционным местом. Но и там задерживали, не говоря уже о том, что когда на той же Пушкинской площади проводили демонстрацию не в этот традиционный день, то людей просто сажали — такой демонстрацией был вызван первый процесс Буковского, а с ним, прибавлю, и участника нашей демонстрации Вадима Делоне. Они вышли, чтобы протестовать против ареста своих друзей... Но на Красной площади до тех пор никто не демонстрировал... Кроме того, одно дело — демонстрация против чьих-то арестов. А тут получалось, что мы проводим демонстрацию против Советского Союза, партии и правительства, более того — против всего Варшавского

договора. Мы отлично понимали, что в случае ареста наше деяние могут квалифицировать как угодно, вплоть до «измены родине». Другое дело, что они предпочли эту статью в ход не пускать... но могли. А о предстоящей демонстрации знали десятки людей, и каждый решал сам за себя, идти или нет.

— Скажи: как выглядели допросы и следствие? Что с вами потом случилось?

— Кто хочет знать, как выглядело следствие, пусть читает мою книгу «Полдень». Несмотря на всю любовь, которую как будто питают ко мне поляки, ее до сих пор не перевели на польский... Там я действительно рассказала всё подробно, более того — тогда я куда лучше всё помнила. Мне самой, чтобы рассказывать точно, пришлось бы обращаться к книге. Надеюсь, ты это понимаешь?

— Да...

— Лучше было бы, чтобы поляки поменьше меня превозносили, зато перевели бы книгу «Полдень». Зачем твердить, какой я, видите ли, замечательный человек. Никакой я не замечательный человек, я человек обычный... сам же видишь. Сидишь напротив и видишь. Расскажу тебе лучше действительно замечательную историю, которую очень люблю рассказывать. Лучшего комплимента ни от кого, тем более от поляка, не слышала. Приехал в 77 или 78-м году в Париж Марек Эдельман. Поглядел на меня и сказал: «Горбаневская, так ты такая, а я думал: большая, как шкаф! [Gorbaniewska, jesteś taka, a myślałem, duża jak szafa]» Вот приятно-то: я «такая», я не как шкаф... Пусть бы собрались несколько человек и вместо того, чтобы петь мне хвалы, перевели книгу «Полдень». Я ж тут не себя хвалю. Я собрала там весь материал, в том числе полную запись суда над пятью демонстрантами. Меня, как ты знаешь, на суд не пустили. Черновики записей, сделанные присутствующими в зале, я только редактировала, соединяла в целое. Давала на проверку, чтобы убедиться, всё ли хорошо поняла... О следствии же я рассказываю со своей точки зрения — как я его тогда видела... Включила в книгу также ряд документов, написанных другими авторами. И всё в этой книге описано...

— Это происходило в 1968 г., уже после суда над Бродским, после процесса Синявского и Даниэля; уже после того, как не были пропущены в печать «неблагонадежные» произведения Лидии Чуковской, Александра Солженицына* и даже Константина Симонова. Вы обо всём этом знали, следили за кампанией травли Солженицына в «Литературной газете»? Читали произведения Солженицына в самиздате?

— Разумеется, мы читали всё и сами перепечатывали. Самиздат тогда распространялся невероятно широко... Но тогда за него так еще не преследовали — преследовали, но не так, как стало потом.

Тут нужно сказать, что и раньше судили многих по политическим обвинениям. Но об этих процессах мало кто знал. Вообще мало кто знал, что такое политлагеря. Первое свидетельство о таких лагерях и о размахе политических репрессий послесталинских времен дал в своей книге «Мои показания» Анатолий Марченко. Это был 1967 год... Могу сказать, что даже в нашем кругу, где кое-что мы знали, слышали об арестах и процессах — не только о процессе Синявского и Даниэля, но и, например, о процессе Эдика Кузнецова и Володи Осипова в 1962 г., — то есть кое-что, повторяю, мы знали, но даже для нас картина лагерей, представленная у Марченко, и показанный им размах репрессий, категории политзэков, которые он описал, — всё это было, можно сказать, сенсацией. Эта книга дала импульс тем, и не только в Москве, кто начал собирать информацию о том, что происходит в лагерях. В том же 1967 г. мы узнали о волне политических процессов на Украине, прошедших в 1965-1966 годах. До нас тогда дошла книга Вячеслава Чорновила «Горе от ума» — о политических процессах 1965 года. Сам Чорновил был осужден за нее в том же 1967-м. Таким образом, в истоках нашего демократического опыта лежали две книги: Марченко о лагерях и Чорновила — не об одном, как у Алика Гинзбурга, а о целой волне политических процессов.

— Значит, тут вас учил не Солженицын, а они?

— Да, об этом мы узнавали не от Солженицына... Солженицын — это нечто совершенно иное, но в «информационном» смысле это для нас история. То же самое — Шаламов, Евгения Гинзбург. А мы были тогда молоды, и происходило уже что-то новое...

---

* В журнале напечатано «Александра Гинзбурга», но мне кажется, что по смыслу здесь должен разуметься не самиздатчик Гинзбург, автор книги «Дело Синявского и Даниэля», сразу же за нее арестованный, а Солженицын, в то время еще член Союза писателей, но уже автор не пропущенных в печать романов. — *НГ*

— Сколько тебе тогда было лет?

— В 66-м мне исполнилось 30, а было много людей моложе меня. Кто-то* верно заметил, что в правозащитном движении того времени самым активным было поколение, родившееся примерно между 1936 и 1942-м... Не только те, кто был моложе нас, но и те, что были старше, присоединились чуть позже. Было несколько исключений, но даже пример Сахарова подтверждает этот тезис: Андрей Дмитриевич присоединился к движению летом 1968 г., когда выступил со своим трактатом. В это время уже шла большая кампания подписания писем протеста, до того уже действовал Буковский (родившийся в 42-м, он этим занялся очень рано...) Марченко и Чорновил — вернемся к исходному пункту — были духовными отцами «Хроники текущих событий». Знаешь, о чем я? Это такой информационный самиздат, которого до тех пор было так немного.

— Среди вас тогда был Буковский. Ты, наверное, знаешь, что его книга воспоминаний «И возвращается ветер» стала в Польше...

— ...бестселлером...

— Все читают с огромным интересом. А ты что бы могла нам рассказать о своей «психушке»? У тебя тоже, как у Буковского, этот опыт. В Польше знают в большей мере о том прошлом, которое касается лагерей, описанных Солженицыным и Шаламовым. О «психушках» большинство поляков узнало только из книги Буковского.

— Начну с того, что я очень не люблю об этом говорить. Это для меня мучительно. Я никогда не была в лагере, так что может показаться, что не имею права сравнивать, но мне всегда казалось, что психиатрическая тюрьма страшнее лагерей. Это подтверждают те, кто прошел и лагерь, и психтюрьму**... Может, ты знаешь, что я когда-то записала кассету по-польски, где довольно подробно рассказываю о психиатрической тюрьме. Эта кассета была в Польше выпущена, кажется, CDN...

— Кассета не до всех дошла. Расскажи еще раз для читателей краковской «Арки».

— Не очень бы хотелось повторяться, я скажу в общем, а потом добавлю, что мы знаем сегодня о карательной психиатрии... Так вот, почему психиатрическая тюрьма хуже лагеря? Во-первых, это обычная тюрьма, и всё здесь как в тюрьме: запертые камеры, решетки на окнах, на стенах колючая проволока — конечно, под напряжением... По углам вышки, охранники с овчарками. Прогулки в замкнутых загонах (прогулочных дворах). Правда, в Бутырке прогулки по крыше, а здесь всё же по земле. И забор не каменный, а деревянный. Но какая теснота! По двору даже ходить было трудно, мы там не помещались... Ходили гуськом... Когда потом меня из Казани привезли в Москву, в Бутырку, и когда я входила в подвалы, в эти страшные, столько раз описанные подвалы Бутырки, я чувствовала себя так, словно вернулась домой, в родной дом. Мне там было хорошо... Но ужас психиатрической тюрьмы не в том, что это просто тюрьма...

— Это тюрьма психиатрическая...

— И людей там лечат. Лечат от первого дня до последнего. Может, где-то было и не так, не знаю. Может, где-то иногда и не лечили. В Казани лечили всех без исключения от первого до последнего дня. Мне давали лекарство, которым теоретически должны лечиться галлюцинации, «голоса» и бред. Ни галлюцинаций, ни «голосов» у меня никаких никогда не было, про них даже нигде и не говорилось. Может быть, мои убеждения считались бредом? Но и о бреде ничего в акте экспертизы не сказано. Тем не менее мне давали это лекарство, как, впрочем, всем политическим. Это была своего рода пытка, так как это лекарство, которое действительно используется в психиатрии в тяжелых случаях, вызывает побочный эффект — симптомы болезни Паркинсона... У разных людей это проявлялось по-разному. У моей подруги Оли Иофе стали дрожать руки, а я не могла сосредоточиться. Читаю страницу текста — и забываю, что было вначале. Отлично помню, как мне дали номер «Юности» с «Отелем «У погибшего

---

* Вениамин Иофе, ныне уже покойный, в разговоре со мной. — *НГ*

** В польском переводе моих слов везде употреблено слово «психушка», которое я не люблю и не произношу никогда. Психиатрическая тюрьма (психиатрическая больница специального типа, СПБ) — заведение слишком серьезное, чтобы удовлетвориться таким легковесным термином.

альпиниста»» Стругацких. И я читаю, несмотря ни на что читаю, потому что надо чем-то себя занять. И вот прочла первую страницу — с заголовком, так что неполную страницу, — и понимаю, что не знаю, что я читаю, не помню, что было абзацем выше... Я имела право два раза в месяц писать письма семье. Разрешали писать четыре тетрадных страницы, и я их писала по несколько часов: все время задерживалась, мучилась, мне трудно было уследить за движениями своей руки, которая водила пером по бумаге...

— А зачем вас заставляли принимать это лекарство?

— По отношению к политзаключенным это, как я уже сказала, была форма пытки. Все, в том числе и врачи, знали, что это не лечение, а мучение. Но это не было самым страшным. Помнишь, Буковский рассказывает, как всё время чувствуешь непреодолимый страх, что и в самом деле сойдешь с ума. Более того, боишься, что уже начинаешь терять рассудок, но еще этого не замечаешь. Известно, что «все сумасшедшие считают себя здоровыми». Я каждое утро просыпалась с мучительной мыслью: уже или еще нет? Знаешь, когда человек об этом всё время думает, он уже тем самым подрывает свою психику. А граница между нормой и безумием очень зыбкая, ее трудно установить — каждый психиатр, и западные тоже, тебе это скажет. Я, наверное, только одного человека встретила, который не чувствовал этого страха. А так все заключенные, с которыми я разговаривала, этот страх знали. Петр Григорьевич Григоренко, например, писал, что у него в Ленинградской СПБ был сосед, доктор наук, географ, которого посадили за какие-то письма правительству или в газету. Он уже семь лет сидел там и всё время писал письма, что его посадили незаконно. Петр Григорьевич ему говорит: «Да стоит ли им письма писать? Это выглядит ненормально». А этот человек поглядел на него и сказал: «А вы, Петр Григорьевич, думаете, что можно здесь просидеть семь лет и остаться нормальным?» Этот человек так говорил о себе. Я видела, правда, нескольких людей, кто сидел довольно долго и оставался здоровым, но видела и тех, кто пришел здоровым и там сошел с ума. И не только видела — об этом говорили надзиратели и медсестры, а им-то с чего выдумывать? Я видела женщину, которая пришла туда здоровой, а после лечения электрошоком у нее были пробелы в памяти, видела и такую, у которой личность была полностью разрушена... И я всё время думала: а вдруг и я стану такой же?

— А потом ты оказалась в эмиграции?

— Когда меня сажали, понятия «эмиграция» еще не было. А вот когда я отсидела два года с гаком, уже наступил перелом — началась массовая эмиграция...

— Это был 71-й год?

— Я вышла в феврале 72-го. И неожиданно обнаружила, что все мои знакомые говорят об одном: уезжать или не уезжать. У меня тогда была абсолютно четкая позиция: не уезжать! Так было, кажется, до изгнания Солженицына. Дело в том, что при выходе я сказала врачам на комиссии (хотя ничего такого не написала, только устно), что, разумеется, поскольку у меня двое детей, я не должна была заниматься самиздатом и т.п. и в будущем ничем таким заниматься не буду... Говоря так, я прекрасно понимала, что буду, хотя куда более скрытно. И в самом деле, я снова готовила материалы для «Хроники текущих событий», первым редактором которой когда-то была... Но этого не знали даже очень близкие друзья. Полная конспирация.

И никаких писем не подписывала. Но вот, когда высылали Солженицына, я была у него дома. Дежурила там у телефона. Телефон выключили ненадолго... Да... это была еще не высылка, это был арест. Телефон как раз выключили, когда его забирали, буквально на полчаса, а потом снова включили. И я туда приехала. Потом собралось много людей, был Андрей Дмитриевич Сахаров. Они безуспешно пробовали пробиться в прокуратуру, так как Солженицына забирала якобы прокуратура. (Но потом оказалось, что ни в какую прокуратуру Солженицына не повезли, а он находится в тюрьме в Лефортове.) А они пришли сюда... Тут позвонили, насколько я помню, из Канады и попросили Сахарова сделать заявление. И он что-то сказал — у него не было готового текста, он просто сказал по телефону, что он думает. А мы все, кто там был, присоединились, сообщили свои фамилии. И я свою — в первый раз. Это была ситуация, в которой я не могла смолчать и оставаться анонимным секретарем при телефоне...

— ***Так что молчание* рухнуло?***

— Я должна была сказать, что поддерживаю заявление Сахарова. Но я знала, что такие ситуации будут повторяться. А это означало снова психиатрическую тюрьму. Не знаю, можно ли решиться еще раз на лагеря, но на психиатрическую тюрьму — никогда! Снова говорить психиатрам то, что им уже говорила, — этого бы я не смогла. Не сумела бы сказать: «Да, я с вами согласна, я была больна». Не смогла бы выдавить: «Да, я не подумала, что у меня двое детей». Второй раз такое не говорят. Знаешь, как у нас называют психиатрическую тюрьму? «Вечная койка». Для меня бы точно была вечная. Поэтому в конце концов я решилась уехать. Это заняло полтора года. Сначала я пробовала выехать по приглашению во Францию, потом, когда это не вышло, получила израильскую визу. Я бежала от смертельной опасности, потому что смерть духа и разума страшнее смерти тела. Когда Солженицын назвал систему психиатрических репрессий «духовным Освенцимом», он не преувеличивал. Это и в самом деле Освенцим духа, Освенцим разума, там человека словно пропускают через газовую камеру, откуда выходит только живое тело. И всё же, убегая даже от такой опасности, я по сей день считаю себе дезертиром.

— ***Ты согласна с Солженицыным, что эмиграция — это побег?***

— Если говорить о еврейской эмиграции, которая своей родиной считает Израиль, то здесь всё ясно. Пусть уезжают и люди, которые ищут лучшей жизни. Но человек, которому дороги судьбы России (это относится и ко мне) должен, как никто иной, взвесить все «за» и «против». Для ясности скажу, что слово «дезертир» для меня не звучит так стопроцентно негативно, как это пыталась нам вбить в головы советская пропаганда. Бывают обстоятельства, когда нет другого выхода. Тем не менее это все равно дезертирство. Знаешь, почему я так много здесь работаю? Во-первых, чтобы сделать то, чего там не сделала, а во-вторых, чтобы сделать то, чего там бы сделать не смогла... Даже если бы меня не арестовали. Там у меня не было бы таких возможностей, как здесь... Но, с другой стороны, то, что я сделала бы там, имело бы больший вес... Как я жалею, что меня не было рядом с Ларисой Богораз, когда умер Толя Марченко... Лариса для меня не только жена Марченко, не только правозащитник, но прежде всего мой друг, самый любимый в мире. Я просто не была в этот момент физически рядом, а в этот день надо было быть с ней физически. Заявления — это одно. Надо было быть там, сесть рядом с ней, может, не знаю, поплакать... но быть рядом. А меня там не было.

— ***Ты сделала свой выбор раньше...***

— Каждый выбор связан с потерей. И мы не знаем, чем жертвуем. Свободный выбор всегда связан с какой-то утратой. Господь, наградив человека свободой выбора, на самом деле возложил на нас тяжкое бремя. Насколько легче было бы жить, если бы Бог просто приказывал: «Ступай туда, сделай это». А если, как это говорится в русских сказках: «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что», — ведь мы уже раньше отказались от того, что могли бы иметь, если бы пошли в другую сторону. Если кто-то думает, что христианство, в сравнении с иудаизмом, облегчило человеку жизнь, дав свободу выбора, он глубоко ошибается! Христианство сделало человеческую жизнь еще более трудной и более страшной. Но всё же всякий раз, когда человек совершает выбор, он куда-то движется...

— ***Ты уже упомянула Ларису Богораз. А как сложилась жизнь у других участников демонстрации 1968 года?***

— О Ларисе ты, наверное, знаешь всё. После ссылки она вышла замуж за Марченко. Пошла за демонстрацию в ссылку, где была четыре года, а позже делила ссылку с Толей... Константин Бабицкий живет до сих пор в России**... Вадим Делоне умер молодым в 1983 г. в Париже... Файнберг живет во Франции... Литвинов и Дремлюга — в США.

— ***А Лариса связала свою жизнь с человеком, чья книга была для вас катехизисом?***

— Когда Толю в 75-м году арестовали и потом отправили в ссылку, его выслали — я думаю, это был чистой воды садизм — в ту самую Чуну, где раньше Лариса отбывала свою ссылку и куда Толя приехал к ней, выйдя из лагеря. Так вот, оказавшись на свободе, она большую часть жизни проводила

* В польском тексте вопрос звучит: «Так что конспирация рухнула?» Но конспирация моего участия в «Хронике», разумеется, от этого не рухнула. Вот свое «публичное молчание» я нарушила. — *НГ*

** Умер в 1993. Лариса Богораз умерла в 2004. — НГ

с мужем в Чуне, изредка приезжая в Москву... Потом у Толи кончилась ссылка. Ему не разрешили поселиться ни в Москве, ни в Московской области, ни даже в Тарусе, где они раньше жили. И они оказались во Владимирской области. Он своими руками на пустыре построил дом. Начались новые преследования, ему сказали, что у него нет разрешения. Дом стали ломать — а окончательно сломали после нового ареста. Он тогда получил десять плюс пять. Это было в 81-м году.

— Такой приговор: 10 лет лагерей плюс 5 лет ссылки — означает смерть...

— Да. Мы тогда написали, что это медленная казнь. Мы, то есть «Континент», в заявлении по делу Марченко написали также и о других осужденных с таким приговором. Написали, что этот приговор регулярно выносят бывшим политзаключенным, которые уже много отсидели и подорвали свое здоровье. И посмотри, сколько из них умерло: Василь Стус, Валерий Марченко, Юрий Литвин, а теперь Анатолий Марченко...

— Я знаю потрясающие стихи Стуса. Надежда Мандельштам писала когда-то: «У нас убивают за стихи, это знак, что ценят поэзию». Она имела право так писать, поскольку ее муж отдал жизнь за свои стихи...

— Стусу «гуманно» дали не 10+5, а 8+5, но он не дожил до конца и этих восьми. Мы тогда писали, что не знаем, доживет ли Марченко до своих пяти лет ссылки. Их всех забирали начиная с 77-го года — и вот как раз первые «десятки» стали заканчиваться, первым кончился срок у Пяткуса, и еще никто не отбыл ссылку... Остальные еще в лагерях или уже умерли. Ты меня слушаешь?

— ...

— Толя держал четырехмесячную голодовку, когда они наконец вызвали Ларису и сказали: «Пишите прошение о помиловании с учетом состояния здоровья и просите о выезде в Израиль со всей семьей». А она: «Я должна увидеться с мужем». Они: «Свидания не разрешим. Пишите». Она понимала, что он погибнет, и написала. Но его уже не спасла... А через полтора месяца после его смерти (!) Лариса получила ответ на свою просьбу о помиловании — отказ... Вся эта история очень напоминает сталинские времена — так что времена Горбачева ничем существенным не отличаются. У меня есть подруга, сейчас живет в Израиле. Ей в 1951 г. было 19 лет, ее приговорили к 25 годам за участие в молодежном кружке. Трех мальчиков по их делу расстреляли... А остальных так никогда и не реабилитировали, выпустили по амнистии. Родители расстрелянных получили в 56-м году бумажки: «Дело вашего сына пересмотрено, смертная казнь заменена 10 годами лагеря». Мне кажется, что ответ Ларисе на просьбу о помиловании не менее циничен... Поэтому пусть никто не говорит об оттепели. Да, выпустили людей. Но о н и были вынуждены их выпустить в с в о и х же интересах. Ну, ладно. Я думаю, что поляки, которые за последние три года видели три амнистии, прекрасно понимают, зачем власти это делают.

— В эмиграции ты сотрудничаешь с еженедельником «Русская мысль» и ежеквартальным журналом «Континент». Это серьезные издания. Возможно, наряду с «Вестником русского христианского движения», главные издания русской эмиграции. «Русская мысль» — ровесница нашей «Культуры».

— Да, с 1947 года.

— А «Континент» — это младший брат «Русской мысли» или скорее «Культуры»?

— Как журнал — скорее младший брат «Культуры». Тем более, что «Русская мысль» не была такой, как сегодня. Я не имею в виду польский раздел, говорю об общем направлении давнишней «Русской мысли». Только с третьей волной эмиграции она стала такой, как сегодня. То есть в течение последних лет... Раньше она больше концентрировалась на эмигрантской жизни.

— А «Континент»?

— А «Континент» и в самом деле младший брат «Культуры». Не случайно трое из основателей «Культуры» входят в состав нашей редколлегии...

— ...Чапский...

— ...Чапский, Гедройц и Герлинг-Грудзинский. Польские авторы в «Континенте» занимают второе место после русских, за ними — украинцы, что совершенно естественно. С поляками нас связывают самые близкие отношения, причем с разными поколениями. Если сначала мы что-то пе-

репечатывали из «Культуры», то потом для нас стали писать авторы из Польши. Бывало и так, что какие-то материалы у нас появлялись в русском переводе, а потом уже в оригинале в независимой польской прессе...

— Здесь мы должны вспомнить важное заявление советских политэмигрантов, которое когда-то одновременно, насколько я помню, опубликовали «Культура» и «Континент».

— Об Украине или о Катыни?

— О Катыни.

— Да, Катынь — это наша боль и наше страдание...

— Когда я давно еще читал статью Солженицына в сборнике «Из-под глыб», меня заинтересовал очень важный фрагмент, касающийся взаимных польско-русских обид. Говоря о том, в чем виновата Россия, Солженицын подчеркивает, что еще придет время, когда русские в полный голос проклянут советские преступления в Катыни и во время Варшавского восстания. И я с большой радостью прочитал потом заявление с осуждением «четвертого раздела Польши» в 5-м номере «Континента» за 1975 год, а потом катынское заявление.

— Еще живя в СССР, я старалась что-то узнать о Катыни, кое-что находила. Катынь — это не только боль Польши, но и наша боль...

— Наталья, а где ты учила польский?

— Я начала читать польские газеты в 1956-м — тогда из польской и югославской прессы можно было черпать какую-то информацию. По-польски мне читалось легче, перешла к журналам. Все поляки смеются, когда я говорю (и не я одна), что училась польскому по «Пшекрую». Но именно так, потому что в «Пшекруе» статьи были написаны простым и живым языком и их было легко читать. Так что читала «Пшекруй» и «Фильм». Заглядывала в книжки. Вначале пробовала с учебником, но это было скучно... Только потом, когда уже научилась читать простые тексты, взяла учебник и прошутудировала его в течение месяца, как бы проверяя свои знания. А потом решила, что уже могу читать серьезные книги. Первая книга — «Пепел и алмаз». Разговаривать было труднее...

— А что читала потом?

— Очень много. Во-первых, западные книги в польском переводе. Но, в отличие от многих, для кого польский язык был окном в мир, я читала всё о войне и оккупации в Польше, что только попадалось мне в руки. Читала Боровского. Меня очень интересовал этот период. Читала, конечно, польские издания... Потом попалось что-то из эмигрантских...

— Издания «Культуры»?

— Первую книгу, изданную «Культурой», я прочитала в 1967 г. — это были «Кладбища» Хласко. Фамилию Хласко я уже знала, понятно, раньше. Знала из советской прессы, которая ополчилась на него... А мы всегда любили людей, которых ругала советская пресса. Кто помнил прессу и пропаганду после 1956 г., особенно ценили Хласко и Ворошильского, потому что их больше всего поносили. Потому они и были в СССР особенно популярны... Ворошильского клеймили как ренегата и отступника: вот же сволочь, учился здесь у нас в Москве, был комсомольцем и вообще, а теперь стал предателем...

— Это в каком было году?

— В 56-57-м. А Хласко ругали уже в 58-м. Но о Ворошильском никогда не забывали. Долго не могли ему простить, что он был аспирантом в Литературном институте имени Горького. Тогда думали: это наш человек. А он оказался таким неблагодарным, посмел сменить взгляды! Он ведь побывал тогда в Венгрии, написал «Венгерский дневник»... А я с Виктором встретилась двадцатью годами позже, в 1976 г., в Париже. Должна сказать, что я тоже представляла себе его как «шкаф» и вообще. Когда советская пропаганда кого-то ругает, мы его себе представляем Бог знает как! Мне было очень приятно увидеть не шкаф, а человека... Очень близкого человека...

— А Марек Хласко...

— В 67-м году я прочитала «Кладбища» и обалдела. Книгу я нашла в Вильнюсе, потом поехала туда еще раз, выпрашивала, умоляла, чтобы мне разрешили ее взять в Москву!

— А что, в Вильнюсе можно было тогда достать Хласко?!

— У знакомых, понятно. Но вспомним разницу между Вильнюсом и Москвой. Детских книг того же Ворошильского в московском книжном магазине стран народной демократии не продавали. «Кирюшка, ты где?» я купила в Вильнюсе. В Москве в книготорге действовал запрет на Ворошильского, а в Вильнюсе такого запрета не было...

— А когда ты начала переводить? Расскажи о первых опытах.

— Первыми были «Кладбища». Нет... не первыми... хотя... Нет, первую вещь перевела раньше. Была такая эстрадная студия в Московском университете, называлась «Наш дом». И для них я перевела пьесу Брошкевича «Приключения Гулливера». К ним приезжал какой-то театр из Кракова — уже не помню, студенческий, наверное, — и показывал эту вещь. Они страшно хотели ее поставить, и я для них перевела... Потом ее поставили.

— Когда это было?

— Переводила я, наверное, в 66-67-м, потом ее долго не хотели пускать, наконец всё же разрешили — это было уже, наверное, в 67-м*. А в 69-м по решению парткома МГУ студию закрыли, а еще раньше запретили почти все их спектакли, в том числе «Гулливера»... А потом я перевела «Кладбища», начерно, начитала на магнитофон. Где-то потом эти большие кассеты с пленкой пропали [их перепрятывали от обысков, так что и следов не осталось. — *НГ*]. Всерьез «Кладбища» я перевела намного позже. Их потом напечатали в 3-м русском номере «Культуры»... Потом еще хотела перевести пьесу Януша Гловацкого «История Чеслава Пальки». Забавная вещь... Я пробовала ее предложить Таганке**, но оказалось, что Любимов уже ставит что-то похожее венгерское... Потом я начала переводить стихи... А, чуть не забыла! Польский я учила еще по пластинкам с песнями. Две главные пластинки... Нет, сначала была одна любимая заезженная пластинка, которую я привезла сюда с собой, и она до сих пор цела. Я ее купила в 67-м году в книжном магазине стран народной демократии, это пластинка Гжесюка «Nie ma cwaniaka nad warszawiaka». Произношению училась еще и по Гжесюку, не знаю, слышно ли это... Тогда был какой-то месячник дружбы ПНР и СССР, и мне удалось купить пластинку Эвы Демарчик. И по ней тоже я училась произношению.

Мы, русские, многое воспринимали иначе, чем поляки. В 69-м году приезжал какой-то театр из Варшавы и показывал пьесу «Не приду к тебе сегодня». Позже мне объяснили, что этот спектакль был мероприятием мочаровской пропаганды... Но мы этого не воспринимали так. А думали о Варшавском восстании, об оккупации. Думали: вот ведь поляки! А когда актеры вышли на поклоны и запели советскую песню «По долинам и по взгорьям...», зал перестал аплодировать, у всех было впечатление, что их заставили... О, там были фрагменты, вся мифология и фольклор, и «Расшумелись плакучие ивы...», и «Алые маки на Монте-Кассино», и песня на слова Боярского «О Наталья...», которую, как можешь догадаться, я особенно полюбила...

— Так что же, спектакль для вас был антисоветским?

— Безусловно! Мы искали антисоветские элементы везде. Представь себе, приехал в 65-м году на гастроли Деймек со своей «Историей о славном воскресении Господнем»... И мне кто-то из поляков говорит, что это вещь почти что антиклерикальная! А для нас это было Евангелие на сцене, только в фольклорной оправе. У нас были совершенно другие мерки, всё оценивали совершенно иначе... А если скажу тебе, что о поэтах, погибших во время войны (кроме Боровского) я узнала от такого прорежимного писателя, как Леслав Бартельский? Вот видишь...

— А потом была демонстрация и арест.

— Я вернулась, отсидев больше двух лет, и снова стала слушать эту пластинку Демарчик. Книжечка Бачинского у меня была давно. Я все время покупала книжки, была такая польская серия крохотных белых книжечек, называлась «Польские поэты», ты ее не помнишь, ты был еще ребенком. А на Бачинского я как-то сначала внимания не обратила. Но когда начала слушать Демарчик... «Дожди» и то, что у нее называется «Стихи Бачинского». Их я оценила позже, но «Дожди»! Я нашла стихотворение у Бачинского. Ужасно хотела перевести его так, чтобы можно было петь.

---

* Моноспектакль. Играл Илья Рутберг. Перевод был черновой. Я им только дала почитать, на оценку, а они прямо по черновику поставили, исправлять было поздно. — *НГ*

** Через Александра Филиппенко, из того же, уже разогнанного «Нашего дома». — *НГ*

— Это были первые пробы?

— Когда-то, еще в 56-м году, почти не зная польского, я перевела несколько стихотворений Стаффа из «Новой Культуры». Даже послала их ему. Он мне вернул их потом с замечаниями, но с той поры за стихи не бралась, только в 73-м перевела Бачинского.

— А потом был конгениальный перевод «Поэтического трактата» Милоша?

— С трактатом была такая история. Книгу Милоша я получила еще в Москве. У меня был такой знакомый, который еще в году 70-м, когда я сидела, эмигрировал и уехал и учился в Беркли. И вот он прислал мне книгу Милоша с автографом для меня.

— Как так прислал?

— Передал через кого-то. Я получила книгу с автографом Милоша и начала читать. И когда читала «Поэтический трактат», первой моей мыслью было: «Да, этого мне не перевести никогда... Как жаль!» Сначала я перевела «Отдельную тетрадь. Звезда Полынь».

— Это напечатали в «Континенте»?

— Да. Перевод не идеальный. У Иосифа было много замечаний. Я уточняла это с Милошем, который заставил меня кое-что поправить. Но надо было не только с ним, надо было послать также Иосифу Бродскому. Иосиф мне потом сказал, что там есть несколько неточностей. Кстати говоря, у меня лежит недоработанный перевод «Города без имени», там есть места, с которыми я не справилась, — поэтому отложила.

И тут неожиданно — пошел «Трактат». С ума сойти! Но решила: а чего там, попробую! А дальше началось что-то такое, чего при переводе никогда не переживала. Я сидела над переводом ночью и чувствовала, что умираю, засыпаю... Я вставала из-за стола, укладывалась — и в тот момент, когда уже засыпала, неожиданно чувствовала, что могу что-то записать, вскакивала к машинке, боясь, что до утра забуду. Этот перевод меня не отпускал. Ни до, ни после, ни с Милошем же, ни с кем иным такого больше не было... Нет, потом было еще раз, когда я переводила девять стихотворений Норвида, хотя так, как «Трактат», он мною не овладел — начерно перевела за полтора месяца... А потом почти год правила...

— Тебе помогал, насколько я знаю, Бродский.

— Помогал. Более того, Иосиф был единственным, кто просмотрел со мной вместе текст «Трактата» строчку за строчкой. Милош сказал, что после поправок Иосифа он уже больше не будет смотреть, что Бродскому он доверяет полностью. Мы работали с Бродским, я тогда была в Нью-Йорке. Мы просидели вместе много часов и просмотрели более или менее половину текста. У нас уже не было сил, а я должна была лететь в Гарвард, а потом из Бостона — в Париж. Иосиф пообещал прислать мне оставшуюся часть. И в самом деле прислал, со своими замечаниями и поправками. Я до этого читала перевод вслух массе людей. Но Иосиф читал уже не черновик, почти не черновик...

— Практически готовый...

— Почти готовый. И по этому почти готовому тексту сделал еще много замечаний. Я думаю, что сейчас в этом переводе не надо менять ни одного слова. В Париже, когда вышла книга, я устроила чтение, и неожиданно ко мне подошел поляк, уже пожилой, наверное старше Милоша, и сказал: «Знаете, я всегда очень ценил Милоша-публициста, очень любил Милоша-прозаика, но только теперь вы меня убедили, что Милош и в самом деле великий поэт». Так сказал мне поляк!

— Мы здесь упомянули Герлинга-Грудзинского. А что с «Иным миром»? Отрывки в твоем переводе я читал в «Русской мысли».

— Наконец я его перевожу! Я боялась начинать такую большую работу, не имея для нее издателя. Когда-то я перевела «Кладбища» и подсунула Гедройцу, когда он решил выпустить третий русский номер «Культуры». Сейчас бы я так не решилась. Когда наконец нашлось издательство, я сразу взялась за работу. Должна была сдать перевод в декабре 86-го; сейчас у нас, слава Богу, февраль 87-го, а я перевела около половины книги... у меня, как у героя книги Ворошильского «Кирюшка, ты где?», весь мир на голове.

— Ты, наверное, знаешь, что в Польше сейчас огромная заинтересованность русской независимой культурой, литературой, философией и богословием. Что ты нам посоветуешь перевести и издать?

— Что касается русской философии или богословия, то я думаю, что почти вся религиозно-философская литература была издана в довоенной Польше — и Шестов, и Бердяев, и Франк, и отец Сергий Булгаков.

— А вот здесь ты ошибаешься! Были две книги Бердяева, но не в очень хороших переводах. Соловьева в межвоенные годы почти не переводили, а Шестова и Булгакова не было совсем.

— Вот видишь, когда идет речь о религиозной философии, то я здесь себя чувствую, ну, не как свинья в апельсинах, но как чукча в апельсиновом саду. Но если могу сказать от своего имени, то мне кажется, что самым глубоким был Шестов — думаю, это мыслитель, до конца еще не понятый... Мне кажется, что Бердяев — самый простой из них и самый доступный, иногда самый выразительный, а в общем иногда довольно плоский...

— А из литературы? Ты ведь знаешь, что переводили, а что нет.

— Более или менее знаю. И знаю, чего стоят мои советы. Меня спросили когда-то, что я думаю о книге Виктора Красина «Суд». Я сказала, что это лживая книга и тот, кто не знает всех обстоятельств, ее не поймет. В этой книге человек говорит: «Да, я был подлецом, на суде каялся, а на конференции клеветал и врал, а теперь расскажу вам всю правду». И снова лжет — иначе, но лжет. Вот так я высказалась о книге, но, несмотря на это, она вышла в Польше в двух или трех издательствах.

— Без комментариев?

— К этой книге трудно было бы давать комментарии...

— А предисловие?

— О предисловии меня никто не попросил. Спросили только мое мнение. Я считаю, что эта книжка вредная, потому что... Ну, предположим, я заявлю голословно, что это вранье, укажу какие-то места, но дело здесь не в «местах». Там весь тон лживый. А людей, которые этих дел не знают, очень легко обмануть... Не знаю... С моих первых встреч с поляками — как раньше, так и теперь, в течение этих пяти лет военного положения, когда еще больше развернулась независимая издательская деятельность, — когда меня спрашивали, что издать из литературы, я неизменно говорила: «Семь дней творения» Максимова. А в ответ слышу: это слишком большая книга. Ну, не знаю, но вижу, что издаются книги очень большие и совершенно уверена, что и ее можно перевести. Я ведь не говорю: издайте всего Максимова. Кое-что уже издано... Очень хорошо, если вы будете его издавать побольше. Как и всех других. Максимов написал и другие прекрасные романы. Но эта книга, «Семь дней творения», — особенная, уникальная. Как никакая другая, она объясняет не рационально, а художественно русские судьбы, позволяет понять нас во всех наших счастьях и несчастьях, во всём, благодаря чему мы люди... Это и в самом деле удивительная книга...

— Спасибо за беседу.

Примечание. Беседа была записана в Париже, в редакции «Русской мысли», в феврале 1987 года. Она велась по-русски, хотя Наталья Горбаневская в совершенстве говорит по-польски. [И до сего дня — не в совершенстве! — *НГ*]

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Барбара Торунчик - опыт „поколения 68-го”
Стихи Яна Польковского
Ю. Чапский о неизвестном письме Ленина
О. Закиров: из воспоминаний
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский,
А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,
Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

Лучшие писатели и критики

Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52;
тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczosc@bn.org.pl
www.culture.pl/pl/culture/artykuly/cz_tworczosc

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60;
тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

Dialog

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80, +48 (22) 608-28-81;
тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

DWUTYGODNIK ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70, +48 (22) 608-28-71;
тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91;
тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65, +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.novpol.ru

odra miesięcznik

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37;
тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

a akcent

literatura i sztuka ● kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.
тел. +48 (022) 692 88 19;
тел./факс: +48 (022) 692 88 18
e-mail teatr@bn.org.pl

BIBLIOTEKA NARODOWA

Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich

02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213, tel. +48 (022) 608 23 74; tel./fax +48 (022) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl; www.bn.org.pl

ISSN 1508-5589

Cena 7 zł w tym 0% VAT